

Чарльз М. Шелдон

...По следам Его

(«Как бы поступил Иисус?»)

Перевод на русский язык:

Елена Махаринская, Леонид Махаринский

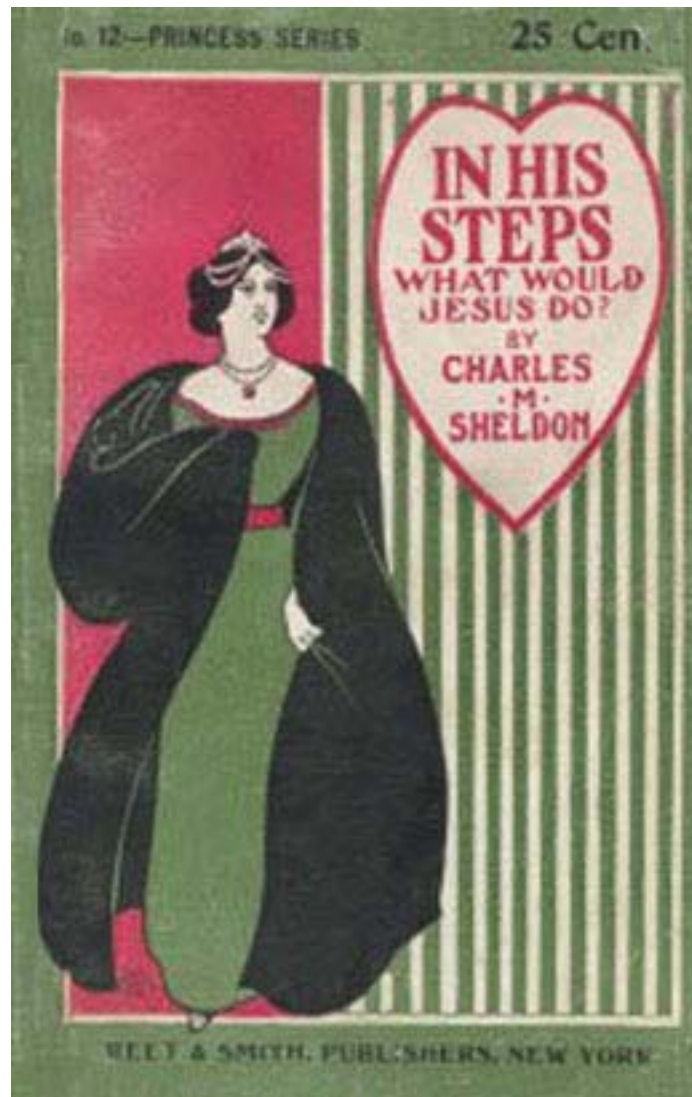
www.muhammadanism.org
December 03, 2007
Russian

Титул оригинала:

In His Steps:
"What Would Jesus Do?"
by Charles M. Sheldon.

Chicago Advance, 1896.

Перед вами обложка книги Чарльза Монро Шелдона (1847-1946), впервые изданной в самом конце девятнадцатого века, и быстро ставшей бестселлером. Свыше тридцати миллионов проданных экземпляров возвели эту книгу в число сорока самых продаваемых книг за все времена. «Чикаго Эдванс», первый издатель Шелдона, не зарегистрировал авторские права в надлежащей форме, чем не преминули воспользоваться другие издательства. В результате автор лишился возможности заработать, зато розничные цены на книгу оказались очень низкими. Большие тиражи только добавили популярности «По следам Его», и книгу быстро полюбили по всей Америке.

Глава Первая

«...Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его».

Было утро пятницы, и преподобный Генри Максвелл пытался закончить свою проповедь для воскресного утреннего богослужения. Его постоянно отрывали от дела, и беспокойство пастора росло по мере того, как солнце продвигалось к зениту. Увы, текст проповеди все никак не желал принимать надлежащий вид.

— Мери, — попросил пастор свою жену, поднимаясь вверх по лестнице в кабинет после очередного перерыва, — если кто-нибудь еще придет после этого, прошу тебя, скажи, пожалуйста, что я очень занят, и не могу спуститься вниз, если только это не что-нибудь чрезвычайно важное.

— Хорошо, Генри. Только я собиралась сходить в детский сад, так что весь дом в твоём распоряжении.

Пастор поднялся в свой кабинет и закрыл за собою дверь. Через несколько минут он услышал, как ушла его жена, и в доме наконец-то наступила тишина. Со вздохом облегчения он устроился за рабочим столом и начал писать. Выбранный им отрывок был из Первого послания Петра, 2:21: «Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его».

В первой части проповеди Генри Максвелл намеревался уделить особое внимание искуплению, как личной жертве, сделав упор на том, что Иисусу пришлось постоянно страдать: и в течение всей Своей жизни, и умирая. Далее проповедник хотел развить тему искупления, заострив внимание своих слушателей на примерах из жизни и учения Иисуса, показывая, как вера во Христа помогала совершить спасение людей благодаря примеру или характеру, раскрытому Им людям для подражания. Пастор приступал теперь к третьему и последнему разделу своей проповеди, где речь шла о необходимости следования Иисусу, Его жертве и примеру.

Он написал на бумаге: «Три шага. В чем они состоят?», и уже собирался перечислить их в логической последовательности, когда вдруг внизу резко прозвенел звонок. Это был один из тех заводных звонков, который всегда раздражался таким громким звуком, как если бы часы намеревались пробить все двенадцать ударов сразу.

Генри Максвелл продолжал сидеть за своим рабочим столом, и лишь немного нахмурился. Он не сдвинулся с места, чтобы ответить на звонок. Очень скоро звонок повторился вновь; тогда он поднялся и подошел к одному из окон, из

которых открывался вид на главный вход. На ступеньках крылечка стоял какой-то человек. На вид он был молод, причем одет очень бедно.

«Выглядит как бродяга, — сказал вслух пастор, — я думаю, мне стоит спуститься и...»

Не закончив свою мысль, Максвелл спустился вниз и открыл дверь. Какое-то мгновение пастор и его гость стояли молча, глядя друг другу в глаза, затем нищенского вида молодой человек сказал:

— Я оказался без работы, и подумал, может быть, вы могли бы нанять меня для какой-нибудь надобности...

— Ничем не могу Вам помочь! В наше время не так-то просто найти работу, — ответил пастор, начиная потихоньку затворять дверь.

— Я не знаю, но возможно Вы бы могли порекомендовать меня в городскую железную дорогу или управляющему железнодорожными мастерскими. Или посоветуйте обратиться куда-нибудь еще, — продолжал молодой человек, нервно теребя свою изрядно выцветшую шляпу. Он постоянно перекладывал ее из одной руки в другую.

— Полагаю, это вам никак не поможет. Вы должны меня извинить, но я очень занят этим утром. Надеюсь, вы что-нибудь найдете. Мне очень жаль, что не могу вам ничего предложить у себя по дому. Но у меня только одна лошадь, да корова, и со всем хозяйством я справляюсь сам.

Преподобный Генри Максвелл закрыл дверь и послушал, как шаги молодого человека затихают вдали. Когда он поднимался в свой кабинет, то из окна столовой увидел, как молодой незнакомец медленно брел вниз по улице, все еще сжимая свою шляпу обеими руками. В его фигуре было что-то до того подавленное, он выглядел таким бездомным и брошенным, что пастор на минутку задержался, глядя ему вслед. Затем он вернулся к своему рабочему столу, и со вздохом продолжил писать с того места, где остановился.

Больше Максвелла от работы никто не отрывал, и когда через два часа вернулась домой жена, проповедь была уже закончена, отдельные листы собраны вместе, аккуратно сшиты и положены на его Библию. Все было подготовлено к воскресной утренней службе.

— Странная вещь произошла в детском саду этим утром, Генри, — сообщила во время обеда его жена, — Ты знаешь, мы с миссис Браун ходили сегодня в школу, и сразу после игр, когда дети еще сидели за столами, открылась дверь, и вошел какой-то молодой человек, сжимая обеими руками очень грязную шляпу. Он присел у порога и за все время не проронил ни слова, только смотрел на детей. По всей видимости, это был бродяга, и мисс Рен и ее помощница мисс Кайл поначалу немного испугались, но он сидел очень тихо, и спустя несколько минут ушел прочь.

— Возможно, этот человек просто устал, и хотел где-нибудь отдохнуть. Мне кажется, это тот самый мужчина, что заходил сюда. Ты говоришь, он выглядел как бродяга?

— Да, он был ужасно грязный, в оборванной одежде, весь в пыли. Так обычно выглядят бродяги. На вид ему не больше тридцати лет, ну, может, тридцать три от силы.

— Да, это тот же самый человек... — сказал преподобный Генри Максвелл задумчиво.

— Закончил ли ты свою проповедь, Генри? — поинтересовалась жена через какое-то время.

— Да, все готово. Эта неделя оказалась для меня очень насыщенной. Мне пришлось немало попотеть, чтобы подготовить очередные две службы.

— Я надеюсь, твои проповеди придутся по душе большой аудитории наших прихожан в воскресенье, — ответила его жена, улыбаясь. — О чем ты собираешься говорить на утренней службе, Генри?

— О следовании Христу. Я буду разбирать искупление, говорить о его составных частях: жертве и примере для подражания. Затем я укажу те шаги, что необходимо предпринимать для того, чтобы следовать жертве Христа и Его примеру.

— Я уверена, у тебя получится хорошая проповедь. Надеюсь, что в это воскресенье не будет дождя. В последнее время было так много ненастных дней в конце каждой недели.

— Да, в последнее время аудитория была не слишком большой. Люди не решаются пойти в церковь в грозу, — говоря это, преподобный Генри Максвелл не удержался от вздоха. Пастор задумался о том, с какой тщательностью и с каким усердием готовил он свои проповеди, надеясь собрать многочисленных слушателей, большинство из которых так и не пришло.

Но воскресное утро в городке Реймонд выдалось на редкость погожим. Это был один из тех ясных деньков, которые случаются после долгого периода непогоды, непрекращающихся дождей, ветра и слякоти. Воздух был чистым и бодрящим, на небе ни одного тревожного знака, и все прихожане мистера Максвелла собирались пойти в церковь. Когда в одиннадцать часов началась утренняя служба, большое здание оказалось полностью заполнено. Излишне говорить, что аудиторию составляли хорошо одетые и наиболее респектабельно выглядящие горожане Реймонда.

Считалось, что «Первая Церковь» Реймонда обладала лучшей музыкой, какую только можно было купить за деньги, и хоровое исполнение этим утром (пел квартет) стало источником подлинного наслаждения для паствы. Первый же гимн наполнил сердца людей упоением. Все музыкальное сопровождение было построено в соответствии с темой проповеди. И к словам гимна:

«Крест, Иисусе, свой беру я; все оставив, вслед иду...»

— была тщательно подобрана самая современная музыка.

Перед самой проповедью прозвучало соло еще одного хорошо известного гимна. Чистое сопрано выводило:

«Куда б ни вел меня, я — с Ним, я с Ним пройду весь путь...»

Стоя за ширмою из резного дуба, символически украшенной изображениями креста и короны, Рейчел Уинслоу выглядела в это утро особенно красивой. Но ее голос был даже прекраснее, чем лицо, и это имело большое значение. Когда она поднялась со своего места, по рядам пролетел шепоток предвкушения. Мистер Максвелл, довольный, как и все собравшиеся, расположился за кафедрой. Пение Рейчел Уинслоу всегда служило для пастора прекрасной поддержкой. Он специально планировал ее сольные гимны перед своими проповедями. Пение Рейчел приводило аудиторию в некое возвышенное состояние, что делало его последующие речи более впечатляющими.

Люди говорили сами себе, что никогда не слышали такого пения, даже в «Первой Церкви». Было очевидно, что если бы не церковная служба, ее соло было бы встречено громом оваций. Проповеднику даже показалось, что при возвращении Рейчел на место по церкви пронеслось нечто подобное несостоявшимся аплодисментам или легкому топанию ногами по полу. Его это несколько встревожило. Однако когда он поднялся и положил текст своей проповеди на Библию, то сказал себе, что, по всей видимости, просто ослышался. Разумеется, такого быть не могло! Впрочем, уже через несколько мгновений он оказался настолько поглощенным своей проповедью, что, в удовольствии от своей собственной речи, успел позабыть про все остальное.

Никто не смог бы обвинить Генри Максвелла в том, что его проповеди наводили на слушателей скуку. Напротив, пастора нередко упрекали в излишней эмоциональности: не столько за то, что он говорил, сколько за то, как это было сказано. Но прихожанам «Первой Церкви» такая манера была по вкусу. Это придавало их проповеднику, да и всему приходу, некую исключительность, что было весьма приятно.

Также было правдой и то, что пастор «Первой Церкви» обожал проповедовать. Он редко позволял себя заменить. Каждое воскресенье преподобный Максвелл хотел стоять за своей кафедрой лично. Это были для него пьянящие полчаса, когда он смотрел на свою церковь, полную народа, и знал, что его слушают. Причем, священнослужитель был исключительно чувствителен к количеству собиравшихся прихожан. Ему никогда не удавалось хорошо проповедовать перед маленькой аудиторией. Погода также оказывала на него несомненное влияние. Он оказывался в своей лучшей форме, находясь именно перед такой аудиторией, как сегодня, и в такой день, как сегодня. Читая проповедь, Максвелл чувствовал, как переполняется удовольствием. Его церковь считалась в городе первой. У нее был самый лучший хор. Среди ее членов находились поистине выдающиеся люди, представители богатых кругов, высшего общества и интеллигенции Реймонда. Сам он собирается отправиться этим летом в трехмесячный отпуск за границу, и обстоятельства, складывающиеся в его пасторате, его влияние и его положение, как пастора «Первой Церкви» в городе...

Неизвестно, насколько преподобному Генри Максвеллу было понятно, как он собирается использовать эту мысль в связи с сегодняшней проповедью, но, подходя к ее завершению, он подумал о том, что в каком-то смысле его речь уже

отразила все переполнявшие его чувства. Эти чувства органично вплелись в контекст его проповеди. Может быть, на их выражение ушло всего несколько мгновений, но священнослужитель не сомневался, что сумел мимоходом отразить и свое положение, и свои эмоции, как будто он произносил какой-нибудь личный монолог. Да, его речь явно передавала всю красоту чувства глубокого внутреннего удовлетворения.

Проповедь оказалась интересной. Она была полна метких выражений, которые были призваны обратить на себя внимание слушателей и надолго остаться в их памяти. Произносимые с оттенком поистине драматичной страсти, подобранные пастором слова, находясь в пределах хорошего вкуса, никогда не давали повода для того, чтобы заподозрить его в пустословии или декламации, и были очень эффектны. Если преподобный Генри Максвелл чувствовал в это утро удовлетворение от положения своего пастората, то и прихожане «Первой Церкви» испытывали схожие чувства. Они поздравляли себя с тем, что имели за кафедрой такого просвещенного и утонченного священника, обладающего весьма эффектной внешностью, и проповедующего с таким воодушевлением. Да, их пастырь был полностью свободен от этого вульгарного, шумного и неприятного маньеризма!

Но внезапно, это совершенное единство и согласие, достигнутое между проповедником и его аудиторией, оказалось нарушено в самом апогее, причем весьма примечательным образом. И даже трудно определить, до какой степени была шокирована публика этим внезапным и грубым вторжением. Оно было столь неожиданным, и находилось в таком несоответствии с общим настроением всех присутствующих, что не оставило ни места для каких-либо возражений, ни времени, чтобы оказать ему сопротивление.

Итак, проповедь плавно подошла к концу. Мистер Максвелл как раз прикрыл половиной своей большой Библии текст произнесенной речи и уже собирался сесть, в то время как квартет, наоборот, был готов подняться, чтобы исполнить заключительный гимн:

— «Все для Христа, все для Христа, души моей искупленной все силы...»

— когда вся паства была потревожена внезапно раздавшимся звуком мужского голоса. Голос этот донесся сзади, откуда-то из самых дальних рядов под галереями. В следующий момент из тени показалась фигура незнакомого мужчины. Он шел по среднему ряду церковного зала.

Прежде чем ошарашенные прихожане могли составить себе хоть какое-нибудь представление о том, что происходит, мужчина достиг открытого пространства перед кафедрой. Здесь он повернулся лицом к аудитории.

— Я все думал, с того самого момента, как пришел сюда, — эти слова были сказаны еще под галереей, и он еще раз повторил их, — вот, если бы можно было сказать словечко перед закрытием службы. Нет, я не пьяный и не сумасшедший, и я совершенно безобиден, но если я умру, а по всей вероятности это случится через несколько дней, то мне хотелось бы ощутить напоследок удовлетворение от мысли, что я сказал свое слово в таком месте как это, да еще перед такой толпой народа.

Генри Максвелл не успел сесть на свое место, и теперь продолжал стоять,

облокотившись на кафедру, глядя сверху вниз на незнакомца. Это был тот самый человек, что приходил к нему в пятницу: тот же грязный, оборванный молодой человек с наружностью нищего. Он и здесь обеими руками держал свою выцветшую шляпу. Похоже, это его излюбленный жест. Он был небрит, и его волосы выглядели всклокоченными и спутанными. Маловероятно, чтобы когда-либо кто-нибудь, подобный ему, стоял перед аудиторией «Первой Церкви», да еще близ алтаря. Было бы вполне привычным встретить подобного сорта людей на улице, или вблизи железнодорожных мастерских. Да, такой народ обычно шатается по улицам туда и обратно. А чтобы бродяга зашел в церковь — это практически неслыханное дело!

Ни в манере говорить, ни в самом тоне незнакомца не было ничего оскорбительного. Он не был возбужден и говорил тихим, но отчетливым голосом. Стоя за кафедрой, хотя и потеряв дар речи от изумления перед происходящим, мистер Максвелл вдруг подумал, что каким-то образом действия незнакомца напоминают ему об одном человеке, которого он однажды видел во сне — тот так же ходил и говорил.

Никто из присутствующих в зале не сделал ни единого движения, чтобы остановить незнакомца, или каким-то образом прервать его. Возможно, на смену первому шоку от его внезапного появления, пришло искреннее недоумение относительно того, как будет лучше поступить. Как бы то ни было, он продолжал, словно и не задумываясь о возможности того, что его могут прервать, и не беспокоясь о своем необычном виде, которым он нарушал благопристойность службы «Первой Церкви». И во время его речи лицо остававшегося за кафедрой проповедника с каждым мгновением становилось все бледнее и печальнее. Но и он не сделал ни единой попытки, чтобы остановить самозванца, и все присутствующие сидели в гробовой тишине. Еще одно лицо, лицо Рейчел Уинслоу, выглядело очень бледным: она сосредоточенно смотрела из хора вниз на фигуру нищего с потертой шляпой. Впрочем, ее лицо оставалось замечательным при любых обстоятельствах. Под давлением обстоятельств момента (а инцидент был действительно неслыханным!), оно было так отчетливо выразительно, как будто некий художник заключил его в огненную раму.

— Нет, я не какой-нибудь бродяга, хотя никогда не слышал, чтобы в учении Иисуса говорилось о том, чтобы один вид бродяг менее заслуживал спасения, чем другой. Вы тоже не слышали? — Он задал вопрос так естественно, как будто бы все собрание было небольшим библейским классом. Пришелец сделал небольшую паузу, и тяжело закашлялся. Затем он продолжил:

— Я потерял работу десять месяцев назад. Я работаю печатником по найму. Новые линотипные машины являются, не спорю, прекрасным изобретением, но я знаю шестерых мужчин, которые решили покончить свою жизнь самоубийством в течение одного года, благодаря этим самым машинам. Конечно же, я не обвиняю газеты за то, что они приобретают эти станки. Ну, в общем, как человеку зарабатывать? Да, знаю, я выучился только одному ремеслу, и это все, что я умею делать. Я скитался по всей стране, пытаюсь найти что-нибудь. Но таких, как я, великое множество. Я не жалуясь, разве это жалобы? Просто привожу факты. Но пока я сидел вот здесь под галереей, я все думал, является ли то, что вы называете

следовать Христу, тем, чему Он учил? Что Он имел в виду, когда сказал: «Иди за Мной»?! Вот, пастор сказал, — здесь он обернулся и посмотрел вверх на кафедру, — что ученику Иисуса необходимо идти по следам Его, и он сказал, что эти «следы» или шаги есть «послушание, вера, любовь и подражание». Однако я не слышал, чтобы он объяснил, что все это означает, особенно, относительно последнего шага. Что вы, христиане, подразумеваете под хождением по следам Иисуса?

— Три дня я скитался по этому городу в поисках работы. И за все это время я не услышал ни единого слова сочувствия или утешения за исключением вашего пастора, который сказал, что ему очень жаль, и выразил надежду, что мне удастся найти какую-нибудь работу. Я думаю, это происходит оттого, что вы так часто оказывались обманутыми профессиональными бродягами, что потеряли всякий интерес к нищим любого рода. Я никого не обвиняю, нет, нет! Просто констатирую факты. Разумеется, я понимаю, что вы не можете бросить все свои дела, и заниматься поисками работы для людей такого сорта как я. Да я и не прошу вас этого делать; но вот не дает мне покоя вопрос, что же означает следовать Иисусу? Что вы имеете в виду, когда поете: «Я с Ним, я с Ним, я с Ним пройду весь путь?» Имеете ли вы в виду то, что вы страдаете и, отрекаясь от себя, пытаетесь спасти погибшее, страдающее человечество, что, как, я понимаю, делал Иисус? Что вы подразумеваете под этим? Я видел множество созданий на краю гибели. Я знаю, что в этом городе, в таком положении как я, находятся не меньше пяти сотен мужчин. У большинства из них есть семьи. Моя жена умерла четыре месяца назад. Я рад, что ее страдания закончились. Моя маленькая дочка осталась с семьей одного печатника, пока я не найду работу. Вот меня что смущает: я вижу столько христиан, пребывающих в роскоши и поющих: «Крест, Иисусе, свой беру я; все оставив, вслед иду...» И при этом я вспоминаю, как моя жена умирала в одном из доходных домов Нью-Йорка, задыхаясь без воздуха, и прося Господа забрать к Себе и нашу маленькую дочку тоже. Я, разумеется, не ожидаю, что вы, люди, можете предотвратить каждую смерть от голода, от недостатка нормального питания и от спертого воздуха многоквартирного доходного дома, но что же тогда означает следовать Иисусу? Я так понимаю, что многие христиане являются владельцами доходных домов. Владелец того дома, в котором умирала моя жена, был членом церкви. И я не знаю, правильно ли он понимал: как это, «пройти за Иисусом весь путь»? Было ли это следование правильным в его случае? Я слышал, как однажды вечером на одном из молитвенных собраний люди пели:

— «Все для Христа, все для Христа, души моей искупленной все силы,
Все мысли и мои деянья, все мои дни, до самой до могилы...»

— и думал, сидя снаружи на ступеньках церкви, что они хотят сказать этими словами. Мне почему-то кажется, что в мире огромное количество проблем просто бы не существовало, если бы все те люди, что поют такие песни, встряхнулись бы и стали жить по этим словам. Ну, наверное, я чего-то не понимаю. Но как бы поступил Иисус? Это вы имеете в виду, когда говорите о следовании по Его стопам? Мне по временам кажется, что у людей в больших церквях все есть: и хорошие одежды, и красивые дома, в которых они живут, и деньги, чтобы тратить на всякую роскошь, и летом они могут выезжать на отдых. А вот люди вне церкви,

их же тысячи, вы понимаете — так они тысячами умирают в доходных домах, бродят по улицам в поисках работы, и знать не знают, что такое пианино или картина на стене в собственном доме! Они так и проводят целую жизнь, в нужде, в пьянстве и грехе.

Внезапно мужчина резко согнулся, шатнувшись в направлении стола для причастия. Его закопченная рука ухватилась за край чистой скатерти, а выскользнувшая из нее шляпа упала на ковер у ног незнакомца. По собранию пробежало волнение. Доктор Вест приподнялся со своего места на скамье, но вся публика замерла, погрузив церковь в полнейшую тишину. Казалось, ничей голос или движение не решаются ее нарушить. Побледневший мужчина прикрыл глаза свободной рукою и тут же, без всякого предупреждения, тяжело рухнул лицом на пол, вытянувшись во весь рост в проходе. Генри Максвелл поспешил сказать:

— Будем считать нашу службу законченной.

Пастор быстро вышел из-за кафедры и первым опустился на колени перед лежащим незнакомцем. Все в зале поднялись со своих мест, проходы между скамьями были заполнены людьми. Доктор Вест успокоил людей, сказав, что мужчина жив, и лишь потерял сознание. «Скорее всего, проблемы с сердцем», — негромко проговорил доктор, помогая перенести мужчину в кабинет пастора.

Глава Вторая

Генри Максвелл вместе с группой членов церковного совета задержался на некоторое время в кабинете пастора. Незнакомца уложили там же на кушетку, он не переставал тяжело дышать. Встал вопрос: что делать дальше с заболевшим? Пастор настаивал, чтобы несчастного перенесли к нему домой: ведь он жил неподалеку, и в его доме была свободная комната. Тут поднялась Рейчел Уинслоу, и сказала:

— Моя мама сейчас одна, компаньонки у нее нет. Уверена, что она будет только рада, если мы дадим приют этого человеку.

Девушка выглядела сильно взволнованной, но, казалось, никто этого не замечал. Все члены совета были крайне возбуждены происшедшим, и немудрено, ведь более удивительного случая не мог припомнить ни один из членов «Первой Церкви». В конце концов, пастор убедил всех, что он сам позаботится об их странном госте. Когда подъехал экипаж, находившегося без сознания, хотя и все еще живого человека доставили в дом пастора. С появлением этого загадочного существа в свободной комнате пасторского дома, в жизни Генри Максвелла открывалась новая глава. Однако в тот момент никто, и в меньшей мере сам священнослужитель, даже не подозревал, каким замечательным переменам в жизни множества людей было суждено произойти после того, как из уст нашего священника прозвучало определение ученика Христова.

Во всем приходе «Первой Церкви» случившееся событие сразу же было раздуто в огромную сенсацию. Люди не могли разговаривать ни о чем другом в течение целой недели. Общее впечатление было таково, что незнакомец ввалился в церковь, будучи в состоянии какого-то умственного расстройства, развившегося, вероятно, по причине его собственных проблем, и все то время, что он говорил, он находился в какой-то странной горячке, не позволявшей ему трезво оценивать окружающую обстановку. Честно говоря, таковы были самые мягкие варианты того, как люди описывали ситуацию. Все прихожане сходились во мнении, что в словах этого странного человека нельзя найти ничего обидного: что толку сетовать на больного человека? Да ведь и говорил он весьма спокойно, ровным голосом, как будто за что-то извинялся: можно сказать, как если бы кто из церковной общины пытался найти ответ на какой-нибудь очень сложный вопрос.

На третий день после того, как незнакомца поместили в дом пастора, в его состоянии произошли явные перемены. Доктор недвусмысленно заявил, что нет никакой надежды на выздоровление. Причем, если в субботу утром в теле несчастного еще теплилась какая-то жизнь, то к вечеру его самочувствие резко ухудшилось. В ночь на воскресенье, не успели часы пробить час, страдалец собрал последние силы и спросил, нельзя ли ему повидаться с его ребенком. Пастор обшарил все карманы больного, в которых находилось несколько смятых писем. Как только священник сумел установить по ним адрес дочери своего гостя, он немедленно послал за нею. Впервые после перенесенного удара больной пришел в

сознание, но лишь на несколько минут. Говорил он довольно разборчиво.

— За вашей девочкой послали. Скоро она будет здесь, — сказал мистер Максвелл, присаживаясь у постели больного. Утомленное лицо пастора хранило отметины тяжело перенесенной им недели: хозяин настаивал на своем праве находиться у ложа страдальца практически каждую ночь.

— Нет, в этом мире мне с нею уже не повидаться... — прошептал умирающий. Затем, несмотря на то, что каждое слово давалось ему с превеликим трудом, он добавил. — Вы были так добры ко мне. Я чувствую, каким то образом, вы поступили точно так, как поступил бы на вашем месте Иисус.

Не прошло и пары минут, как голова больного слегка склонилась набок. И прежде чем мистер Максвелл сумел осознать, что произошло, доктор тихо сказал: «Он умер».

Утро последовавшего воскресенья в городе Реймонде ничем не отличалось от воскресного утра неделю назад. Заняв привычное место за кафедрой, мистер Максвелл поднял глаза и увидел пред собою такое множество людей, какое вряд ли когда-либо собиралось под сводами «Первой Церкви». Вид у пастора был изможденный: он выглядел так, будто только что оправился после долгой болезни. Его жене пришлось остаться дома с маленькой девочкой, которая прибыла в Реймонд с утренним поездом: всего лишь час спустя после смерти ее отца. Тело страдальца так и лежало в свободной комнате пасторского дома. Все его муки теперь закончились, и перед глазами пастора до сих пор стояло лицо умершего. Пастор раскрыл лежащую с краю на кафедре Библию и разложил рядом с нею свои заметки, специально подготовленные к проповеди: действия, за десять лет служения в реймондской церкви прочно вошедшие в привычку.

Однако в это утро церковная служба проходила по новому сценарию. Никто не мог уже припомнить, с каких это пор Генри Максвелл стал проповедовать, не обращаясь к своим заметкам. Честно говоря, он поступал так порою, когда только начинал свое служение в роли пастора, но в последствии привык тщательно расписывать заранее каждое слово своей утренней службы, равно как и те речи, что он произносил во время вечерних собраний. Нельзя сказать, чтобы его выступление в то утро было сенсационным или в чем-то поразительным. Говорил он просто, не скрывая того, что колеблется. Всем было очевидно, что какая-то очень важная мысль завладела его воображением до самого крайнего предела, однако она так и не нашла себе выражения в рамках той темы, которую пастор избрал для своей проповеди. Лишь ближе к ее окончанию он, болезненно поморщившись, попробовал собраться с силами, которых у него явно не хватало в начале выступления.

Наконец, он закрыл Библию, и, сойдя с кафедры, обвел глазами собравшихся в церкви людей. Пастор начал говорить о той памятной сцене, что разыгралась здесь неделю назад.

— Наш брат, — привычные слова, слетавшие с его губ, звучали как-то странно, — упокоился с миром сегодня утром. У меня еще не было времени узнать его историю получше. Из родни у него лишь сестра, живущая в Чикаго. Я

отправил ей письмо, но пока не получил ответа. Его маленькая дочка сейчас у нас, и пока будет оставаться у нас в доме.

Пастор сделал паузу и обвел взглядом помещение церкви. Он подумал, что ему никогда еще за все время своей работы не доводилось видеть столько открытых лиц. А ведь он еще ничего не сказал этим людям ни о своих переживаниях, ни о том кризисе, в котором он сейчас находится! Однако каким-то непостижимым образом его чувства уже успели передаться им; и пастору вовсе не казалось, что его побудительным мотивом прийти сюда и рассказать им то, что зародилось у него в душе, послужил всего лишь некий безрассудный сиюминутный импульс.

Пастор продолжил. — Появление этого человека в нашей церкви в прошлое воскресенье, и слова, им сказанные, произвели на меня сильное впечатление. Я больше не в состоянии скрывать от вас, да и от себя самого, что все то, о чем он говорил, также как и его смерть, последовавшая вскоре в моем доме, заставляет меня задать себе вопрос, о котором я прежде как-то не задумывался. «Что означает на деле следование Иисусу?» Я вовсе не намереваюсь произносить какого-либо обвинения в адрес наших людей, или, до определенной степени, в свой собственный адрес: ни касательно наших отношений, как последователей Христа, к этому человеку, ни к тому множеству людей, которых он представляет в этом мире. Но все это, тем не менее, не позволяет мне успокоиться, ибо я чувствую, что все сказанное этим человеком имеет настолько жизненно важное значение, что мы обязаны попытаться найти ответ на его вопросы. В противном случае мы не смеем называться Христовыми учениками! Значительная часть того, что было высказано здесь в прошлое воскресенье, является настоящим вызовом тому христианству, которое мы привыкли видеть и чувствовать в наших церквях. И это убеждение крепнет во мне с каждым новым днем.

Не думаю, что какой-то иной день может быть более подходящим, чем сегодня, для того, чтобы предложить вам некий план, или задачу, если хотите. Вот, какая идея возникла в моих мыслях. Это что-то вроде ответа на те слова, что были сказаны здесь неделю назад.

Генри Максвелл вновь остановился, чтобы посмотреть прямо в глаза своей пастве. Да, в «Первой Церкви» было немало сильных и честных мужчин и женщин.

Он встретился взглядом с Эдвардом Норманом, главным редактором реймондской газеты «Дэйли Ньюз». Вот человек, что является членом «Первой Церкви» уже добрый десяток лет.

Никакого другого человека из прихожан «Первой Церкви» в их городе не уважали более. Вот сидит Александер Пауэрс, управляющий большими железнодорожными мастерскими в Реймонде, типичный железнодорожник, человек, словно рожденный для этого дела. Вот о чем-то задумался Дональд Марш, президент «Линкольн Колледжа», расположенного в пригороде Реймонда. Рядом занял место на скамье Милтон Райт, один из богатейших коммерсантов Реймонда, у которого под началом трудится никак не меньше сотни работников в различных магазинах. Поодаль расположился доктор Вест, который, несмотря на

свою относительную молодость, уже снискал себе славу искусного хирурга, с которым консультируются в особо сложных случаях. Здесь же и молодой Джаспер Чейз, литератор, успевший издать одну имевшую успех книгу и, говорят, работающий над новым романом. А вот мисс Вирджиния Пейдж, богатая наследница, которая после недавней смерти своего отца обрела, по меньшей мере, миллион долларов. Но что там деньги: насколько богаче эта девушка одарена и красотой, и интеллектом! Наконец, здесь и Рейчел Уинслоу, на своем привычном месте в церковном хоре. Она также сияет поразительной красотой, особенно заметной в утреннем свете, заливающим их церковь: по всему видно, что и эта девушка крайне заинтересована происходящим.

Скорее всего, для чувства умиротворенности, внезапно возникшего в душе Генри Максвелла, существовали вполне резонные основания. Ведь перед его глазами находились прихожане «Первой Церкви», на которых он давно привык полагаться. Именно на них он рассчитывал, о них он думал, и за неделю до этого. В его церкви было необычно большое количество очень сильных людей, настоящих личностей, которые привыкли считать себя членами одной общины. Тем не менее, вглядываясь в их лица во время службы, пастор просто пытался угадать, кто из них сумеет ответить на то странное предложение, которое он собирается им сделать. Пастор продолжил свою речь медленно, не заботясь о времени и тщательно подбирая слова. У его слушателей складывалось совершенно новое для них впечатление о хорошо знакомом им человеке, их пастыре: такого они не переживали даже во время самых драматичных моментов его прежних проповедей.

— То, что я собираюсь предложить вам сегодня, нельзя считать чем-то неожиданным или вовсе невозможным для исполнения. Однако я хорошо знаю, что, вероятнее всего, значительное число членов нашей церкви посчитают его именно таковым. И для того, чтобы нам всем было хорошо понятно то, что мы собираемся сейчас сделать, я изложу свое предложение очень просто, возможно даже, резко. Мне понадобятся добровольцы из числа нашей «Первой Церкви», которые возьмут на себя обязательство, честно и добросовестно в течение целого года не предпринимать ничего, не задав себе прежде вопроса: «Как бы поступил Иисус?» А, задав себе этот вопрос, каждый из таких добровольцев будет следовать Иисусу в точности так, как будет считать нужным, не взирая на возможные последствия. Разумеется, я включаю и себя в число этих добровольцев, и буду считать само собой разумеющимся, что моя церковь не будет шокирована моим будущим поведением, которое будет основываться на подобного рода стандарте, и не будет противиться тому, что, как будут считать добровольцы, они делают в подражание Христу. Достаточно ли ясно я выразил свою идею? По окончании богослужения я прошу всех членов церкви, которые пожелают составить мне в этом деле компанию, остаться. Мы обговорим детали этой затеи. Девизом нашим будет: «Как бы поступил Иисус?» Наша цель — действовать в точности так, как действовал бы Он, окажись Он на нашем месте, вне зависимости от последующих результатов. Иными словами, нам предлагается идти по следам Иисуса настолько точно, настолько буквально, насколько, как мы верим, Он заповедовал Своим ученикам следовать Ему. И те, кто добровольно решится делать это, должны обязать себя поступать так целый год, считая с сегодняшнего дня. Неотступно.

И вновь Генри Максвелл сделал паузу, чтобы обвести глазами лица своих прихожан. Нелегко описать те чувства, которые вызвало у людей столь простое на первый взгляд предложение. Прихожане переглядывались друг с другом в изумлении. И дело было явно не в том, каким образом Генри Максвелл выдал сейчас определение ученика Христа. Это само его предложение привело к совершенно очевидному смятению в умах людей. Без сомнения, оно было прекрасно понято, но теперь, вне всякого сомнения, прихожане резко расходились во мнениях относительно применимости учения Иисуса и действительности Его примера.

Пастор спокойно завершил богослужение короткой молитвой. Сразу же после благословения органист привычно заиграл постлюдию, и люди стали выходить из зала. Да, им было о чем поговорить! Группы прихожан расположились по всему зданию церкви, оживленно обсуждая предложение их священнослужителя. Вне всяких сомнений, его речь спровоцировала множество споров. Спустя несколько минут пастор пригласил всех, кто остался его ждать, пройти в лекционный зал, находившийся рядом с главным залом церкви. Сам он задержался ненадолго перед главным выходом, разговаривая с несколькими людьми, а когда он оторвался от них, то нашел весь холл опустевшим. Подойдя ко входу в лекционный зал, служитель отворил дверь. То, что открылось глазам пастора, не могло не поразить его. Нет, он не пытался гадать ни о ком из своих прихожан, но ожидать, что на его призыв откликнется так много людей, он не мог! Большая группа людей, готовых к столь буквальной проверке своего права именоваться учениками Христа, в нетерпении ожидала его! В зале находились не менее пятидесяти человек, в числе которых были и Рейчел Уинслоу, и Вирджиния Пейдж, и мистер Норман, и президент Марш, и Александер Пауэрс, управляющий железнодорожными мастерскими, а также Милтон Райт, доктор Вест и Джаспер Чейз.

Пастор притворил за собою дверь лекционного зала, вошел внутрь и остановился перед собравшимися. Лицо его было бледно, а губы дрожали, свидетельствуя о с трудом сдерживаемых эмоциях. Совершенно очевидно, что для служителя наступил момент личного кризиса, совпавшего с кризисом всего его прихода. Никто не может сказать точно, на что он способен, пока душа человека не будет затронута Духом Божиим — и до того времени никто не в силах сказать, насколько он в состоянии изменить сложившееся течение своей жизни, свои привычки, мысли, речь и действия. Генри Максвелл, как мы уже говорили, еще не мог осознать того, через что он намеревался пройти. Но он уже стал свидетелем того великого переворота, что содержался в сделанном им определении понятия «ученик» или «последователь» Христа, и его до глубины души тронуло то прекрасное чувство, что не подлежало никакому измерению и переполняло всех присутствовавших. Он читал живой отклик своим переживаниям на лицах всех мужчин и женщин.

С чего же начать? Ему показалось, что более всего уместной будет краткая молитва. Пастор попросил всех помолиться вместе с ним. Практически с первых звуков, слетевших с уст людей, он, как и все собравшиеся, ощутил несомненное присутствие Духа. Слова молитвы лились далее, и чудесное присутствие как бы

нарастало вместе с нею. Да, все чувствовали это. Комната была наполнена Духом Святым — это было настолько очевидно, как будто все могли видеть Божье присутствие. По окончании молитвы наступила тишина, никем не нарушаемая несколько мгновений. Головы всех были склонены в благоговении. Лицо Генри Максвелла оказалось залито слезами. Если бы в этот момент раздался громовой глас с небес, подтверждавший их обещание следовать стопам своего Господа, ни один человек из числа присутствовавших не посчитал бы его за более явное знамение Божьего благословения. Вот так вошло в жизнь самое значимое из всех начинаний, когда-либо зарождавшихся в недрах «Первой Церкви» Реймонда.

— Все мы понимаем то, — начал пастор очень тихим голосом, — что собираемся предпринять. Мы обещаем себе делать все в нашей повседневной жизни, задавая себе вопрос: «Как бы поступил Иисус?» — независимо от возможных для нас последствий. Когда-нибудь я расскажу вам, какие чудесные изменения произошли в моей собственной жизни всего за одну неделю. Сейчас я не в состоянии говорить об этом. Однако то, что мне довелось пережить, считая с прошлого воскресенья, заставило меня глубоко разочароваться в моем прежнем понимании последователя или ученика Христова. И потому я решился на этот поступок. Я не отважился бы начать новую жизнь в одиночку. Я знаю, что во всем этом меня за руку ведет любовь Божия. И вас всех должен вести тот же самый побудительный импульс.

— Полностью ли мы осознаем, что собираемся предпринять?

— Мне хотелось бы задать один вопрос, — сказала Рейчел Уинслоу. Все, как один, повернули к ней головы. Лицо девушки сияло такой красотой и одухотворенностью, которую никто бы не осмелился назвать просто физической привлекательностью.

— Я не очень уверена, что нам считать источником наших знаний о том, как поступил бы Иисус. Кто должен решать для меня, как бы Он поступил, окажись на моем месте? Ведь сейчас совсем другое время! В нашей цивилизации существует множество сложнейших вопросов, о которых ничего не говорится в учении Иисуса. Как же мне определять, как Он мог бы поступить на моем месте?

— Я не знаю никакого иного пути, — отвечал пастор, — кроме изучения Иисуса посредством Святого Духа. Вы же помните, что Христос говорил Своим ученикам о Духе Святом: «Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам». Никакого иного способа проверить, насколько мне известно, не существует. Все мы должны будем решать, как бы поступил Иисус, после того, как обратимся к этому источнику познания.

— А что, если другие люди будут говорить о нас, когда мы сделаем что-нибудь, что Иисус бы так не поступил? — спросил управляющий железнодорожными мастерскими.

— Мы не в состоянии уберечься от этого. Но нам важно быть полностью

честными перед самими собой. Стандарты христианского поведения в большинстве наших действий не могут слишком сильно различаться.

— И, однако же, там, где один из членов церкви может посчитать, что Иисус поступил бы так-то и так-то, другой будет оспаривать его точку зрения. Как нам соотносить свое поведение, чтобы считать его всецело соответствующим Христову примеру? Реально ли будет прийти к единому мнению абсолютно во всех случаях? — поинтересовался президент колледжа Марш.

Мистер Максвелл помолчал немного. Затем он ответил так, — Нет; и я не думаю, что нам следует ожидать этого. Тем не менее, когда речь идет о настоящем, намеренном, открытом и духовно просвещенном следовании по стопам Иисуса, я не верю, что может возникнуть какое-либо смущение в наших сердцах, или в суждениях окружающих. С одной стороны, от нас требуется избегать фанатизма, а с другой — не следует впадать в чрезмерную осторожность. Если эталон Иисуса предназначен в качестве примера для всего мира, которому надлежит следовать, то, бесспорно, сама наша идея должна оказаться вполне осуществимой. Но нам крайне важно запомнить следующее. После того, как мы попросим Духа подсказать нам, как бы поступил Иисус, и получим ответ, мы обязаны действовать, невзирая ни на какие возможные для нас последствия. Понятно ли это?

Лица всех, собравшихся в комнате, были обращены к священнослужителю, выражая молчаливое согласие. Да, его предложение нашло полное понимание с их стороны. А по лицу Генри Максвелла вновь пробежала дрожь волнения, когда он заметил среди добровольцев президента «Общества стремления» с несколькими его членами, сидящими рядом с наиболее пожилыми мужчинами и женщинами.

Они еще некоторое время оставались в зале для лекций, стремясь обговорить детали и задать кое-какие вопросы. Люди согласились сообщать друг другу о достигнутых ими результатах каждую неделю, собираясь вместе после очередной воскресной службы. Им не терпелось узнать, что может произойти с ними, если они начнут следовать Иисусу подобным образом. Генри Максвелл вновь произнес молитву, и вновь Дух проявил Себя. Головы всех собравшихся долго оставались склоненными. Расходились они в полнейшем молчании. Чувства, переполнявшие их сердца, не позволяли опуститься до простой речи. Пастор, стоя в дверях, пожимал руки всем, выходящим из зала. Затем он прошел в свой кабинет, находившийся сразу за церковным амвоном, и преклонил колени. Он оставался там примерно с полчаса. Возвратившись, наконец, домой, он сразу прошел в ту комнату, где лежало бездыханное тело пришельца. Взглянув на лицо усопшего, Генри мысленно воззвал к Богу, умоляя ниспослать ему силу и мудрость. Пастор еще не сознавал, что является свидетелем самого начала цепочки удивительных событий, которым суждено совершенно потрясти город Реймонд.

Глава Третья

«...Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его».

«Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал».

Эдвард Норман, главный редактор реймондской газеты «Дэйли Ньюз», сидел за рабочим столом в своем офисе. Было утро понедельника, и впереди — непочатый край работы. Работы, которую предстояло делать как-то по-новому. Эдвард дал обет не приступать ни к чему, не спросив себя прежде, «Как бы поступил Иисус?», и подразумевалось, что он не должен закрывать глаза на возможные последствия. Однако когда столь обычная прежде жизнь газеты начала свою еженедельную гонку, ее шеф понял, что колеблется. Чувство, которое он испытывал, было сродни страху.

Он появился в своем офисе необычно рано, чтобы побыть несколько минут одному. Продолжая сидеть за столом в нерешительности, размышляя обо всем, он постепенно обретал какое-то новое ощущение, которое было насколько сильным, настолько и необычным. Ему еще только предстояло понять, наравне с прочими из той небольшой группы людей, которые пообещали друг другу во всех делах подражать Христу, что живительный Дух Божий уже действует в его жизни со всею Своею силою, как никогда прежде. Шеф поднялся на ноги и прикрыл дверь своего кабинета. Затем он сделал то, чего практически никогда прежде не делал. Эдвард Норман опустился на колени у стола и стал молиться, чтобы Бог в Своей славе и премудрости направил его.

Поднявшись с колен, шеф ощутил перед собою целый день, ожидающий его, но теперь в его сознании отчетливо звучал данный им самому себе обет. «Ну, теперь за дело!» — казалось, говорил он себе. Однако не успел он ничего придумать, как уже оказался вовлечен в водоворот последующих событий.

Вновь отворив дверь кабинета, Эдвард Норман окунулся в рутину обычной офисной работы. Только что появившийся ответственный редактор сидел за столом в соседней комнате. Поодаль один из репортеров выстукивал что-то на пишущей машинке. Эдвард начал писать редакционную статью. Их «Дэйли Ньюз» была вечерней газетой, и Норман обычно заканчивал свою передовицу к девяти часам утра.

Не прошло и пятнадцати минут, как его работу над передовой статьей прервал ответственный редактор: «Тут у нас пресс-релиз о вчерашних скачках за Большой приз на ипподроме. На него уйдет до трех с половиной колонок. Полагаю, мы вставим все, как есть?»

Норман был одним из тех газетчиков, что привыкли лично отслеживать все детали в своих выпусках. Ответственный редактор привык всегда советоваться со своим шефом по всем вопросам — как важным, так и второстепенным. Но порою, как в этом случае, это было чистой формальностью.

— Да... Нет! Дайте-ка я посмотрю...

Он взял в руки отпечатанный материал, который был только что получен от редактора, работавшего с приходившими по телеграфу новостями. Норман внимательно пробежал глазами весь текст. Затем он положил листы на стол и сильно задумался.

— Сегодня мы этого печатать не будем, — наконец сказал «главный».

Ответственный редактор стоял в дверном проеме, разделявшем две комнаты. Ответ главного настолько поразил помощника, что ему сначала показалось, что он ослышался.

— Что вы сказали?

— Оставьте это. Мы не будем вставлять этот материал.

— Но-о-о... — его редактор просто опешил. Он уставился на Нормана, как на человека, внезапно лишившегося рассудка.

— Я не думаю, Кларк, что это должно быть напечатано, и на этом покончим, — твердо сказал Норман, оторвав свой взгляд от стола.

Кларк не привык пререкаться со своим шефом. Слово Нормана всегда считалось в их офисе законом, и сотрудники привыкли, что их начальник редко меняет свое мнение. Тем не менее, складывающаяся сегодня ситуация выглядела настолько экстраординарной, что Кларк никак не мог удержать при себе свои чувства.

— Вы имеете в виду, что газета пойдет в набор без единого слова о бегах на Большой приз?

— Да. Я это и имел в виду.

— Но это же просто неслыханно! Все остальные газеты напечатают свой отчет! А что скажут наши подписчики? Да вы что, это же просто... — Кларк запнулся, не в силах выразить словами свою мысль.

Эдвард в задумчивости посмотрел на Кларка. Ответственный редактор был членом церкви другой деноминации, отличной от Нормана. Эти два человека никогда не разговаривали на темы религии, хотя и были связаны работой в газете на протяжении нескольких лет.

— Зайдите сюда на минутку, Кларк, и прикройте дверь, — попросил Норман.

Кларк вошел в кабинет шефа, и теперь оба они оказались с глазу на глаз. Какое-то время Норман молчал. Затем он сказал резко: — Кларк, если бы Христос был редактором ежедневной газеты, скажите честно, вы думаете, Он напечатал бы три с половиной колонки о скачках за Большой приз?

— Нет, полагаю, Он не стал бы печатать.

— Вот, и это — единственная причина, почему я убрал этот отчет из сегодняшнего номера «Ньюз». Я принял решение не делать ничего в своей работе в газете в течение целого года, чего, по моим твердым убеждениям, не стал бы делать Иисус.

Кларк выглядел настолько изумленным, как будто его шеф только что сошел с ума. Честно говоря, он подумал, что что-то такое и должно случиться, хотя мистер Норман, по мнению его помощника, был один из последних людей на свете, кто мог бы утратить рассудок.

— А как это может отразиться на газете? — наконец спросил он упавшим голосом.

— А как вы сами думаете? — живо поинтересовался Норман.

— Я думаю, это может просто погубить газету, — тут же ответил Кларк. Он уже разобрался в своих мыслях после первого шока и начал протестовать. — Да что вы, в наше время издавать газету на таких принципах просто невозможно! Это же чистый идеализм. Наш мир к этому не готов. Вы не сможете окупить даже затраты на издание. Это же, как дважды два, если вы не напечатаете этого отчета о бегах на Большой приз, то потеряете сотни подписчиков. Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть это! Все лучшие люди нашего города жаждут увидеть в газете этот отчет. Они знают, что бега состоялись, и когда раскроют сегодня вечером газету, то будут ожидать увидеть там хотя бы полполосы про скачки. Разве можно отважиться до такой степени пренебречь желаниями публики? Мое мнение, если вы так поступите, это будет очень большой ошибкой.

Норман помолчал с минуту. Затем он заговорил негромким, но достаточно твердым голосом:

— Кларк, скажите мне откровенно, что должно служить правильным стандартом, определяющим поведение человека? Разве не является единственным верным стандартом для каждого из нас то, как вероятно поступил бы Иисус? Не считаете ли вы, что самый высокий, самый правильный закон для человека, как ему жить, заключается в простом вопросе к самому себе: «Как бы поступил Иисус?» Спросить себя, а затем так и поступать, невзирая на результаты? Иными словами, не думаете ли вы, что люди повсюду в своей повседневной жизни должны следовать примеру Иисуса, настолько близко, насколько только возможно? — Кларк покраснел и неуютно заерзал на своем стуле, прежде чем смог ответить на вопрос своего главного.

— Ну-у-у... Ммм... Д-да... Думаю, если говорить о том, что люди вообще должны делать, и как поступать — тогда иного стандарта поведения не существует. Но вопрос-то в другом: возможно ли это? Возможно ли при этом окупить газету? Для того чтобы преуспевать в газетном деле, нам необходимо соответствовать обычному положению вещей и тем методам, что приняты в обществе. Мы не можем работать так, как будто живем в каком-то идеальном мире.

— Вы имеете в виду, что мы не можем делать газету исключительно на христианских принципах и одновременно преуспевать?

— Да, именно это я и хочу сказать. Это просто невозможно. Мы окажемся банкротами через тридцать дней.

Норман не сразу ответил. Он вновь сильно задумался.

— Хорошо, у нас еще будет возможность вновь вернуться к этому разговору, Кларк. Ну, а пока, я надеюсь, мы хорошо поняли друг друга. Я дал обет самому себе на протяжении целого года делать все, что имеет отношение к газете, задавая себе вопрос: «Как бы поступил Иисус?», настолько честно, насколько это возможно. И я буду продолжать поступать подобным образом, веря, что мы не только преуспеем, но станем гораздо более успешными, чем были до сих пор.

Кларк поднялся со стула. — Отчет не пойдет в номер?

— Не пойдет. У нас полно хорошего материала, чем заполнить пустые полосы, и вы знаете это.

Кларк помялся. — Вы не собираетесь написать что-нибудь, объяснив отсутствие отчета?

— Нет, пускай номер идет в набор, как будто вчера не случилось ничего, подобного бегам на Большой приз.

Кларк вышел из кабинета главного и уселся за своим столом, чувствуя себя так, как будто у него внезапно ушла почва из-под ног. Он был ошеломлен, да просто ошарашен, крайне возбужден и, конечно же, разгневан. Глубина его уважения к Норману явно убавлялась из-за растущего негодования и раздражения. Но, вместе с тем, он не мог не удивляться как чуду той внезапной перемене перспектив, что, казалось, уже заполнила собою весь офис «Дэйли Ньюз», и угрожала, как он считал, полностью уничтожить их газету.

Еще до полудня каждый из репортеров, наборщиков и прочих сотрудников «Дэйли Ньюз» оказался проинформирован о том поразительном факте, что сегодняшний номер идет в печать без единого слова об интересующих всех воскресных скачках на Приз. Журналисты были просто поражены вне всякого предела уже простым осознанием этого факта. Каждый, и в стереотипном, и в наборном зале считал своим долгом высказаться на тему столь неслыханного пропуска материала. Два или три раза в течение рабочего дня, когда мистер Норман имел случай заглянуть в комнатки наборщиков, люди останавливали свою работу, переставали копаться в своих ящичках и с любопытством смотрели на него. Он знал, что за ним наблюдают, но ничего не говорил и сохранял вид, как будто этого не замечает.

В номере было сделано еще несколько незначительных изменений, предусмотренных главным редактором, но их не следовало считать особо примечательными. Эдвард Норман находился в ожидании, подолгу о чем-то задумываясь.

Он осознавал, что ему потребуется еще немало времени и соответствующих случаев для практики, прежде чем он сможет использовать свои новые принципы наилучшим образом. И дело было совсем не в том, что в жизни его газеты нельзя было найти ничего такого, что шло бы вразрез с духом и характером Христа, и что

не требовало немедленных изменений. Напротив: он видел, что изменить придется многое, однако у него самого еще оставалось немало сомнений относительно того, что сделал бы Иисус на его месте.

Когда, наконец, «Дэйли Ньюз» вышла вечером в свет, она принесла своим подписчикам определенного рода сенсацию.

Наличие репортажа о скачках на Большой приз не смогло бы произвести такого фурора, что сравнялся бы своим эффектом с его отсутствием на полосах «Вечерки»! Сотни людей в гостиницах и магазинах по всему городу, не говоря уже о постоянных подписчиках, с вожделием листали газетные страницы, в поисках отчета о ходе борьбы за Приз, и, не найдя ничего, бежали к газетным стойкам, хватая другие издания. Даже мальчики, торговавшие «Ньюз» вразнос на улицах, не сразу смогли понять, в чем дело. Один из них продолжал выкрикивать: — Свежий «Дэйли Ньюз»! Полный отчет о сражении за Большой приз! Крутые скачки! Не желаете «Ньюз», сэр?

Мужчина на углу авеню, находившегося неподалеку от офиса «Ньюз», взял у мальчика газету, нетерпеливо просмотрел первую страницу и с раздражением подозвал к себе мальчика.

— Эй, приятель! Что у тебя с газетой? Здесь нет ничего про Большой приз! Ты что, старыми газетами торгуешь?

— Щя, прям, какое еще старье? — с негодованием отвечал мальчишка, — Это седнишная! Че с вами такое?

— Но здесь нет отчета о скачках за Большой приз! Сам посмотри!

Мужчина протянул ему газету, и мальчик торопливо стал читать заголовки. Затем он присвистнул, не в силах сдержать изумления. Увидев другого мальчика-разносчика, несущегося с кипой газет, он крикнул ему: «Эй, Сэм, дай позырить твою пачку!» Спешная проверка раскрыла вопиющий факт, что во всех экземплярах «Ньюз» борьба за Приз была обойдена молчанием.

— Э-э-э, дай-ка мне другую газету! — напомнил о себе покупатель, — такую, в которой пишут про бега за Приз.

Получив ее, он пошел прочь, пока два паренька продолжали сравнивать материалы в разных изданиях, в изумлении не зная, что им и думать. «Че-то в “Вечерке” явно лажанулись!» — сказал первый разносчик. Но, поскольку в чем загвоздка, он понять не мог, решил скорее бежать к офису «Ньюз» и там разузнать, что и как.

В конторе, в отделе розничной продажи, уже находилось несколько других ребят. Все они были взволнованы, и выказывали свое негодование, не скупясь на сленговые словечки. Их бурное неодобрение, способное вывести из себя кого угодно, изливалось на клерка за длинной стойкой, остававшегося внешне невозмутимым.

Впрочем, он давно привык ко всякого рода событиям, и потому сердце его вполне успело огрубеть. В этот момент по лестнице спускался мистер Норман, собиравшийся с работы к себе домой. Проходя мимо комнаты отдела розничной

продажи, он остановился и заглянул вовнутрь.

— Что за шум у вас здесь, Джордж? — спросил он клерка, заметив необычное волнение.

— Вот, ребята говорят, они не в состоянии сегодня вечером продать ни одного экземпляра «Ньюз», поскольку в номере нет ничего о скачках Большого приза, — отвечал Джордж, глядя на главного редактора с тем же самым интересом, с которым на него целый день смотрели все сотрудники газеты. Мистер Норман на секунду замешкался, но потом вошел внутрь и подошел к разносчикам.

— Сколько здесь у вас экземпляров газеты? Ну-ка, парни, пересчитайте, я все их у вас сегодня покупаю!

Все ребята уставились на него, и тут же кинулись пересчитывать свои газеты.

— Отдай им, что причитается, Джордж, и если еще кто из парней прибежит с такими же жалобами, купи у них все нераспроданные экземпляры. Все по-честному? — спросил он у ребят, которых неслыханная щедрость со стороны главного редактора погрузила в полнейшее молчание.

— По-честному! А то! Ладно, вот здорово! А все и дальше так пойдет? Че это, всегда так будет, за-ради братства?

Мистер Норман лишь слегка улыбнулся. Он не думал, что на такие вопросы обязательно требуется отвечать.

Он вышел из конторы и направился домой. Идя по улице, Эдвард никак не мог отвязаться от вопроса: «А сделал бы так Иисус?» И дело было не столько в последнем его поступке, сколько в том главном побудительном мотиве, которым он руководствовался во всем с момента, как сделал свое обещание.

Мальчики, торговавшие «Ньюз», оказывались неизбежными побочными жертвами того решения, которое он принял. Но отчего они должны терять свой заработок? Их ведь нельзя ни в чем винить. А он — достаточно богатый человек, чтобы позволить себе привнести немного краски в их монотонные жизни, если уж он так решил. Эдвард Норман убедился, еще не дойдя до своего дома, что Иисус на его месте или поступил бы точно так же, или сделал бы нечто схожее, чтобы предупредить возникновение любого рода чувства несправедливости.

Редактор газеты не пытался решать вопросы за других людей, он лишь хотел определить для себя свою линию поведения. Он не располагал ни властью, ни положением, в котором можно было бы выдвигать какие-то догматы, и чувствовал, что может дать ответ на то, какими он видит возможные действия своего Учителя, лишь собственным суждением, своей собственной совестью. Да, в определенной степени продажи его газеты должны будут сократиться, это он предвидел. Правда, те убытки, на которые он обрекает свое предприятие в случае продолжения такой политики, ему еще только предстояло осознать.

Глава Четвертая

Всю неделю ему пришлось получать письма, комментирующие факт отсутствия в «Ньюз» репортажа о скачках за Большой приз. Два или три из них заслуживают того, чтобы привести их текст.

«Редактору “Ньюз”:

Уважаемый господин! Я уже подумывал некоторое время над тем, чтобы сменить подписку на газету. Я желаю получать издание, идущее в ногу со временем, прогрессивное, предприимчивое, отвечающее запросам публики во всех отношениях. Недавняя причуда вашей газеты, отказавшейся напечатать отчет о популярном соревновании на ипподроме, побудила меня принять окончательное решение об отказе от своей подписки.

Будьте любезны прекратить ее.

С искренним уважением...»

Далее следовало имя известного предпринимателя, долгие годы бывшего подписчиком их газеты.

«Эдварду Норману,

Редактору “Дэйли Ньюз”, Реймонд.

Дорогой Эд! Что это за сенсации ты преподносишь жителям твоего городка? Что за новую политику ты выдумал? Надеюсь, ты не намереваешься ратовать за “реформы бизнеса” посредством широкой дороги прессы! На этом пути эксперименты любого рода слишком опасны. Послушай-ка моего совета, и оставайся верным тем современным методам ведения дела, которые сделали тебя столь успешным в твоей «Ньюз». Народу хочется сражений за Приз и всего такого. Давай публике то, чего она хочет, а реформами деловой жизни пускай занимаются другие.

Твой...»

Это письмо было подписано именем одного из старых приятелей Нормана, главного редактора ежедневной газеты из соседнего города.

«Мой дорогой мистер Норман!

Спешу выразить Вам свое признание за то, с какою очевидностью Вы выполняете данное нами обещание. Это — прекрасное начало, и никто не может оценить его значимость выше, чем я. Я знаю кое-что о том, чего Вам это стоило, но не все детали. Ваш пастор,

ГЕНРИ МАКСВЕЛЛ».

Еще один конверт, который Эдвард распечатал сразу же вслед за тем, как прочел письмо от Максвелла, сразу же указал ему на те убытки, которые, скорее всего, ожидают его дело в будущем:

«Г-ну Эдварду Норману,
Редактору “Дэйли Ньюз”.

Уважаемый сэр! По истечении лимита на нашу рекламу, прошу сделать мне одолжение не продолжать ее размещения, как вы делали до настоящего времени. К настоящему прилагаю чек с полной оплатой и считаю наши отношения с вашей газетой с сегодняшнего дня оконченными.

С искренним уважением...»

Далее следовало имя одного из основных торговцев табачными изделиями в их городе. Он всегда заполнял колонку бросающейся в глаза рекламой, за которую платил очень хорошие деньги.

В голове Нормана промелькнула новая мысль. Он отложил письмо в сторону и, чуть помедлив, потянулся за одним из номеров своей газеты. Шеф стал внимательно просматривать рекламные колонки. Нет, ни о какой связи в письме табачного коммерсанта между отсутствием репортажа о скачках на Приз и его отказом давать у них рекламу не упоминалось. Тем не менее, Эдвард чувствовал, что эта связь самая непосредственная. Собственно говоря, как ему удалось узнать позднее, поставщик табачных изделий решил прекратить размещать в их газете свою рекламу из-за того, что, как ему сказали, редактор «Ньюз» намеревается провести некоторые радикальные реформы, которые неминуемо отразятся на подписном листе «Вечерки» самым отрицательным образом.

Однако это письмо заставило Нормана обратить внимание на рекламную часть его газеты. Ранее он об этом как-то не задумывался.

Проглядывая колонки с рекламными объявлениями, Эдвард не мог избавиться от ощущения, что его Господь не позволил бы многим из них быть напечатанными в газете.

Как бы Он поступил вот с этим длинным объявлением, предлагающим людям крепкие спиртные напитки и сигары? Норман, являясь членом церкви, а также одним из самых уважаемых членов городского общества, не мог навлечь на себя никаких подозрений из-за того, что держатели баров и салунов размещали свою рекламу в его газете. Нет, никто об этом даже и не задумывался! Да и в чем дело: это же все вполне законный бизнес. Почему бы нет? В Реймонде существовала четкая система лицензирования подобной торговли, и салун, и бильярдный зал, и пивной бар — все это были части их городской христианской цивилизации. И главный редактор просто делал свою работу; делал то, что и любой другой из числа предпринимателей города Реймонда. И ведь реклама была одним из наиболее значимых источников дохода! Что будет делать газета, если этот источник вдруг иссякнет? Выживет ли она? Вот ведь вопрос! Стоп... А в этом ли вопрос, в конце концов?! «Как бы поступил Иисус?» Вот — вопрос, на который он постоянно отвечал, или хотя бы пытался найти на него ответ, уже целую неделю. Стал бы Иисус рекламировать разные сорта виски и сигар в Своей газете?

Эдвард Норман честно задал себе этот вопрос, и стал молиться. Обратившись к Создателю в молитве за помощью и мудростью, он попросил

Кларка зайти к нему в кабинет.

Кларк вошел в кабинет главного, чувствуя, что в их газете настают тяжелые времена. После понедельника ответственный редактор был готов ко всякому. Теперь шел уже четверг.

— Кларк, — начал Норман, стараясь не спешить, и тщательно подбирая слова, — я просмотрел наши полосы с рекламными объявлениями, и принял решение прекратить размещать некоторые материалы, как только у нас закончатся контракты с рекламодателями. Мне хотелось бы, чтобы вы уведомили нашего рекламного агента не возобновлять размещение тех объявлений, которые я здесь отметил. Даже не пытаться.

Он протянул газету с многочисленными пометками Кларку, который взял ее и пробежал взглядом по колонкам. Вид у помощника был очень хмурый.

— Это будет означать огромный ущерб для «Ньюз». И как долго вы полагаете продолжать такое дело? — Кларк был поражен очередной выходкой главного, смысл которой он никак не мог понять.

— Кларк, как вы думаете, если бы Иисус был редактором и владельцем ежедневной газеты в Реймонде, позволил бы Он размещать в ней рекламу виски и табачных изделий?

— Ну, я... Нет, не думаю, что Он бы позволил. Но к нам-то это все какое имеет отношение? Мы не можем себе позволить делать так, как Он! Газетный бизнес нельзя вести на подобных принципах.

— А почему нельзя? — спросил Норман тихо.

— Почему нельзя? Да потому, что газеты потеряют больше денег, чем заработают, вот почему! — слова Кларка выдавали накопившееся раздражение, которое он и так уже еле скрывал. — Мы точно превратим газету в банкрот, если будем продолжать подобного рода политику.

— Вы так думаете? — Норман задал этот вопрос не потому, что ожидал на него ответа, но как будто разговаривал с самим собой. Спустя минуту он добавил:

— Можете сказать Марксу, сделать так, как я сказал. Я уверен, что так бы поступил на моем месте Христос, и, как я уже говорил вам, Кларк, это то, что я дал обещание делать в течение целого года, независимо от того, какие это может означать для меня последствия. Я просто не верю, что путем каких бы то ни было рассуждений мы сумеем достичь заключения, что наш Господь оправдал бы размещение рекламы виски и табака — в наше время! — в газетах. Есть еще и другие объявления сомнительного характера, который я пока не изучил внимательно. Ну, а относительно этих, я считаю, мы не должны молчать. Это мое твердое убеждение.

Кларк возвратился за свой рабочий стол в соседней комнате с чувством, что только что побывал в присутствии очень необычного человека. Понять смысл всех перемен он был не в состоянии. Он был и раздражен, и одновременно встревожен. Он несколько не сомневался, что новый курс, взятый главным, уничтожит их газету, как только всем станет ясно, что шеф отныне пытается делать все по своим

абсурдным моральным стандартам. «Во что может превратиться бизнес, если станет развиваться по таким эталонам? Он войдет в противоречие со всеми устоявшимися привычками, и начнется такая путаница, которой конца не будет! Да это просто-напросто глупо! Это какой-то откровенный идиотизм». Так Кларк пытался убедить сам себя. Он оказался не в силах удержаться от весьма энергичных замечаний, когда передавал Марксу распоряжение их главного. И что это стряслось с шефом? Неужели, в самом деле, тронулся умом? Что же он, угробит все их дело, сделает газету банкротом?

Однако Эдварду Норману еще только предстояло встретиться с самой серьезной его проблемой. Он столкнулся с ней, придя в офис в пятницу утром: главного редактора ожидала правка обычного для его газеты воскресного выпуска. «Ньюз» была одной из немногих вечерних газет в Реймонде, которые выпускали воскресные приложения чисто развлекательного характера, и эта затея с самого начала оказалась очень прибыльной. Это приложение, как правило, состояло из одной страницы литературного или религиозного материала, на которую приходилось тридцать-сорок страниц статей о спорте, театральной жизни, моде, а также с новостями общества и политики, и просто сплетнями. Такой коктейль превращал воскресный выпуск газеты в очень интересное чтение, где читатели находили материал на любой вкус. Все подписчики, включая членов церкви, с нетерпением ожидали прихода специального приложения к «Вечерке», выходящего по воскресеньям по утрам. Без воскресного приложения их жизнь и представить себе было нельзя! Эдвард Норман обдумывал возникшую проблему, поставив перед собою привычный вопрос: «Как бы поступил Иисус?» Если бы Спаситель был редактором газеты, решился бы Он сознательно привносить в каждый дом членов Своей Церкви, в дома христиан Реймонда, такой набор для пустого чтения в тот единственный день недели, который надлежало посвящать чему-то несомненно более значительному и возвышенному? Разумеется, Эдвард был знаком с привычными аргументами воскресных газет: дескать, публика всегда нуждается в развлечениях подобного сорта. А рабочий люд — в особенности, ведь пролетарии и так в церковь ходить не станут. Неужели лишать рабочего человека привычного развлечения в воскресенье, его единственный день отдыха?! Да ведь и польза какая-нибудь от такого чтения должна быть! ...Хорошо, но, предположим, за воскресное предложение перестали бы платить. То есть, оно перестало бы приносить деньги. Что тогда? Стал бы редактор или издатель заботиться о «вопиющих нуждах» несчастного рабочего человека? Эдвард Норман пытался обговорить этот вопрос с самим собою начистоту.

Если хорошенько взвесить все детали, стал бы Иисус редактировать это воскресное утреннее приложение к газете? Неважно, хорошо оно окупается, или нет. Это — вообще не вопрос. Честно говоря, воскресный выпуск «Ньюз» настолько хорошо расходился, что Эдвард потерял бы тысячи долларов, решишь он его прекратить. Помимо всего прочего, обычные подписчики платили за ежедневную газету: за все семь дней. Есть ли у него право давать им меньше, чем то, что они уже согласились оплатить?

Да, как ни крути, а этим вопросом он явно поставлен в тупик. Решишь он прекратить выпуск воскресного приложения, это повлечет за собою слишком

много новых вопросов. Проблема казалась настолько неразрешимой, что Норман чуть было не отказался использовать ставший уже для него привычным стандарт: впервые, судя по всему, он не в состоянии последовать примеру Иисуса. Возможному примеру. Эдвард владел газетою единолично, и его издание могло иметь тот вид, какой он пожелает. У него не было совета директоров, чтобы проконсультироваться относительно своей политики. Однако, сидя за своим рабочим столом, уткнувшись в привычный ворох различных материалов для воскресного выпуска, он мало-помалу утвердился в своем решении. Правильно! Одной из его новых задач будет использовать силу прессы, напрямую — открыто! — заявив обществу о своих мотивах и целях. Он попросил Кларка, вместе с другими сотрудниками, находившимися в конторе, включая нескольких репортеров, собраться в зале почтовых отправок. Туда же пригласили мастера-печатника и нескольких наборщиков (было раннее утро, и далеко не все рабочие были в офисе). Зал почтовой рассылки был довольно вместительным. Люди, входившие в него, не скрывали своего интереса. Они занимали свободные стулья, рассаживались прямо на краях столов, облокачивались на стойки. Для них это было совершенно новое начинание. Все уже давно поняли, что в газете принята какая-то новая политика, которую уже не изменить, и спокойно слушали мистера Нормана, следя за ним глазами.

— Я собрал вас здесь для того, чтобы рассказать вам о своих дальнейших планах относительно «Ньюз». Я намереваюсь внести несколько изменений, в необходимости которых у меня нет сомнений. Мне хорошо известно, что некоторые вещи, которые я уже сделал, кое-кто посчитал странными. Это мне понятно. Теперь я хочу сказать о своем мотиве, которым я руководствовался во всех своих поступках.

Здесь он разъяснил своим сотрудникам то, что уже говорил Кларку, причем все смотрели на шефа с тем же самым выражением, что и Кларк. Люди казались столь же настороженными, и столь же взволнованными.

— ...И вот, руководствуясь в своем поведении этим стандартом, я пришел к заключению, которое, вне всякого сомнения, будет встречено с немалым удивлением.

— Я принял решение, что воскресный утренний выпуск «Ньюз» будет прекращен со следующей недели. Я объясню всем те причины, которыми я при этом руководствовался. Для того чтобы возместить подписчикам возможную утрату того материала для чтения, на который они изначально рассчитывали, мы можем выпускать двойной номер по субботам, как делается во многих вечерних газетах, которые не занимаются воскресными приложениями. Сам я убежден, что с христианской точки зрения наш воскресный утренний выпуск приносит людям больше вреда, чем пользы. Я не верю, что Иисус взял бы на Себя ответственность за это приложение, окажись Он сегодня на моем месте. Конечно же, утрясти этот вопрос с рекламодателями и подписчиками, будет непросто. Но это — мое дело. То, о чем я сейчас сказал — дело решенное, больше никаких перемен пока не будет. Насколько я могу предвидеть, все убытки падут на меня лично. Ни репортеры, ни печатники не обязаны делать каких-либо изменений в своих рабочих планах.

Главный окинул взором всю комнату, но никто не проронил ни слова. Впервые в жизни он был поражен тем, что за долгие годы существования его газеты ее сотрудники никогда не собирались вместе подобным образом. Раньше он о таком даже не задумывался. Все было внове для него. Стал бы Иисус делать такое? А что, если бы Христос стал руководить газетою, то, наверное, избрал бы для нее такой план развития, где все сотрудники выглядели бы одной большой семьей: редакторы, журналисты, наборщики. Все бы встречались, и все бы вместе обсуждали. Они бы вырабатывали совместные планы и цели, и обсуждали бы, какой хотят видеть свою газету в будущем...

Он поймал себя, что в мыслях витает где-то далеко: вдали от типографских профсоюзов и офисных правил, вдали от неудержимой склонности журналистов к дешевым сенсациям и той холодной деловой методичности, которая делает ежедневные газеты столь успешными. Эта неясная картина, что зародилась в его сознании в зале почтовых отправок, не исчезла и тогда, когда он вернулся в свой рабочий кабинет, а его люди разошлись по своим местам. На их лицах ясно выражалось недоумение, а на языках так и вертелись вопросы о странном поведении их главного.

Кларк не замедлил явиться в комнату шефа. Между ними состоялся долгий, серьезный разговор. Помощник Нормана был сильно потрясен, и, протестуя, едва сдерживался от того, чтобы тут же не заявить о своем увольнении. Эдвард постарался тщательно себя обезопасить. Каждая секунда этой тягостной беседы доставляла ему почти физическую боль, однако он более чем когда-либо ощущал потребность поступать так, как и следует подражателю Христа. Кларк был для него очень ценным сотрудником. Заменить такого редактора будет не так-то просто. Тем не менее, никаких видимых причин для того, чтобы продолжать печатать воскресное приложение, Кларк придумать не мог. Ничто не могло выдержать проверки простым вопросом: «Как бы поступил Иисус?», если представить Его на месте редакторов этого приложения.

— Ну, так вот, — откровенно заявил Кларк, — кончится тем, что вы обанкротите газету в течение тридцати дней. Можно считать, что мы уже банкроты!

— Я в этом не уверен. Останетесь ли вы с «Ньюз», пока она не обанкротится? — спросил Норман своего помощника. При этом странная улыбка проскользнула по лицу главного.

— Мистер Норман, я вас не понимаю! Вы на этой неделе перестали быть тем человеком, которого я так хорошо знал до этого.

— Да я и сам себя не узнаю, Кларк. Что-то очень значительное захватило меня и двигает вперед. Я как бы переродился. Но никогда ранее я не был так уверен в конечном успехе и в силе нашей газеты! Впрочем, вы так не ответили на мой вопрос. Останетесь ли вы со мною?

Помедлив с минуту в нерешительности, Кларк, наконец, сказал: «Да». Норман пожал руку своему ответственному редактору и повернулся к рабочему столу. Кларк ушел в свою комнату, находясь во взвинченном состоянии из-за

обуревавших его столь противоречивых чувств. Столь сумасшедшей недели у него в работе еще не выпадало. Все последние события просто-таки лихорадили психику опытного газетчика, и он переживал, что попал в зависимость от предприятия, которое может рухнуть в любую минуту, похоронив под своими руинами и его, и всех людей, связанных с ним.

Глава Пятая

И вновь воскресное утро рассветало над Реймондом. И вновь церковь Генри Максвелла оказалась заполненной до отказа. Причем, прежде чем началась обычная проповедь, внимание многих людей было приковано к Эдварду Норману. Он молчаливо занял свое привычное место в центре, примерно через три человека от кафедр. В воскресном утреннем выпуске «Ньюз» содержалось заявление о прекращении этого приложения к газете. Нужно сказать, что само сообщение было выдержано в весьма примечательном стиле, не оставившем безразличным ни единого из читателей. Никогда доселе обычное течение дел в Реймонде не оказывалось потревоженным подобной серией откровенных сенсаций! И, кстати, событиями, связанными с «Ньюз», дела вовсе не ограничивались. Люди с охотой обсуждали довольно странные происшествия, виновником которых оказались Александер Пауэрс в железнодорожных мастерских и Милтон Райт в своих магазинах на центральной авеню города. По ходу службы по церковным скамьям прокатывались волны явного оживления. Однако Генри Максвелл все встречал с таким спокойствием, что ни у кого не возникало сомнений во внутренней силе и в твердости намерений их пастора. Молитвы священника обрели неожиданную силу, а вот саму его проповедь было бы не так легко описать. Да и как служитель должен был проповедовать своей пастве, если он предстоял прихожанам после целой недели неустанных размышлений: «А как бы стал проповедовать Иисус? И что бы Он говорил, окажись на моем месте?» Одно можно сказать определенно: Генри читал свою проповедь совсем не так, как он делал это еще две недели назад. На ушедшей неделе, во вторник, ему пришлось стоять над свежеею могилою умершего в его доме незнакомца, повторяя привычные слова: «Плоть к плоти, прах к праху, тлен к тлену...» И до сих пор его не покидало то глубокое ощущение Духа Божия, которое он не в силах был описать. Он постоянно размышлял о своей пастве и жаждал откровения от Христа, готовясь в очередной раз столь знакомое ему место за кафедрой.

И вот, когда настало воскресенье, и люди собрались послушать Слово Божие, что же их Господь мог бы им сказать? Невзирая на очевидную агонию пастора в его желании как можно лучше подготовить свою проповедь, он понимал, что не в состоянии довести свое послание до идеала, присущего Христу. Тем не менее, ни один из членов «Первой Церкви» не смог бы припомнить более сильной проповеди, слышанной им когда-либо прежде. И в речи преподобного Максвелла было все: и обличение греха, в особенности лицемерия. Было в ней и явное осуждение жадности к богатству и эгоистичной приверженности к моде — двух вещей, которые в «Первой Церкви» никогда доселе не подвергались нареканию. Но была в речи священника и любовь к его пастве, которая лишь крепла по мере того, как проповедь близилась к концу. И когда она закончилась, многие в зале говорили про себя: «Подлинно, эта проповедь была ведома Духом Божиим!» И они были правы.

А затем со своего места поднялась Рейчел Уинслоу. На этот раз она пела по

окончанию проповеди, по специальной просьбе мистера Максвелла. Нет, гимн, исполненный Рейчел, больше не провоцировал людей на аплодисменты. Какое-то очень глубокое чувство повергло сердца ее слушателей в благоговейный трепет, и в молчании они вслушивались в собственные мысли. Рейчел была прекрасна! Однако осознание девушкой своей неотразимой красоты порою немного мешало тем из поклонников ее таланта, кто обладал более глубокими духовными чувствами. Также оно становилось для нее самой препятствием при исполнении особого рода музыки. Но сегодня от этой характерной для Рейчел черты не осталось и следа! О нет, в ее великолепном голосе не ощущалось недостатка в силе! Вместе с тем, в пении Рейчел Уинслоу явственно звучал новый акцент: некое смирение и чистота, которые восхищенные слушатели восприняли с истинным благоговением.

Прежде чем завершить богослужение, мистер Максвелл попросил тех, кто оставались вместе с ним после службы в предыдущее воскресенье, вновь задержаться для обсуждения своих дел. Также, он предложил всем, желающим принести подобный обет, присоединиться к его группе. Освободившись, пастор сразу же направился в зал для лекций. К его удивлению, комната была заполнена практически до отказа. На этот раз там собралось очень большое количество молодых людей, но среди оставшихся было немало и предпринимателей, и представителей клира.

Как и в прошлый раз, Максвелл попросил собравшихся в лекционном зале помолиться вместе с ним. И, как и прежде, все сразу же ощутили присутствие Святого Духа. Сомнений в этом никаких не было! Как не было никаких сомнений в сердцах этих людей и в том, что то, что они вознамерились свершить, полностью соответствует воле Божией. Ведь в подтверждение тому на них снисходило благословение Господне, отчетливо переживаемое каждым из присутствующих.

Они оставались в церкви некоторое время, задавая друг другу вопросы и советуясь. Между этими людьми постепенно возникало чувство такого единения, которого они никогда ранее в своей общине не переживали. Все без исключения прекрасно понимали поступок мистера Нормана, которому теперь приходилось удовлетворять любопытство своих единомышленников, отвечая на их вопросы.

— Какими могут быть возможные последствия того, что вы прекратите выпуск газеты по воскресеньям? — поинтересовался Александер Пауэрс, занявший место рядом с Норманом.

— Пока что я не знаю. Думаю, неизбежно сокращение числа подписчиков, да и на рекламе это отразится. Я это продвигу.

— Нет ли у вас каких-либо сомнений относительно своего решения? Я имею в виду, не жалеете ли вы о нем, и не опасаетесь ли, что это не то, что мог бы сделать Иисус? — спросил мистер Максвелл.

— Нет, ни в малейшей степени. Однако мне хотелось бы задать вам вопрос, просто для собственного удовлетворения: считает ли кто-нибудь из присутствующих, что Иисус стал бы издавать подобное воскресное приложение к газете?

С минуту никто не отвечал. Затем раздался голос Джаспера Чейза: «Похоже, все мы единодушны в этом отношении. Тем не менее, несколько раз на протяжении прошедшей недели я попадал в тупик, размышляя, как бы мог поступить на моем месте Иисус. На этот вопрос не всегда легко ответить!»

— И у меня такая же проблема, — согласилась Вирджиния Пейдж. Она сидела рядом с Рейчел Уинслоу. Каждый, кто был знаком с Вирджинией Пейдж, удивлялся, как это ей удается держать свое обещание. — Я подозреваю, что мне особенно сложно находить ответы на этот вопрос, когда это касается моих денег. Ведь у нашего Господа никогда не было никакого особого имущества, и ничто в Его личном примере не может подсказать мне, как распоряжаться моей собственностью. Я изучаю Библию и молюсь. Мне кажется, часть того, что Он мог бы сделать, я вижу ясно, но только лишь часть. Что бы Он стал делать с миллионом долларов? Вот, в действительности, каков мой вопрос. Признаюсь, я до сих пор не нашла для себя удовлетворительного ответа.

— Я могу подсказать, что вы могли бы сделать с частью этих денег, — сказала Рейчел, поворачиваясь в сторону Вирджинии. — Да нет, меня не это волнует, — ответила Вирджиния, слегка улыбувшись. — Я пытаюсь открыть для себя какой-нибудь общий принцип, который позволил бы мне наилучшим образом приблизиться к самой манере Его поведения, и этот принцип должен изменить течение моей жизни во всем, что касается моего богатства и его использования.

— На это уйдет немало времени... — в задумчивости проговорил священнослужитель. Похоже, все люди в лекционном зале напряженно размышляли об одном и том же. Милтон Райт тоже захотел поделиться с другими своим опытом. Он попытался разработать план развития своих новых отношений с рабочими, и это начинание раскрыло для него, как и для его работников, абсолютно новый мир. И из числа молодежи несколько человек решились рассказать о своих стараниях найти ответ на свой главный вопрос. Все присутствующие оказались единодушны во мнении, что стремление применить дух Христова учения и практиковать его в ежедневной жизни оказалось делом серьезным. От всех людей потребовалось глубокое знание Христа, равно как и большая проницательность, чтобы понимать движущие Им мотивы. И пока не всем это удавалось в равной степени хорошо.

В конце концов, они прервали свои рассуждения, помолившись про себя. И вновь их обращение к Господу было отмечено все возрастающей силою присутствия Божия, молчаливой молитвой. Вслед за этим все разошлись, продолжая открыто обсуждать свои проблемы и стараясь помочь друг другу советом.

Рейчел Уинслоу и Вирджиния Пейдж покинули собрание вместе. Эдвард Норман и Милтон Райт оказались настолько заинтересованными в своей беседе, что, будучи не в силах прервать ее, прошагали мимо дома Нормана. В итоге, им пришлось вместе возвращаться назад. Джаспер Чейз и президент благотворительного «Общества стремления» долго оставались стоять в одном из углов зала для лекций, продолжая свой разговор. А Генри Максвелл с Александром Пауэрсом оставались в церкви и после того, как все остальные

разошлись.

— Мне хотелось бы, чтобы вы пришли к нам завтра утром в мастерские, посмотрели бы мой план и поговорили с людьми. Мне отчего-то кажется, что сейчас вы сможете найти с ними общий язык: гораздо лучше, чем кто-либо из тех, кого я знаю.

— В этом я не очень уверен, но приду обязательно, — отвечал мистер Максвелл, хотя и с небольшой неохотой. Готов ли он предстать двум или трем сотням рабочих, чтобы произносить перед ними речи? Однако достаточно ему было в момент минутного колебания задать себе решительный вопрос, как все сомнения отступили. Ну, не стыдно ли ему! Как бы поступил на его месте Иисус? На этом разговор был окончен.

На следующий день он нашел мистера Пауэрс в его рабочем кабинете в мастерских. Было около двенадцати часов, и управляющий предложил, — Пойдемте наверх, и я покажу вам, что я собираюсь предпринять!

Пройдя через машинную мастерскую, они взобрались по очень длинной железной лестнице, в итоге оказавшись в огромном пустом цеху. Когда-то он использовался железнодорожной компанией под склад.

— После того, как неделю назад я дал свой обет в числе прочих людей, у меня было много о чем подумать, — сказал управляющий, — но, прежде всего, вот что меня заботит. Компания предоставила этот цех полностью в мое распоряжение. Вот я и придумал расставить здесь столы и установить большую кофеварку — вон в том углу, где проходят паровые трубы. Мой план таков: создать удобное место, куда бы рабочие смогли подниматься, чтобы съесть свой обед. Кроме того, неплохо было бы два или три раза в неделю проводить здесь с ними беседы, минут по пятнадцать. Мы могли бы обсуждать разные проблемы, чтобы это как-то помогало им в жизни.

Максвелл не скрывал своего удивления. Он спросил, согласятся ли рабочие собираться на такие проповеди.

— Да, да, они придут! В конце концов, я ведь знаю своих работяг очень хорошо! На сегодняшний день у нас — самый сообразительный народ из среды рабочих, если брать по всей стране. Конечно же, они, как правило, не подвержены церковному влиянию. Ну, и я спросил себя: «Как бы поступил Иисус?» И среди прочих вещей, думается мне, Он начал бы с того, что постарался принести в жизнь этих людей хоть немного комфорта, как физического, так и духовного. Это цех, и все такое — это очень немного, но я действовал под влиянием самого первого побуждения. Первое, что мне пришло в голову, я и решил сделать, вот так эта идея и вырисовалась. Мне хотелось бы, чтобы вы поговорили с рабочими, когда они соберутся здесь на перерыв сегодня в полдень. Я их уже попросил подняться, чтобы посмотреть место. И я пообещал им кое-что рассказать.

Максвеллу было стыдно признаться в том, что просьба сказать несколько слов группе простых рабочих повергла его в немалый шок. Как ему заставить себя говорить без предварительных замечок, да еще к людям подобного сорта? Честно говоря, открывшаяся перед пастором перспектива привела его в ужас. Его пугало

осознание того, что придется смотреть в глаза такой толпе. Необходимость выступать перед простыми пролетариями, столь отличающимися от привычной для священника воскресной церковной аудитории, заставляла его сердце съеживаться от страха.

В цеху находилось с дюжину грубых лавок и столов. Вскоре прозвучал гудок на обеденный перерыв, и снизу из машинных цехов стали подниматься по лестнице люди. Рассаживаясь за столами, они сразу принимались разворачивать принесенные с собой из дому пакеты. Всего на обед собралось примерно три сотни человек. Рабочие явно успели прочесть объявление, которое управляющий мастерскими расклеил во многих местах, и явно пришли сюда, влекомые любопытством.

Они явно находились под впечатлением от увиденного. Цех был просторным, воздух в нем — чистым, без обычного дыма и копоти. Помещение хорошо обогревалось благодаря паровым трубам. Примерно без двадцати минут час мистер Пауэрс стал рассказывать своим рабочим, что он задумал здесь сделать. Говорил он очень просто, и было видно, что он прекрасно знаком с характером своей аудитории. Затем он представил им преподобного Генри Максвелла из «Первой Церкви»: вот, дескать, мой пастор, который любезно согласился уделить нам несколько минут.

Максвеллу ни за что не забыть того чувства, с которым он впервые предстал толпе рабочих людей — людей со столь характерно суровыми лицами. Подобно сотням прочих священнослужителей, ему никогда не приходилось говорить к какому-либо иному собранию, чем те люди, что принадлежали к его собственному классу, одевались так же, как он, были примерно так же образованы и не отличались от него своими привычками. Теперь перед ним открывался совершенно новый мир, и ничто не могло помочь ему выступить успешно, за исключением того правила, которым он отныне руководствовался. Он начал говорить о том, что приносит человеку удовлетворение его жизнью. Каковы причины этого чувства, каковы его подлинные источники. С самого начала своего первого выступления перед этими людьми он сознавал, что ему не следует ничем отделять себя от них. Он намеренно не пользовался определением «рабочий человек», и не произнес ни слова, которое предполагало бы какую-либо разницу между его собственной жизнью и существованием его слушателей.

Рабочим это понравилось. Многие из них захотели пожать ему руку, прежде чем разойтись по своим мастерским, и пастор возбужденно рассказывал об этом своей жене, когда возвратился домой. Он говорил ей, что никогда прежде не испытывал такого удовольствия, какое доставили ему крепкие рукопожатия этих людей, занимающихся физическим трудом. Этот день явно оказался определенного рода вехою в его христианском опыте: более важной вехой, чем он мог предполагать. Сегодня была положена первая доска того моста, что предстояло навести между церковью и трудовым людом Реймонда.

В тот день Александер Пауэрс сидел за своим рабочим столом, будучи весьма доволен своей задумкой. Ему верилось, рабочим будет немало пользы от этой затеи. Он уже знал, где сможет раздобыть несколько добротных столов:

точно, есть такая заброшенная столовая на одной из станций по их железной дороге. Да и идея с кофеваркой должна хорошо послужить для украшения его зала отдыха. Люди откликнулись на его приглашение даже лучше, чем он первоначально ожидал, и Пауэрс чувствовал, что его план обязательно принесет им большую пользу.

С лицом, сияющим от внутреннего удовлетворения, он окунулся в рутину обычной работы. Ведь, помимо всего прочего, говорил он себе, он хотел поступать именно так, как поступал бы на его месте Иисус.

Было уже почти четыре часа, когда Александер раскрыл один из тех длинных конвертов, в котором, как он рассчитывал, должны были содержаться указания относительно приобретения новых складов. Он пробежал взглядом по первой странице машинописного текста, как он привык делать по своему деловому обыкновению, прежде чем сообразил, что этот документ предназначался не в его офис, но в контору управляющего отделом грузовых перевозок.

Механически Пауэрс перевернул страницу, вовсе не собираясь читать то, что было адресовано не ему. Но, даже прежде чем он осознал, что читает чужое письмо, перед его глазами раскрылся совершенно очевидный факт. Да, оказывается, его компания систематически нарушает Кодекс федеральных коммерческих законов Соединенных Штатов. В общем-то, это такое же явное и недвусмысленное нарушение закона, как если бы частное лицо вломилось в чужой дом и стало грабить его обитателей. Дискриминация, прослеживавшаяся в вычетах рабочим, просто-таки в наглую презирала все существующие законы! Да и по законам их собственного штата, действия его компании явно нарушали целый ряд правил, недавно введенных законодательной властью, с целью предупредить образование монополий на железных дорогах. Не было никаких сомнений, что в его руках находится очевидное доказательство, которого будет вполне достаточно для того, чтобы признать их компанию виновной в преднамеренном и хорошо продуманном нарушении закона: как общего закона, так и закона штата.

Он отбросил бумаги на свой письменный стол, как будто они были отравленными, и в сознании его немедленно высветились ставшие уже привычными слова: «А как бы поступил Иисус?» Сначала Пауэрс попытался просто уйти от вопроса. Он урезонивал свою совесть, убеждая, что это не его ума дело. Подобно практически всем остальным чиновникам в их компании, он знал, хотя и никогда не вдавался в подробности, что такие вещи происходят везде: чуть ли не на каждой железной дороге. Да ведь и не при его положении, если говорить о месте управляющего железнодорожными мастерскими, доказывать что-либо напрямую. Поэтому он и считал раньше, что это жульничество его не касается. Впрочем, теперь документы, лежавшие на его рабочем столе, открывали всю аферу. «Так, хорошо: по чьей-то небрежности они попали к нему. Но какое ему до этого дело? ...Если бы он увидел, как в дом к соседям залезает вор, разве не было бы его долгом сообщить об этом стражам закона? А чем отличается, в этом случае, железнодорожная компания? Разве для нее устанавливаются какие-то особые нормы поведения, так что ей позволительно обкрадывать людей и изгаляться над законом, только потому, что это такая большая организация? Как бы поступил Иисус? Потом, остается еще его семья. Само собой, если он предпримет какие-

либо шаги и проинформирует следственную комиссию, это будет означать для него утрату своего поста. Его жена и дочь с детства наслаждаются роскошью, они давно привыкли к хорошему месту в обществе. Если он рискнет восстать против этого беззакония в качестве свидетеля, ему неминуемо придется выступать в судах. Его мотивы могут быть поняты превратно, и все дело кончится полным бесчестьем и потерей своего положения. Да нет же, разумеется, все это не его дело! Все, что он должен сделать — отослать бумаги по адресу, в отдел товарных перевозок. Ничего умнее не придумаешь. И пускай это беззаконие продолжается. Да, пускай законом пренебрегают: ему-то какое до этого дело? Ему надо дальше продумывать свои планы по улучшению условий труда рабочих. Чего же более желать человеку — ну кто в состоянии сделать больше в этом железнодорожном бизнесе, где, все равно, столько всякого жульничества, что жить в нем по христианским стандартам невозможно?! ...Но что бы сделал Иисус, если бы Он узнал эти факты?» Таким вопросом мучил себя Александр Пауэрс, пока день не склонился к вечеру.

В их конторе зажегся свет. Шум большой паровой машины и лязг строгальных станков в главном цеху продолжался до шести вечера. Затем прозвучал гудок к отбою, машина затихла, рабочие побросали свои инструменты и побежали к блокгаузу.

До слуха Пауэрса доносилось знакомое «щелк, щелк»: снаружи их здания работяги проходили мимо часов у окна блокгауза, спеша отметить при уходе с работы. Он предупредил своих служащих: «Я еще не закончил. У меня на вечер осталась кое-какая работа». Александр подождал, пока последний человек не отметился при выходе, и надсмотрщик за стойкой блокгауза не покинул свой пост. Инженер со своими помощниками должны оставаться на работе еще с полчаса, но они обычно уходят через другую дверь.

Любой человек, вздумавший заглянуть в офис управляющего мастерскими в семь часов вечера, был бы поражен необычной картиной. Хозяин стоял на коленях, закрыв лицо ладонями, с головою, склоненной на заваленный какими-то бумагами письменный стол.

Глава Шестая

«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником».

«Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником».

Когда Рейчел Уинслоу и Вирджиния Пейдж расставались в воскресенье после собрания в «Первой Церкви», то договорились продолжить свой разговор на следующий день. Вирджиния пригласила Рейчел прийти к ней на ленч к полудню, и соответственно около половины одиннадцатого в понедельник Рейчел позвонила в колокольчик у дверей особняка Пейджей. Вирджиния сама встретила гостью, и вскоре две девушки оказались полностью захвачены беседой.

— Дело в том, — объясняла Рейчел, после того как они обменялись несколькими фразами, — что я не могу примирить это со своим пониманием того, что бы сделал Иисус. Я не могу указывать другому человеку, что ему делать, но я чувствую, что мне не стоит принимать это предложение.

— Так что же ты собираешься делать? — спросила Вирджиния с неподдельным интересом.

— Я еще не знаю точно, но я решила отказаться от этого предложения.

Рейчел подняла лежавший у нее на коленях лист бумаги, и еще раз пробежала глазами весь текст. Это было письмо от импресарио одной из комических опер, предлагавшего ей место на этот сезон в большой гастролирующей труппе. Зарплата была очень высокая, и перспектива, обрисованная управляющим театральной компании, представлялась очень заманчивой. Он слушал пение Рейчел в то самое воскресное утро, когда появление незнакомца прервало церковную службу. Ее голос произвел на импресарио очень сильное впечатление. По его мнению, такой голос мог бы принести большие деньги, если использовать его в комической опере: так говорилось в письме, и импресарио хотел получить ответ как можно скорее.

— Нет большой заслуги в том, чтобы отказаться от подобного предложения, если бы у меня в запасе было еще одно, — сказала Рейчел задумчиво. — Ну, а так, это нелегкий выбор. Мне надо собраться с мыслями. Сказать по правде, Вирджиния, прежде всего, я совершенно уверена, что Иисус никогда не стал бы использовать никакой талант, как, к примеру, хороший голос, просто для того, чтобы делать деньги. Но, вот возьмем это концертное предложение. Это же весьма уважаемая труппа, гастролирующая с популярным пародистом, скрипачом и мужским квартетом. Все участники — артисты с хорошей репутацией. Мне предложено стать солисткой труппы в качестве ведущего сопрано. Зарплата — я, кажется, уже говорила об этом, да? — обещана двести долларов в месяц на весь

сезон. Но у меня нет уверенности, что Иисус принял бы такое предложение. А ты как считаешь?

— Ты не должна просить меня решать за тебя, — ответила Вирджиния с печальной улыбкой. — Я считаю, что мистер Максвелл был прав, когда говорил, что каждый из нас должен решать сам, полагаясь на свое собственное мнение относительно того, что это значит, поступать как Христос. Я нахожусь перед еще более сложным выбором, чем ты, дорогая, думая, как бы Он поступил.

— Да что ты? — удивилась Рейчел. Она поднялась из кресла и, подойдя к окну, стала глядеть на улицу. Вирджиния подошла к подруге и встала рядом. Улица была полна жизни, и какое-то время молодые девушки молча наблюдали за происходящим снаружи. Внезапно Вирджиния взорвалась, причем, Рейчел никогда не видела ее такою прежде:

— Рейчел, а что означает для тебя неравенство в социальном положении, когда ты задаешь себе вопрос, как бы поступил Иисус?! Меня сводит с ума от одной лишь мысли о том обществе, в котором я выросла, и к которому мы обе, кстати говоря, принадлежим. Когда я думаю об обществе, которое из года в год наслаждается дорогими нарядами, изысканными яствами и весело проводит время! Люди устраивают или посещают званые обеды, тратят деньги на обустройство домов и предметы роскоши, и лишь от случая к случаю, для успокоения собственной совести, не жертвуя ничем существенным, делают небольшие пожертвования на благотворительность. Я, как и ты, получила образование в одной из самых дорогих школ Америки, и была выпущена в свет, как богатая наследница. Многие находят мое положение очень завидным. У меня все прекрасно: я могу в любой момент отправиться в путешествие или оставаться дома. Я могу делать все, что пожелаю. Я могу удовлетворить почти любое свое желание или каприз. И все же, когда я честно пытаюсь представить Иисуса, ведущего тот образ жизни, который я веду, и предполагается, буду вести до конца моих дней, как делают тысячи богатых людей, я не могу удержаться от того, чтобы не чувствовать себя одним из самых порочных, эгоистичных и бесполезных созданий во всем мире. Я неделями не могу выглянуть из этого окна на улицу, без чувства отвращения, которое охватывает меня по отношению к самой себе, при виде людского потока, проходящего мимо этого дома.

Вирджиния отошла прочь от окна, и стала ходить туда-сюда по комнате. Рейчел смотрела на нее и не могла подавить поднимающуюся волну своего собственного растущего понимания того, что означает быть учеником Христа. Как можно использовать с христианской точки зрения ее собственный талант пения? Неужели же лучшее, что она может сделать — продавать свой талант за столь высокую ежемесячную плату, гастролировать с концертной группой, одеваясь в роскошные наряды, наслаждаясь аплодисментами публики и постепенно обретая славу великой певицы? Было ли это тем, что бы сделал на ее месте Иисус?

Рейчел была абсолютно здорова, и находилась в прекрасной певческой форме. Она хорошо осознавала свои огромные силы, как певица, и знала, что начни она выступать на публике, она могла бы заработать кучу денег и стать знаменитой. Маловероятно, чтобы девушка переоценивала свои возможности

достичь всего, на что, по ее мнению, она была способна. Но Вирджиния! — то, что она только что сказала, поразило Рейчел с огромной силой — потому что, как только что обнаружилось, обе подруги находятся в схожем положении.

Позвали к ленчу, и девушки спустились к столу, чтобы присоединиться к бабушке Вирджинии, мадам Пейдж — миловидной величественной женщине лет шестидесяти пяти — и брату Вирджинии Роллину. Этого молодого человека, большую часть своего времени проводящему в одном из клубов, в последнее время ничто не занимало так сильно, как растущее восхищение Рейчел Уинслоу, и он всегда старался оставаться дома, если знал, что Рейчел ожидается у Пейджей к обеду или ленчу.

Вот эти трое и составляли семейство Пейджей. Отец Вирджинии был банкиром и сделал состояние на торговле зерном. Мать девушки умерла десять лет назад, а ее отец отошел в мир иной в прошлом году. Ее бабушка, южанка по рождению и воспитанию, придерживалась всех традиций и взглядов, сопутствующих обладанию богатством и высоким социальным статусом, которые были непоколебимы. Она была практичной и осмотрительной деловой женщиной, обладавшей недюжинными способностями. Семейное имущество и ценности были вверены по большей части ее личной опеке. Однако доля Вирджинии была без всяких ограничений в полном распоряжении девушки. Отец научил свою дочку понимать те направления, в которых движется мир бизнеса, и даже бабушка была вынуждена признать за своей внучкой способности самой заботиться о своих собственных средствах.

Пожалуй, трудно было отыскать двух более неподходящих людей для понимания такой девушки, как Вирджиния, чем мадам Пейдж и Роллин. Рейчел, знающая эту семью с тех давних пор, когда она была детской подругой Вирджинии, не могла не думать о том, с каким противостоянием пришлось столкнуться Вирджинии в ее собственном доме, когда богатая наследница решила встать на тот путь, который по ее искреннему убеждению избрал бы Иисус. Сегодня, во время ленча, вспоминая внезапный взрыв Вирджинии в гостиной, она пыталась представить себе сцену, которая могла когда-нибудь разыгаться между мадам Пейдж и ее внучкой.

— Я слышал, что вы собираетесь выступить на сцене, мисс Уинслоу. Мы все будем в восхищении от этого, не сомневаюсь, — сказал Роллин в ходе не слишком оживленной беседы.

Рейчел покраснела, не в силах скрыть досаду.

— Кто вам сказал? — вспыхнула она, в то время как Вирджиния, бывшая во время разговора необычайно молчаливой и сдержанной, вдруг встрепенулась, и на ее лице выразилась готовность присоединиться к беседе.

— О, я слышал эту новость пару раз на улице. Кроме того, все видели в нашей церкви антрепренера Кренделла две недели назад. Этот человек ходит в церковь не для того, чтобы слушать проповеди. На самом деле, я знаю и других людей, поступающих подобным же образом, когда в церкви есть нечто гораздо лучшее, что можно слушать.

На этот раз Рейчел не покраснела, но отвечала спокойно:

— Вы ошибаетесь. Я не собираюсь на сцену.

— Очень жаль. Это был бы фурор. Все только и говорят о вашем пении.

На этот раз лицо Рейчел пылало неподдельным гневом. Но прежде чем она успела что-нибудь ответить, в разговор вмешалась Вирджиния:

— Кого ты имеешь в виду, говоря «все»?

— Кого я имею в виду? Да всех людей, кто слушает мисс Уинслоу по воскресеньям. Когда же еще они могут ее послушать? И очень жаль, позволю себе повторить, что основная публика за пределами Реймонда не может насладиться ее голосом.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — сказала Рейчел немного резковато. Мадам Пейдж бросила на нее быстрый взгляд и сказала с подчеркнутой учтивостью:

— Дорогая моя, Роллин никогда не раздает незаслуженных комплиментов. В этом он — весь в своего отца. Но все мы сгораем от любопытства узнать хоть что-нибудь о ваших планах! На правах старых знакомых, вы понимаете; к тому же Вирджиния уже рассказала нам о предложении, сделанном вам гастрольной труппой.

— Я думала, что эта новость уже стала общественным достоянием, — сказала Вирджиния, улыбаясь подруге через стол. — Я была позавчера в редакции «Ньюз».

— Да, да, — ответила Рейчел торопливо, — я понимаю, мадам Пейдж. В общем, мы с Вирджинией уже разговаривали на эту тему. Я решила не принимать этого предложения, и это все, что я могу сказать на данный момент.

Рейчел понимала, что разговор, дойдя до этой точки, как-то уменьшил ее колебания относительно предложения от концертной компании, и укрепил ее решение, которое полностью соответствовало тому, что по ее убеждению сделал бы Иисус на ее месте. Как бы то ни было, меньше всего на свете ей хотелось бы принимать свое решение столь публично, как это отныне выходило. Однако каким-то образом то, что сказал Роллин Пейдж, и то, в какой манере это было сказано, подтолкнуло ее к принятию окончательного решения.

— Не могли бы Вы поделиться с нами, Рейчел, какие причины заставили Вас отказаться от этого предложения? Ведь оно выглядит превосходным шансом для такой молодой девушки, как вы. Разве вам не кажется, что ваш голос надлежит услышать и широкой публике? В этом я совершенно солидарна с Роллином. Голос, подобный вашему, должен принадлежать большей аудитории, чем наш Реймонд или «Первая Церковь».

Рейчел Уинслоу по природе своей была очень сдержанной девушкой. Она просто съеживалась от мысли, что ее планы или мысли могут стать достоянием публики. Но, несмотря на всю ее сдержанность, случались моменты, когда она внезапно раскрывалась, и чисто импульсивно, совершенно откровенно и искренне

выплескивала свои самые сокровенные чувства. Вот и сейчас ее ответ мадам Пейдж оказался как раз одним из таких редких моментов несдержанности, что лишь добавляло привлекательности характеру Рейчел.

— У меня нет иной причины для отказа, чем глубокое убеждение, что Иисус на моем месте поступил бы точно так же, — сказала она, не отводя от мадам Пейдж открытого взгляда своих ясных глаз.

Мадам Пейдж покраснела, а Роллин в изумлении уставился на девушку. Но прежде чем бабушка успела что-нибудь сказать, свой голос подала Вирджиния. Заливающая ее лицо краска говорила о том, что и она крайне взволнована. Естественная бледность и чистота ее черт особенно бросалась в глаза, будучи оттенена знойной красотой Рейчел.

— Бабушка, ты же знаешь, мы дали обещание весь год руководствоваться в наших поступках именно этим стандартом. Предложение мистера Максвелла было абсолютно понятно всем присутствовавшим. И теперь мы просто не в состоянии принимать поспешные решения! Трудность в том, чтобы осознать, как бы на нашем месте поступил Иисус: это во многом озадачивает и Рейчел, и меня...

Мадам Пейдж бросила на Вирджинию резкий взгляд. Она не позволила девушке окончить фразу.

— Да уж, разумеется, я поняла предложение мистера Максвелла! Но совершенно непрактично пытаться воплотить его в жизнь. Я уверена, что через какое-то время все давшие обещание, попытавшись последовать своему обету, оставят эту затею, как призрачную и абсурдную. Я не могу ничего сказать относительно планов мисс Уинслоу, но, — она сделала паузу, и продолжила с такими резкими нотками в голосе, которых Рейчел раньше никогда не слышала, — я надеюсь, что у тебя, Вирджиния, не появится в связи с этим никаких глупых фантазий.

— У меня очень много фантазий, — ответила девушка с достоинством. — А вот глупые они или нет, зависит от моего верного понимания того, что сделал бы Он. И как только я пойму это, то этому и буду следовать.

— Извините меня, дамы, — сказал Роллин, поднимаясь из-за стола, — но эта беседа выходит за пределы моего понимания. Я, пожалуй, удалюсь в библиотеку — за сигарой.

Он вышел из столовой, где на минуту воцарилась тишина. Мадам Пейдж подождала, пока прислуга поставит на стол какое-то кушанье, а затем попросила ее удалиться. Бабушка была явно разгневана, и гнев ее был ужасен, хотя присутствие Рейчел в какой-то мере его сдерживало.

— Я все-таки немного старше вас, молодые леди, — сказала она, и ее традиционная манера держаться, казалось Рейчел, возводила огромную ледяную стену между ней и любым представлением об Иисусе, как о жертве. — То, что вы обещали, сделав это, насколько я понимаю, в порыве ложных чувств, исполнять невозможно.

— Ты имеешь в виду, бабушка, что мы не в состоянии поступать так, как

нам кажется, поступал бы наш Господь? Или ты хочешь сказать, что если мы попытаемся так действовать, то мы нарушим обычаи и предрассудки общества? — спросила Вирджиния.

— Этого и не требуется! Это совсем не обязательно! Кроме того, как вы сможете обращаться с каким-нибудь... — мадам Пейдж осеклась, и, не закончив предложения, обернулась к Рейчел: — А как отнесется к этому решению ваша матушка? Дорогая моя, ну, разве это не глупость? Да и что вы, в любом случае, намереваетесь делать с вашим голосом?

— Я пока не знаю, что скажет мама, — ответила Рейчел. Внутренне она вся сжалась, представив возможную реакцию своей матери. Если и существовала в Реймонде какая-то женщина с невероятно большими амбициями относительно успеха своей дочери в качестве певицы, так это, безусловно, была миссис Уинслоу.

— О-о-о, стоит вам только трезво поразмыслить на этот счет, как все предстанет вам в совершенно ином свете, моя милочка! — заключила мадам Пейдж, поднимаясь из-за стола, — И вы оч-чень пожалеете, если не примете предложение концертной труппы или чего-нибудь в этом роде.

Рейчел попыталась сказать что-то, не в силах справиться со своими противоречивыми чувствами. Вскоре она распрощалась, понимая, что после ее ухода между Вирджинией и ее бабушкой неминуем весьма болезненный диалог. Как она узнала позднее, кризис, который довелось пережить Вирджинии во время последовавшей сцены с ее бабушкой, заставил ее принять окончательное решение как относительно использования своего наследства, так и относительно ее положения в обществе.

Глава Седьмая

Рейчел была рада освободиться и оказаться наедине с собою. В ее сознании медленно формировался некий план, и девушке хотелось, чтобы ей никто не мешал его обдумать. Но не прошла она и двух кварталов, как к своему неудовольствию обнаружила, что этот несносный Роллин Пейдж тащится за нею!

— Простите, что отрываю вас от ваших мыслей, мисс Уинслоу, но так уж получилось, что я пошел одним путем с вами, подумав, что вы не будете возражать. Честно говоря, я иду рядом уже целый квартал, а вы и не замечаете!

— Я вас не видела, — коротко бросила Рейчел.

— Я бы ничего не возражал против этого, если часть ваших мыслей была обо мне, — неожиданно вырвалось у Роллина. Он нервно затянулся своей сигарой в последний раз, швырнул ее на мостовую и зашагал рядом. Лицо молодого человека было очень бледным.

Рейчел была удивлена, но не слишком. Она знала Роллина еще мальчишкой, и помнила еще времена, когда они звали друг друга просто по именам. Как бы то ни было, какая-то перемена в поведении Рейчел положила конец такой фамильярности. Она давно привыкла к свойственной Роллину прямоте в комплиментах. Порой, ей это даже нравилось. Но сегодня ей хотелось бы, чтоб он оказался где-нибудь подальше.

— А вы когда-нибудь думаете обо мне, мисс Уинслоу? — спросил Роллин после некоторой паузы.

— О да, очень часто! — с улыбкой отвечала Рейчел.

— И вы думаете обо мне сейчас?

— Да. Ну-у... то есть, да, думаю.

— А что думаете?

— Вы хотите, чтобы я ответила честно-честно?

— Разумеется.

— Тогда, я подумала, хорошо бы вас здесь не было! — Роллин прикусил губу. Выглядел он уныло.

— Вот, посмотрите, Рейчел... Да, я знаю, так говорить не принято, но позвольте же мне, наконец, это сказать! Вы же знаете мои чувства. Отчего вы так ко мне относитесь? Ведь раньше-то я вам хоть немножко нравился, правда?

— Неужели? Да, конечно, мы ладили, когда были детьми, мальчиком и девочкой. Но теперь-то мы стали старше!

Рейчел по-прежнему вела беседу в легком, непринужденном тоне, которым привыкла разговаривать с этим надоедливым юношей. Ее голова до сих пор была занята обдумыванием своего плана, и появление Роллина явно помешало ее

мыслям.

Они еще немного прошли в молчании. Авеню была заполнена народом. Среди прохожих оказался Джаспер Чейз. Завидев Рейчел и Роллина, молодой человек вежливо поклонился при встрече. При этом Роллин внимательно посмотрел на Рейчел.

— Эх, хотелось бы мне стать Джаспером Чейзом! Как знать, может, тогда у меня был бы какой-нибудь шанс, — вздохнул он печально.

Рейчел покраснела, не успев овладеть собою. Она ничего не ответила своему спутнику, лишь чуть прибавила шагу. Роллин, похоже, решил сказать что-то важное, и Рейчел была не в состоянии удержать его от этого. В конце концов, подумала она, когда-нибудь он все равно узнает всю правду.

— Вам достаточно хорошо известно, Рейчел, какие чувства я испытываю к вам. Есть ли у меня хоть какая-то надежда? Я мог бы сделать вас счастливой! Я люблю вас уже долгие годы...

— Да ну, вы думаете, я уже такая старая? — прервала его Рейчел с нервным смешком. Она была явно выбита из колеи, не в силах сохранять свои привычные манеры.

— Вы знаете, что я имею в виду! — упрямо продолжал Роллин. — И вы не смеете смеяться надо мною лишь из-за того, что я прошу вашей руки!

— Я не смеюсь! Но вам нет смысла уговаривать меня, Роллин, — сказала Рейчел, несколько поколебавшись, и решив, наконец, назвать его просто по имени. («Надеюсь, это получилось у меня само собою, естественно, чтобы у него не возникло желания приписать этому какой-либо смысл кроме той фамильярности, что делает возможной старое знакомство семьями»). — Нет, это невозможно! — тем не менее, девушка, безусловно, опешила, получив предложение выйти замуж прямо посреди людной авеню. Уличный шум, разговоры прохожих делали их беседу столь же приватной, как если бы они находились внутри здания.

— Означает ли это... Считаете ли вы, что если вы дадите мне время, чтобы я смог...

— Нет! — твердо отрезала Рейчел. Это получилось у нее излишне резко, и, как она вспоминала впоследствии, ее тон был, пожалуй, просто грубым.

Еще некоторое время они шли вперед, не проронив ни слова. Они приближались к дому Рейчел, и девушка уже начинала волноваться, как ей удастся завершить эту сцену.

Когда они свернули с главной авеню на более тихую улочку, Роллин неожиданно заговорил снова. Теперь в его голосе звучали нотки определенной мужественности, которая не была ему ранее присуща. Новым в его голосе для Рейчел оказался и безусловный оттенок достоинства.

— Мисс Уинслоу, я прошу вас стать моей женою. Есть ли для меня какая-либо надежда на то, что вы согласитесь?

— Ни в малейшей степени! — решительно отвечала Рейчел.

— Можете ли вы мне сказать, почему? — он задал этот вопрос так, как будто имел право на прямой и честный ответ.

— Потому что я не испытываю к вам тех чувств, что женщина должна испытывать к мужчине, за которого выходит замуж.

— Иными словами, вы не любите меня?

— И не люблю, и не могу любить!

— Но почему? — последовал еще один вопрос, и Рейчел немного удивилась, что он задал его.

— Ну, потому что... — она испугалась, что скажет слишком много, и правда прозвучит оскорбительно.

— Скажите мне лишь, почему. Вы не сможете ранить меня сильнее, чем уже ранили!

— Хорошо! Я не люблю вас и не смогу вас полюбить, потому что у вас нет никакой цели в жизни. Сделали ли вы когда-нибудь хоть что-нибудь, чтобы этот мир стал хоть чуточку лучше? Вы проводите свою жизнь, разъезжая по клубам, во всяких наслаждениях, в путешествиях, в роскоши. Ну что, в такого рода жизни, может привлекать женщину?

— Немногое, подозреваю, — горько усмехнулся Роллин. — Однако же, я не вижу, чтобы я был намного хуже всех прочих мужчин, окружающих меня. Да и не настолько я плох, как некоторые! Я рад, что отныне мне известны ваши причины.

Внезапно он остановился, снял свою шляпу, поклонился с очень торжественным видом и повернул назад. Рейчел поспешила домой, где напрямик прошла в свою комнату. Ее очень сильно взбудоражило все случившееся: да, все это было так неожиданно и так ей непривычно!

Когда, наконец, она оказалась в состоянии обдумать все происшедшее с нею, Рейчел почувствовала угрызения совести. Зачем она была столь предосудительна с Роллином Пейджем? А какова цель ее собственной жизни? Она жила за границей, училась музыке у одного из лучших учителей Европы. Затем она вернулась домой в Реймонд, и вот уже год поет в хоре «Первой Церкви». Ей хорошо платят. Вплоть до того воскресенья, две недели назад, она была вполне удовлетворена и собою, и своим положением. Она унаследовала большие амбиции от своей матери и предвкушала будущие триумфы в мире музыки. Да и какая иная карьера могла лежать перед нею, за исключением стандартной карьеры любой из известных певиц?

Она вновь задала себе обычный вопрос. Вспомнив то, что она лишь недавно сказала Роллину, девушка спрашивала себя, есть ли у нее какая-то большая цель в жизни? Что бы сделал на ее месте Иисус? Да, иметь такой голос — это безусловный дар. Она ощущала свой талант, и относилась к нему не с каким-нибудь профессиональным эгоизмом, и не с чувством особой гордости, но просто как к факту. Ей приходилось признать, что всего лишь две недели назад она планировала использовать свой голос для того, чтобы делать на нем деньги, завоевывать признание и срывать аплодисменты. И неужели это является более

высокой целью в жизни, чем то, ради чего живет Роллин Пейдж?

Девушка долго сидела одна в своей комнате. Наконец, она вышла и стала подниматься по лестнице, исполнившись решимости серьезно поговорить со своей матерью. Рейчел хотелось высказать ей все: и о предложении концертной компании, и о том новом плане, которой постепенно вырисовывался в ее сознании. Прежде ей доводилось обсуждать кое-что со своей матерью. Было очевидно, что та рассчитывает на принятие своей дочерью предложения от концертной компании, что позволит Рейчел сделать успешную карьеру в качестве светской певицы.

— Мама, — сказала Рейчел, едва переступив порог комнаты, в предвкушении не слишком приятной беседы, — Я приняла решение не сотrudничать с этой компанией. У меня для этого есть веские причины.

Миссис Уинслоу была крупной женщиной, весьма привлекательной наружности. Обожая постоянно пребывать в светском обществе, по своим амбициям она всегда жаждала занимать в нем самое высокое положение. Миссис Уинслоу изначально стремилась к успеху, и, в соответствии с тем, что считала успехом сама, желала того же и для своих детей. Этим летом ее младший сын, Луи, что на два года моложе Рейчел, должен закончить военную академию. Кстати говоря, мать и Рейчел оставались дома одни. Отец Рейчел, подобно отцу Вирджинии, умер, когда его семья находилась за границей. И подобно Вирджинии, Рейчел беспрестанно оказывалась в полном антагонизме со своим непосредственным окружением дома: если учитывать ее теперешнее положение в связи с данным ею обетом. Итак, миссис Уинслоу ожидала от дочери дальнейших объяснений.

— Мама, ты знаешь о том обете, что я принесла две недели назад?

— Обет мистера Максвелла?

— Нет, мой обет. Ты знаешь, о чем он, не так ли, мама?

— Полагаю, что да. Ну, разумеется, все члены церкви должны подражать Христу и следовать Ему: насколько этому позволяет то, что окружает нас в наши дни. Но какое это может иметь отношение к твоему решению относительно выступлений с концертной компанией?

— Самое непосредственное! После того, как я спросила себя, «Что бы сделал Иисус на моем месте?», и, обратившись за советом к первоисточнику, я просто обязана сказать, что не верю, чтобы Он, будучи на моем месте, использовал бы мой голос таким образом.

— Почему же? Неужели есть что-то плохое в профессии такого рода?

— Да нет, не думаю, что в ней что-то плохое.

— Ты что же, считаешь себя вправе осуждать тех людей, что решились петь подобным образом? Ты подразумеваешь, что они делают то, чего не стал бы делать Христос?

— Мама, я хочу, чтобы ты меня поняла. Я никого не собираюсь осуждать: я не осуждаю никого из профессиональных певиц. Просто, я выбираю свой

собственный путь. Когда я смотрю на эти вещи, то не могу избавиться от убеждения, что Иисус избрал бы что-то иное.

— Да что иное?! — миссис Уинслоу старалась держать себя в руках. Она не понимала ни сложившейся ситуации, ни Рейчел, оказавшейся на перепутье. Однако она тревожилась о том, что путь, выбранный ее дочерью, может оказаться не столь выдающимся, как ее талант певицы, ее природный дар. Прежде она несколько не сомневалась в том, что после того, как это необычное религиозное возбуждение в Первой Церкви сойдет на нет, Рейчел продолжит выступать публично, в соответствии с планами ее семьи. Женщина оказалась полностью неподготовленной к последовавшему ответу ее дочери.

— Что? Что-то такое, что будет служить людям там, где они наиболее нуждаются в моем пении. Мама, я приняла решение использовать свой голос таким образом, чтобы совесть моя была спокойна. Я должна быть уверена в том, что делаю нечто лучшее, чем пою к удовольствию одетых по последней моде людей, или же делаю деньги таким образом. Или, даже просто удовлетворяю свою собственную любовь к пению! Я собираюсь делать нечто такое, что успокаивает мою душу, когда я спрашиваю себя: «Как бы поступил Иисус?» Меня не устраивает, и не может устроить мысль о себе, занимающейся профессиональным пением и выступающей с концертами по контракту с нашей компанией.

Смелость и открытость, с которой говорила Рейчел, удивили ее мать. Но теперь миссис Уинслоу рассердилась не на шутку, а она вовсе не привыкла скрывать свои чувства в разговорах дома.

— Да это просто неслыханно! Рейчел, ты — фанатичка! Что ты собираешься делать?!

— Этому миру изначально прислуживает множество мужчин и женщин, одаренных различными талантами или нет. Отчего это мне, благословенной от природы таким даром, обязательно назначать за него диктуемую рынком цену и стараться выжать из своего голоса все деньги, что в моих силах? Знаешь что, мама, ты всегда учила меня воспринимать музыкальную карьеру лишь в свете финансового успеха и успеха у публики. Но я не в состоянии, после того, как принесла свой обет две недели назад, помыслить об Иисусе, заключающем договор с концертной компанией, и живущем такой жизнью, какой придется жить мне, если я подпишу этот контракт!

Миссис Уинслоу поднялась со своего кресла, но затем вновь уселась назад. Ей стоило немалых усилий держать себя в руках.

— Так что ты намереваешься делать? Ты не ответила на мой вопрос.

— Пока что буду продолжать петь в нашей церкви. Я ведь пообещала петь там всю весну. А на этой неделе я хочу спеть на собраниях «Белого Креста» в «Прямоугольнике».

— Что-о-о?! Рейчел Уинслоу!! Ты понимаешь, о чем ты говоришь?! Ты что, не знаешь, какого сорта люди там живут?

Рейчел немало перепугалась, увидев свою мать такую. На секунду она даже

отпрянула назад, не в силах произнести ни слова. Но затем девушка сказала спокойным голосом, — Знаю, и очень хорошо. И это и есть причина, по которой я хочу там выступать. Мистер и миссис Грей работают там уже несколько недель. И только сегодня утром я узнала, что им нужны певцы из церквей, которые могли бы помочь им во время евангелизационных собраний. У них есть большой шатер. Он расположен в той части города, которая наиболее нуждается в делах христианина. И я собираюсь предложить им свою помощь. Мама! — воскликнула Рейчел с необычной для нее доселе прочувствованностью, — Мне хочется делать нечто такое, что потребует от меня определенных жертв! Это должно стоить мне хоть чего-нибудь, чтобы я смогла назвать это своею жертвою. Да, я знаю, тебе меня не понять. Но я жажду пострадать ради чего-то значительного! Сделали мы хоть что-нибудь, хотя бы раз в жизни, для той страждущей, грешной части нашего Реймонда? Насколько достало нам самоотвержения, насколько мы в состоянии отказать себе хоть в каких-нибудь удовольствиях, чтобы осчастливить то место, в котором мы живем и в котором призваны подражать жизни Спасителя этого мира? Неужели нам во всем поступать так, как диктует нам наше эгоистичное общество? Неужели нам так и двигаться по тому узкому кругу удовольствий и развлечений, не желая познавать боли, что причиняет человеку стремление к самопожертвованию?

— Ты что, мне проповедь читаешь? — медленно прошипела миссис Уинслоу. Рейчел поднялась со своего места. Да, она прекрасно понимала смысл слов своей матери.

— Нет. Я проповедую сама себе, — мягко ответила девушка. Подождав с минуту в ожидании, что мать найдет, что возразить ей, она вышла из комнаты. Затворив за собой дверь своих покоев, Рейчел внезапно осознала, что со стороны своей матери ей не стоит ожидать не только сочувствия, но даже и малейшего понимания.

Она преклонила колени. Не будет преувеличением сказать, что с того момента, как в церкви Генри Максвелла впервые увидели шатающегося незнакомца с выцветшей шляпой в руках, большинство из членов его прихода уже провело больше времени на коленях в молитве, чем за все его прежнее служение в качестве пастора.

Девушка поднялась с колен, с лицом, мокрым от слез. Немного посидев в задумчивости, она решила написать Вирджинии Пейдж. Отправив ей записку с нарочным, Рейчел спустилась вниз и сказала матери, что она собирается сегодня вечером с Вирджинией в «Прямоугольник», чтобы встретиться с евангелистами мистером и миссис Грей.

— Дядюшка Вирджинии, доктор Вест, согласился сопровождать нас, если сама Вирджиния пойдет. Я попросила ее позвонить ему по телефону и пойти с нами. Доктор Вест друг Греев, он уже побывал на проводимых ими собраниях прошлой зимою.

Миссис Уинслоу ничего не сказала в ответ. Всем своим видом она показывала полнейшее неодобрение поведения Рейчел, и та почти физически ощущала невысказанную ее матерью злобу.

Около семи часов появились доктор с Вирджинией, и все трое отправились в сторону того места, где проходили собрания «Белого Креста».

Да, «Прямоугольник» был наиболее примечательным из районов Реймонда! Он занимал территорию, соседствующую с железнодорожными мастерскими, всякими складами и пакгаузами. Самые ужасные развалюхи, самые жуткие ночлежные дома Реймонда, переполненные наихудшими из человеческих отбросов, находились в знаменитом «Прямоугольнике». Большая часть этого места представляла собою огромный пустырь, на котором каждое лето раскидывали свои палатки бродячие цирки и странствующие артисты. Вид на пустырь перекрывал ряд салунов, игорных залов, дешевых приютов и убогих, обшитых грубыми досками домиков.

В «Первой Церкви» Реймонда было не принято затрагивать проблемы «Прямоугольника». Уж слишком это место считалось грязным, слишком грубым, слишком грешным — в общем, слишком ужасным, чтобы его касаться. Если говорить честно, была одна попытка очистить этот рассадник греха, послав туда группу церковных певчих, учителей воскресных школ из различных церквей и заезжих проповедников Евангелия. Однако сама «Первая Церковь» Реймонда, как организация, еще ни разу не предприняла ни единой попытки для того, чтобы как-то разрушить «Прямоугольник», превратившийся с годами в подлинную цитадель дьявола.

И вот, в этой-то обители греха, в самом центре всего того, что считалось в Реймонде давно потерянным, приезжий евангелист со своей храброй маленькой супругой раскинули шатер больших размеров и начали свои собрания. С наступлением весны погода по вечерам установилась вполне сносно. Благовестник обратился к христианам города за помощью, и получил в ответ отнюдь не одни лишь заверения в моральной поддержке. Тем не менее, семья проповедников остро нуждалась в музыке для своих собраний, причем гораздо лучшего качества. Как раз в прошедшее воскресенье органист, игравший на евангелизационных собраниях, заболел. Добровольцев из города было немного, да и голоса их нельзя было назвать выдающимися.

— Сегодня вечером, Джон, к нам придет не слишком много народа, — сказала жена евангелиста, когда они вошли в свой шатер после семи часов. Супруги начали расставлять стулья и налаживать освещение.

— Да, боюсь, что так, — мистер Грей был энергичным мужчиной небольшого роста, с приятно звучащим голосом и храбростью прирожденного бойца. Он уже успел подружиться со многими людьми по соседству, и один из обращенных им мужчин, человек с довольно тяжелым лицом, как раз вошел в палатку. Он сразу же стал помогать Гремю расставлять скамьи и стулья...

Пошел уже девятый час, когда Александер Пауэрс открыл дверь своего кабинета, собираясь идти домой. Он собирался поймать машину на одном из углов «Прямоугольника». Однако голос, доносившийся из шатра, заставил его замереть на месте.

Это был голос Рейчел Уинслоу! Сознание Пауэрса пронзило то же самое

чувство, что прежде уже не раз свидетельствовало о присутствии Божиим в ответ на его собственные размышления над роковым вопросом. Нет, сам он еще не пришел к ответу. Его продолжала мучить неопределенность. И все его поступки в качестве человека с железной дороги были всего лишь неким приготовлением для чего-то поистине жертвенного. Он до сих пор так и не мог себе ответить, что собирается делать.

Но, чу! Что это она поет? И как могло оказаться, что Рейчел Уинслоу поет в таком месте? В соседних домах распахнулось несколько окон. Группа мужчин, ругавшихся у салуна, прекратила свою ссору и начала вслушиваться. По улице быстро шли какие-то люди, направляясь к «Прямоугольнику», к раскинутому на пустыре шатру. Безусловно, Рейчел Уинслоу никогда не пела подобным образом в «Первой Церкви». Какой чудесный голос! Но что же она поет? И вновь Александер Пауэрс, управляющий железнодорожными мастерскими, замер, внимательно прислушиваясь.

«Куда б ни вел меня, я — с Ним, я с Ним пройду весь путь,
Куда б ни вел меня, я — с Ним, я с Ним пройду весь путь...»

Вся проклятая, грязная, нечеловеческая жизнь «Прямоугольника» взбудоражилась в жажде чего-то светлого и нового. Возбуждение росло по мере того, как эта песнь, настолько же чистая, насколько черно было ее окружение, лилась звонким ручейком мимо салунов, воровских притонов и закопченных ночлежек. Один из прохожих, остановленный Александером Пауэрсом, спешно ответил на его вопрос: «Э, браток, шалашик-то нынче забит до отказа! Так вот, что называется настоящей музыкой, ага?»

Управляющий повернул в направлении шатра. Затем он остановился. Постояв с минуту в нерешительности, он дошел до угла и взял такси, чтобы ехать домой. Но не успел у его ушах затихнуть чудный голос Рейчел, как Пауэрс понял, что вопрос решен: он знает, как поступил бы на его месте Иисус.

Глава Восьмая

«Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною».

Генри Максвелл мерил шагами свой кабинет взад и вперед. Наступила среда, и пастор начал обдумывать предмет обычной вечерней службы, которая должна была пройти сегодня. Из одного из окон своего кабинета Генри мог видеть большую кирпичную трубу, возвышавшуюся над железнодорожными мастерскими. А над убогими домишками, загромождавшими «Прямоугольник», высилась верхушка шатра евангелистов. Каждый раз, поворачивая в эту сторону кабинета, пастор выглядывал из окна наружу. Наконец, он сел за письменный стол и положил перед собою большой лист бумаги. Поразмышляв пару минут, он написал большими буквами:

«РЯД ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ ИИСУС, ВОЗМОЖНО, СДЕЛАЛ БЫ В НАШЕМ ПРИХОДЕ:

Жил бы просто, как все люди, без излишней роскоши с одной стороны, и без нарочитого аскетизма с другой. Бесстрашно проповедовал бы лицемерам в нашей церкви независимо от важности занимаемого ими положения в обществе или их богатства. Проявлял бы каким-то практическим образом Свою любовь и сострадание к простому народу, равно как и к преуспевающим, образованным, утонченным людям, что составляют большинство прихода. Отождествлял бы Себя каким-то глубоко личным образом с проблемами всего человечества, что позволяло бы призывать людей к самоотвержению и жертвенности. Стал бы проповедовать против салунов в Реймонде. Стал бы известен как друг и товарищ всем грешным людям в «Прямоугольнике». Отказался бы от летней поездки в Европу в этом году. (Я уже был дважды за границей, и не считаю, что имею право на особый отдых. Я хорошо себя чувствую и могу обойтись без этого удовольствия, используя деньги для кого-то, кто нуждается в отдыхе больше, чем я. Скорее всего, в нашем городе найдется множество подобных людей)».

Да, пастор осознавал, со смирением, которое ранее было ему незнакомо, что его наброскам возможных действий Иисуса катастрофически не хватает ни глубины, ни силы. Однако ему хотелось создать некую твердую форму, в которую потом можно будет излить свои мысли о возможном поведении Иисуса. Практически каждая из фраз, которые он только что написал, означала полнейший переворот в привычках и обычаях, сложившихся за годы его служения священником. Несмотря на это, Максвелл продолжал все глубже и глубже искать соответствие духу и сознанию Христа. Не стараясь больше ничего записывать, он просто сидел за столом, пытаясь определить дух Христов и Его манеру поведения на примере собственной жизни. Пастор уже забыл и предмет своей проповеди, с обдумывания которой он начал эту утреннюю медитацию.

Он оказался настолько погруженным в свои мысли, что не услышал звонка, раздавшегося внизу. Из-за стола его подняла служанка, пришедшая сообщить о посетителе. Она передала ему визитную карточку с именем: «Мистер Грей».

Максвелл вышел на лестницу и, не спускаясь вниз, пригласил Грея подняться. Евангелист, прошедши в его кабинет, объяснил хозяину цель своего визита.

— Мне нужна ваша помощь, мистер Максвелл! Вы, конечно же, слышали о тех чудесных собраниях, что состоялись у нас в понедельник вечером, и в прошлый вечер. Мисс Уинслоу с ее восхитительным голосом сделала гораздо больше, чем я сам, так что наш тент не смог вместить всех желающих.

— Да, да, мне об этом рассказывали. Люди там услышали ее голос впервые. Ничего удивительного, что она смогла их привлечь.

— Для нас самих это оказалось замечательным откровением, и все это так нас воодушевило в работе! Но я пришел попросить вас, не смогли бы вы прийти к нам сегодня вечером с проповедью. Увы, я довольно сильно простудился. Совсем голос потерял, и вряд ли смогу говорить. Я понимаю, что прошу слишком многого у столь занятого человека. Но, если вы не можете прийти, просто скажите, и я попытаюсь найти кого-нибудь другого.

— Ах, какая жалость, что сегодня вечером у нас общее молитвенное собрание... — начал Генри Максвелл. Тут он покраснел и добавил, — Но я постараюсь организовать его таким образом, чтобы прийти к вам. Да, вы можете на меня рассчитывать!

Грей искренне поблагодарил его и поднялся, чтобы откланяться.

— Вы не задержитесь на минутку, Грей? Может быть, помолимся вместе?

— Хорошо, — просто ответил благовестник.

И вот, оба мужчины склонили свои колена в кабинете пастора. Генри Максвелл молился, подобно ребенку. Грей, стоя на коленях рядом с ним, был тронут до слез. Было что-то умиляющее в том, как человек, всю свою жизнь священнослужителя привыкший ограничивать себя в излишнии чувств, просил у Бога мудрости и силы для того, чтобы донести Его слово до людей из «Прямоугольника».

Грей поднялся и протянул хозяину свою руку. «Да благословит вас Господь, мистер Максвелл! Я уверен, Дух Святой наполнит вас силою для сегодняшнего вечера!»

Генри Максвелл ничего не ответил. У него не было веры даже на то, чтобы выразить словами, как он на это надеется. Но он подумал о принесенном им обете, и мысль об этом успокоила его. Она оживила и сердце пастора, и его разум.

Вот как обстояли дела к тому моменту, когда прихожане «Первой Церкви» стали собираться в зале для лекций. Пришедших вечером в церковь ожидал очередной сюрприз. Число собравшихся людей оказалось вновь рекордным. С того самого воскресного утра, уже вошедшего в историю их церкви, столько

народу общие молитвенные собрания еще не собирали. Мистер Максвелл сразу же перешел к главному.

— Я чувствую призыв отправиться сегодня вечером в «Прямоугольник», и потому оставляю за вами выбор: останетесь ли вы здесь для того, чтобы продолжить наше собрание. Мне кажется, самое лучшее, что мы можем придумать, если несколько добровольцев решатся пойти со мною в «Прямоугольник». Они должны быть готовы, если понадобится, оказать людям помощь после евангелизационного собрания. Остальные пусть остаются здесь и молятся за нас, чтобы сила Святого Духа сопутствовала нам в благовестии.

Таким образом, с полдюжины мужчин последовали за своим пастором, а остальные стали молиться за них в лекционной. Уходя из зала, Максвелл никак не мог избавиться от мысли, что, вероятно, среди всех членов его церкви не нашлось бы и горсточки христиан, которые могли бы с успехом приводить простых людей, живущих в грехе и нужде, к познанию Христа. Нет, этой мысли не удалось задержаться в его сознании надолго, так, чтобы серьезно досаждать ему, однако она оказалась характерной для его нового понимания того, каким должен быть на деле ученик Господа.

Когда пастор с его небольшой группой добровольцев добрался до «Прямоугольника», шатер был уже переполнен. Им пришлось нелегко, пробивая себе путь к помосту. Там уже находились Рейчел с Вирджинией. Рядом с ними стоял Джаспер Чейз, что провожал их сегодня вместо доктора.

Собрание началось с песни Рейчел. Когда она запела соло, всем собравшимся было предложено хором подхватывать припев. К тому времени в палатке уже яблоку упасть было некуда. Вечер выдался мягким, и шатер оказался окруженным сплошным рядом лиц, прижавшимся к отверстиям в материи. Люди стремились разглядеть, что происходит внутри. После исполнения первого гимна, один из городских пасторов прочел краткую молитву. Грей объяснил людям, что не может говорить, и, в привычной для него манере, просто представил своего гостя: «Брат Максвелл из “Первой Церкви”».

— Чё это еще за шишка? — спросил грубый голос из самых задних рядов, близко к выходу из шатра.

— Архирей с Перьвой Церкви. Эй, у нас сегодня все сливки ихние собралися!

— Ты говоришь, с Перьвой Церкви? Так я ж его знаю! Мои хозяева сидят у их на самой перьвой лавке, — отвечал ему другой голос, сопровождавшийся грубым хохотом. Говоривший был барменом из салуна.

— «А по утре он-не п-праснул-лись!!...» — завыл какой-то пьяница, сидевший поблизости от бармена. Он выводил слова, бессознательно копируя манеру заезжих артистов, и его жуткий прононс вызвал настоящий взрыв хохота и одобряющих шуточек со стороны полупьяных соседей. Люди в шатре начали оборачиваться в сторону этого шума. Раздались крики: «Угомоните его!» «Дайте сказать “Первой Церкви”!» «Песню, песню!» «Спойте еще одну песню!»

Генри Максвелл поднялся со стула, и огромная волна настоящего ужаса

захлестнула его. Нет, это было вовсе не похоже на проповедь для хорошо одетых, уважаемых людей с хорошими манерами; пускай и на каком-нибудь бульваре. Он начал говорить, но смущение только усиливалось. Грей спустился вниз, в толпу, но было не похоже, что ему удастся успокоить ее. Максвелл поднял руку и повысил голос. Толпа под тентом начала обращать на него внимание, но шум за шатром все возрастал. Через пару минут пастор уже полностью утратил контроль над аудиторией. Ему пришлось повернуться к Рейчел с виноватой улыбкой.

— Спойте что-нибудь, мисс Уинслоу. Вас они будут слушать, — сказал он. После чего Максвелл сел на свое место и закрыл лицо ладонями.

Настала очередь для Рейчел, но она оказалась полностью готова к испытанию. Вирджиния уселась за орган, и Рейчел попросила подругу наиграть несколько нот из гимна.

«Иисус, за Тобою иду,
Надежен Спаситель мой,
Хоть руку не вижу Твою,
Знаю, Ты рядом со мной.
Спокойно сердце в груди,
Страху нет места в нем,
Одно лишь желанье хранит:
Жизнь всю наполнить Христом».

Не успела Рейчел пропеть первую строку, как весь народ, собравшийся под тентом, повернул свои лица к ней. Все смолкли, исполнившись какого-то благоговения. Когда она допела до конца строфу, уже весь «Прямоугольник» был покорен девушкой, подобно укрощенному дикому зверю. Да, подобно дикому зверю он лежал у ее ног: своим пением она сделала его совершенно безвредным. Ах! Как можно сравнивать легкомысленную, надушенную, критично настроенную аудиторию концертных залов с этой грязной, пьяной и постоянно чем-то одурманенной массой людей с несвежим дыханием, что трепетала и заливалась слезами, едва слышав звук ее голоса! Чудесная музыка, даруемая чудной девушкой, оказывалась для ее слушателей неким загадочным прикосновением к чему-то божественному. Она заставляла их задуматься над своей жизнью, заставляла скорбеть. Мистер Максвелл, подняв голову, увидел, как резко изменилась окружающая помост толпа. Да, вне сомнений, Иисус на их месте использовал бы голос Рейчел Уинслоу таким же точно образом! Джаспер Чейз сидел рядом, не в силах оторвать глаз от певицы. Даже его величайшая страсть, как наиболее амбициозного автора, отступила на время перед новой мыслью: ого, любовь такой красавицы, как Рейчел Уинслоу могла бы кое-что для него значить! А снаружи в это время стоял человек, которого вряд кто рассчитывал увидеть на евангелизационном собрании: тень шатра скрывала не кого иного, как Роллина Пейджа. Молодой человек, теснимый со всех сторон грубыми мужчинами и женщинами, с недоумением глядевшими на щеголя в дорогом пальто, похоже, несколько не беспокоился о своем окружении. Его целиком захватывала та волшебная сила, которую излучал голос Рейчел. Роллин только что вышел из ночного клуба. Ни Рейчел, ни Вирджиния его не заметили.

Песнь окончилась. Максвелл вновь поднялся со стула. На этот раз он чувствовал себя спокойнее. Ну, как бы поступил Иисус? Пастор заговорил так, как не говорил никогда в жизни. Кто все эти люди? Они — бессмертные души! Что такое христианство? Это призыв к покаянию: это обращение к грешникам, не к праведникам. Как бы говорил Иисус? Что бы Он сказал? Генри не мог сказать всего, что включало в себя слово Господа, но был уверен, что доносит до слушателей часть его. И эта уверенность придавала ему силы. Никогда еще до этого вечера он не ощущал столь полно «сострадания ко многим». Что все это «множество» означало для него те десять лет служения пастором в «Первой Церкви»? Всего лишь безликую толпу, опасную, грязную — источник постоянных неприятностей вне его общества, вне его церкви, который он предпочитал не затрагивать. Безликая масса, что порой порождала слабые уколы его совести. Да о ней и говорили в реймондском бомонде как о «массах». В газетных статьях, что писали его братья-христиане, лишь сетовали, время от времени на то, что эти «массы» никак не удавалось затронуть. Но сегодняшним вечером, когда его взору предстали подлинные массы народа, пастор спрашивал себя, не таким же ли массам проповедовал царство Божие Иисус? И сердце Максвелла переполнялось любовью к той толпе, что окружала его. Любовь: наилучший из признаков доброго пастыря, проповедника, живущего неотрывно от самого сердца Слова вечной жизни, и несущего это Слово миру. Легко любить какого-то конкретного грешника, в особенности, если испытываешь к нему симпатию. Но любовь сразу ко множеству грешников, бесспорно, является отличительным признаком Христа.

Когда собрание закончилось, люди не выказывали особого интереса. Никто не пожелал остаться, чтобы выразить свои чувства. Народ быстро рассосался, и не успел шатер опустеть, как салуны, переживавшие период временной засухи во время евангелизационных собраний, вновь наполнились своими завсегдатаями. Торговля спиртным процветала. Весь «Прямоугольник», как будто стараясь наверстать упущенное, резко включился в свою обычную ночную жизнь, с пьяными скандалами, драками и дебошами. Максвелл со своим небольшим кружком спутников, включавшим Вирджинию, Рейчел и Джаспера Чейза, неспешно шли вдоль ряда салунов и воровских притонов, пока не достигли угла, где останавливались автомобили.

— Какое жуткое место! — сказал пастор, останавливаясь, чтобы дождаться свободного такси. — Я и не представлял себе, что в Реймонде существуют такие гнойные раны. Кажется просто невероятным, что такое творится в городе, полном последователей Христа!

— Вы думаете, кому-нибудь удастся снять с нашего города страшное проклятие пьянства? — спросил Джаспер Чейз.

— С недавних пор я стал задумываться над тем, что могут сделать верующие, чтобы устранить проклятие салунов. Нет, прежде я об этом не думал. Почему бы нам всем вместе не выступить против них? Почему бы христианским пасторам и членам церкви Реймонда не выступить всем, как одному лицу, против торговли спиртным? Как бы поступил Иисус? Продолжал бы Он оставаться безгласным? Стал бы он голосовать за то, чтоб и далее разрешать существование этим рассадникам преступности, ведущим людей к гибели?

Похоже, священник большей частью обращался к себе, чем к окружающим. Генри вспомнил, что он всегда отдавал свой голос за то, чтобы наделить салуны лицензией на торговлю спиртным. Так же поступали практически все члены его церкви. Но вот что бы сделал Иисус? Может ли пастор ответить на этот вопрос? Если бы его Господь и Учитель жил в наше время, стал бы Он проповедовать против салунов и выступать против них? И как бы Он стал проповедовать и поступать? Предположим, сейчас не принято проповедовать против выдачи лицензий. И, предположим, современные христиане привыкли считать, что все, что требуется, это лицензировать возможное зло, и таким образом обогащать общество налогом с неизбежного греха. Кстати, и сами члены церкви могут являться собственниками той недвижимости, где располагаются салуны — что тогда? Пастор знал, что таковы были факты в их Реймонде. Но как бы поступил на его месте Иисус?

Он вошел в свой кабинет следующим утром, найдя лишь частичный ответ на трудный вопрос. Целый день пастор продолжал думать об этом. Он рассуждал сам с собою, и достиг уже определенных заключений, когда почтальон принес Максвеллам вечерний выпуск «Ньюз». Жена Генри принесла ему газету и сидела молча, пока он читал новости.

Вне всяких сомнений, вечерняя «Ньюз» на данный момент оказывалась самой сенсационной газетой в Реймонде. Честно говоря, она редактировалась настолько примечательным образом, что подписчики ожидали ее прихода как никакой иной газеты прежде. Сначала их потрясло отсутствие репортажа о бегах за Большой приз. А потом, день за днем, до них стало доходить, что из «Ньюз» постепенно исчезают неизменно печатавшиеся прежде отчеты о преступлениях, с детальными описаниями каждого происшествия, равно как и о скандалах из частной жизни. Затем читатели обнаружили, что со страниц «вечерки» пропала реклама спиртных напитков и табачных изделий, наряду с объявлениями двусмысленного характера. Больше всего комментариев вызвало прекращение выпуска воскресного приложения, а теперь новая манера редакторских передовиц заставляла людей обсуждать чуть ли не каждую. Небольшая цитата из понедельничного выпуска доказывает нам, что Эдвард Норман оставался верен своим принципам. Заголовок его передовицы бросался всем в глаза:

«МОРАЛЬНАЯ СТОРОНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ»

Главный редактор «Ньюз» всегда отстаивал принципы той большой политической партии, что находится сегодня у власти. Таким образом, все политические вопросы в нашей газете обсуждались с точки зрения их практической целесообразности, или же, исходя из убеждения, что эта партия противостоит прочим политическим организациям. Но с этого момента, для того, чтобы быть полностью честным по отношению ко всем нашим читателям, главный редактор будет представлять и обсуждать все политические вопросы с точки зрения того, что верно или неверно. Иными словами, первым вопросом, задаваемым в нашем офисе в отношении любого политического момента, отныне будет не «В интересах ли это нашей партии?» И не «Соответствует ли это тем принципам, что заложены нашей партией в свою политическую платформу?» Первым вопросом, задаваемым

нами, будет: «Является ли эта мера ответствующей духу и учению Иисуса, явившего человечеству Своей жизнью величайший образец для подражания?» То есть, чтобы все нас хорошо поняли, самой главной стороной в любом политическом вопросе отныне будет считаться его моральная сторона. Основанием для наших действий будет считаться понимание того, что все нации, равно как и отдельные люди, находятся под одним и тем же законом, согласно которому они в состоянии творить свои деяния ради прославления Творца в качестве первого правила для деятельности.

Этот же самый принцип будет соблюдаться в нашей редакции и в отношении кандидатов на посты в нашем государстве, связанные с ответственностью и доверием. Независимо от направления партийной политики, главный редактор «Ньюз» будет делать все, что находится в его силах, чтобы способствовать приходу во власть самых лучших людей. Мы отказываемся сознательно помогать выдвижению тех, кто, не является достойным своего поста, даже если такой человек и будет облечен доверием нашей партии. Первым вопросом, задаваемым о любом человеке и о тех действиях, что предполагается предпринимать, будет: «Является ли он подходящим человеком для этого места?» «Является ли он достойным человеком, с необходимыми способностями?» «Правильные ли это действия?»

Далее все шло в том же духе, мы процитировали лишь небольшой кусок, чтобы показать, каков был характер передовицы. Сотни людей в Реймонде читали ее и протирали свои глаза, не в силах избавиться от изумления. Многие из них тут же поспешили отправить письма в «Ньюз», сообщая главному редактору о том, что прекращают подписку. Тем не менее, газета продолжала выходить, и люди по всему городу с нетерпением ожидали ее появления. К концу недели Эдварду Норману стало ясно, что он неизбежно потеряет большое число своих подписчиков. Он встретил эту ситуацию довольно спокойно, хотя Кларк, ответственный редактор, решительно предсказывал газете полное банкротство. В особенности, говорил он, после понедельничной передовицы.

Этим вечером, по мере того, как Максвелл читал своей жене свежий выпуск газеты, он замечал практически в каждой колонке свидетельства того, что Норман придерживается своего обета не за страх, а за совесть. Со страниц газеты исчезли сенсационные сленговые заголовки, сочившиеся кровью. Да и текст под заголовками всецело соответствовал тому, о чем в них было заявлено. Пастор заметил, что в двух колонках после статей появились подписи репортеров. Да и в самом характере газетных публикаций произошли заметные изменения в сторону достоинства и красоты стиля.

— Эге, Норман начинает заставлять журналистов подписывать свои работы. Он со мной говорил об этом. Это хорошее дело! Благодаря этому у них должна появиться ответственность за то, что они пишут. Так повышается планка: газетные материалы начинают соответствовать определенному стандарту. Да, это — хорошее дело, как для публики, так и для тех, кто пишет.

Внезапно Максвелл остановился. Его жена оторвала глаза от той работы, над которой сидела. Генри читал что-то с нескрываемым интересом. «Послушай-ка вот это, Мэри!» — сказал он спустя минуту. Губы его дрожали.

«Этим утром Александер Пауэрс, управляющий мастерскими компании грузопассажирских железнодорожных перевозок в нашем городе, подал прошение об отставке со своего поста на железной дороге. В качестве объяснения причины своего поступка он заявил, что в его руках оказались определенные свидетельства о нарушении Федерального коммерческого закона, а также закона штата, который был недавно введен в действие с целью предотвратить и наказать соглашения между конкурирующими компаниями, заключаемые отдельными грузоперевозчиками ради получения особых выгод. Мистер Пауэрс заявляет в своем письме об отставке, что он не в состоянии далее скрывать ту информацию против железной дороги, которой располагает. Он намеревается выступить против нее свидетелем в суде. Он уже передал документы против железнодорожной компании в комиссию штата, от которой теперь зависит, возбудит ли преследование в отношении этой компании.

Редакции “Ньюз” хотелось бы выразить свое мнение касательно поступка мистера Пауэрса. Прежде всего, он не получает от этого никакой выгоды. Он добровольно потерял весьма доходное место, в то время как, оставаясь безмолвным, мог бы продолжать занимать свой пост. Во-вторых, мы полагаем, что его действия должны быть встречены с одобрением всеми прогрессивными, порядочными гражданами нашего общества, которые убеждены в важности законопослушания и необходимости того, чтобы нарушители закона предавались в руки правосудия. В деле, подобном этому, все согласится, бывает практически невозможно добыть доказательства против железнодорожной компании. Принято считать, что руководство железной дороги зачастую располагает подобного рода уликами, однако эти чиновники не считают своей обязанностью информировать власти о нарушениях закона. Однако же результат подобного рода ухода от ответственности со стороны тех, кто занимает в компании руководящие посты, оказывает деморализующее влияние на всех молодых людей, связанных с железной дорогой. Главный редактор “Ньюз” напоминает о заявлении, сделанном важным железнодорожным чиновником в нашем городе не так давно, в котором говорилось, что практически каждый служащий определенного отдела этой компании осознавал, что за счет ловких нарушений Федерального коммерческого закона там делались большие деньги. И каждый из этих служащих признавал ту изворотливость, с которой совершались эти нарушения, и утверждал, что и он бы поступал точно так же, окажись он на более высоком посту, который позволил бы ему войти в определенные круги на железной дороге, и будь у него доступ к этим деньгам.¹

¹ Насколько известно автору, эти слова были в действительности сказаны в одном из главных управлений большой железной дороги на Западе. — *Прим. автора.*

Нет необходимости говорить, что подобное положение дел является разрушительным для любых благородных и более высоких стандартов поведения, и никакой молодой человек не в состоянии находиться в атмосфере такой нечестности и беззакония без того, чтобы это не испортило его характер.

По убеждению редакции, мистер Пауэрс сделал ту единственную вещь, которую мог бы сделать христианин. Он поступил смело, и оказал важную услугу, как государству, так и обществу в целом. Не всегда бывает легко определить те связи, что существуют между отдельным гражданином и его обязательным долгом в отношении общества. В этом смысле, в нашем понимании нет никаких сомнений, что решительный шаг мистера Пауэрса заслуживает уважения у всякого, кто верит в закон и необходимость его претворения в жизнь. Бывают случаи, когда отдельному человеку приходится действовать ради всего народа таким образом, что неизбежно означает самопожертвование и личную для него утрату самого печального характера. Мистер Пауэрс может быть неверно понят, а его действия неверно истолкованы, но нет никаких сомнений в том, что его стремление будет поддержано любым гражданином, который хочет видеть большие корпорации в такой же степени ответственными перед законами, как и самых слабых отдельно взятых людей. Мистер Пауэрс поступил так, как и должен был поступить лояльный государству гражданин, его патриот. Комиссия штата теперь может предпринять шаги на основании того материала, который, в нашем понимании, является безусловным доказательством незаконных сделок компании грузопассажирских железнодорожных перевозок. Да будет закон приведен в исполнение, независимо от того, какие люди окажутся при этом виновными!»

Глава Девятая

Генри Максвелл закончил чтение и опустил газету.

— Мне нужно пойти повидаться с Пауэрсом. Все это — результат принесенного им обета.

Пастор поднялся на ноги. Когда он уже выходил из кабинета, жена спросила его: «И ты думаешь, Генри, что Иисус бы поступил именно так?»

Максвелл на минуту задумался. Затем он медленно ответил: «Да, я думаю, поступил бы. В любом случае, Пауэрс принял решение так поступить, и каждый из нас, также давших подобный обет, понимает, что Пауэрс принимает решение не за кого-то, беря себе в пример Иисуса, а лично за себя».

— А как же его семья? Как воспримут его поступок миссис Пауэрс и Силия?

— Очень тяжело, я в этом не сомневаюсь. В этом отношении, для Пауэрса это его настоящий крест. Они не сумеют понять его мотивов.

Максвелл вышел из дома и прошагал до следующего квартала, где жил управляющий мастерскими Пауэрс. К великому облегчению пастора, дверь ему открыл сам хозяин.

Двое мужчин молча обменялись рукопожатием. Они понимали друг друга с одного взгляда, без лишних слов. Наверное, никогда в мире не существовало более тесной связи между кем-либо из священников и членов его прихода.

— Что вы намереваетесь делать? — спросил Генри Максвелл после того, как они обговорили все подробности случившегося.

— Вы насчет другой работы? У меня пока никаких планов. Могу вернуться к своей прежней профессии. Я работал телеграфистом. Семье моей страдать не придется, разве что в смысле положения в обществе.

Говорил Пауэрс спокойно, но с грустью. Генри Максвеллу не нужно было спрашивать его, как пережили новость жена и дочь управляющего. Он прекрасно понимал, что семейные отношения — самое больное место Пауэрса.

— Есть одно дело, которым мне хотелось бы поделиться с вами, — немного погодя сказал Пауэрс, — я о той работе, которая началась в мастерских. Насколько мне известно, компания не будет возражать, если она продолжится. Вот одно из самых больших противоречий в деятельности железной дороги: железнодорожники поощряют деятельность «Ассоциации молодых мужчин-христиан» и прочих христианских организаций. А с другой стороны, одновременно с этим, сами же руководители железнодорожных компаний могут совершать абсолютно нехристианские и полностью незаконные поступки. Конечно же, все прекрасно понимают, что железной дороге выгодно иметь на своих работах людей честных, отзывчивых — христиан. Я не сомневаюсь, что старший механик проведет вас со всей необходимой учтивостью в наш переоборудованный цех. Я чего хочу-то,

мистер Максвелл: проследите, чтобы мой план претворился в жизнь! Проследите, а? Вы же понимаете в общих чертах, что я хотел сделать. А на наш народ вы произвели очень хорошее впечатление. Вы уж к ним почаще заглядывайте: ну, когда сможете! И проследите, чтобы Милтон Райт заинтересовался достать кое-что из мебели, да и кофейный бар оплатил бы. И столы для чтения. Так проследите, а?

— Прослежу, — ответил Генри Максвелл. Он оставался у Пауэрса еще ненадолго. Прежде, чем он ушел, пастор с бывшим управляющим помолились вместе. Расстались они все с тем же молчаливым рукопожатием, которое выглядело для них теперь подобно новому символу христианского братства и послушания данному ими обету.

Пастор «Первой Церкви» возвращался домой, глубоко взволнованный событиями этой недели. Постепенно он начинал осознавать, что данное ими обещание поступать так, как мог бы поступить на их месте Иисус, производит настоящую революцию: как в его приходе, так и по всему городу. Каждый день прибавлял все новые свидетельства верности обету, принесенного Максвеллом и его людьми. Нет, у Генри Максвелла не было никаких притязаний на то, чтобы предвидеть все возможные последствия. Собственно говоря, сейчас он находился в самом начале того, что должно было изменить судьбы сотен семей не только в Реймонде, но по всей стране. Когда бы пастор ни задумывался об Эдварде Нормане, или о Рейчел, или о мистере Пауэрсе, и о тех результатах, что уже принесли совершенные ими поступки, он не мог избавиться от любопытства. А что может получиться, если все члены «Первой Церкви», давшие этот обет, будут последовательно его держать? Сумеют ли все они остаться ему верными, или же некоторые из них отступят, когда их собственный крест покажется этим людям непосильно тяжелым?

Он задавался этим вопросом и на следующее утро. От размышлений пастора оторвал очередной посетитель. Им оказался президент «Общества стремления», член его церкви, пожелавший с ним встретиться.

— Вообще-то мне не следовало бы занимать вас своими проблемами, — извинился молодой мистер Моррис, сразу же переходя к делу, — однако я посчитал, мистер Максвелл, что вы могли бы помочь мне советом.

— Я рад, что вы обратились ко мне. Слушаю вас, Фред, — этот молодой человек понравился пастору с первого же года служения в Реймонде. Максвеллу было по душе его добросовестное отношение к тем обязанностям, которые Моррис выполнял в их церкви.

— Ну, честно говоря, я оказался без работы. Вы знаете, я работал журналистом в утренней газете «Сентинел» после того, как в прошлом году закончил колледж. Так вот, в прошлую субботу мистер Берр попросил меня отправиться на железную дорогу с утра в воскресенье, чтобы разузнать все детали ограбления поезда на соседней узловой станции. Ему хотелось, чтобы я написал репортаж для нашего утреннего понедельничного выпуска. Ну, в общем, чтобы мы опередили с этим делом «Ньюз». Я отказался поехать, и мистер Берр меня уволил. Он, должно быть, был не в духе, а то бы он, думаю, меня так просто не выгнал. Он

ведь до этого всегда ко мне хорошо относился. Ну, так вот, как вы полагаете: сделал бы Иисус так, как сделал я? Я спрашиваю потому, что другие люди говорят, что я поступил глупо, отказавшись выполнить работу. Да, я согласен с тем, что посторонним порой мотивы действий христиан могут показаться странными, но не глупыми же! Что вы думаете?

— Полагаю, вы просто сдержали свое обещание, Фред. Я не думаю, что Иисус стал бы заниматься репортажем для газеты в воскресенье, как о том попросили вас.

— Спасибо, мистер Максвелл! Меня немного все это беспокоило, но чем дольше я об этом думаю, тем веселее мне становится.

Моррис поднялся, чтобы уйти, но пастор поднялся вместе с ним, мягко положив руку на плечо молодого человека. — Что вы намерены теперь делать, Фред?

— Ну, пока не знаю. Я подумывал о том, не поехать ли в Чикаго, или какой-нибудь другой крупный город...

— А почему бы вам не попытаться счастья в «Ньюз»?

— Так ведь у них полно своих репортеров! Я и не думал о том, чтобы предлагать там свои услуги.

Максвелл задумался на секунду. — А пойдемте-ка со мною в контору «Ньюз»! Посмотрим, что скажет на этот счет сам Норман.

Таким образом, несколько минут спустя Эдвард Норман уже беседовал в своем кабинете с пастором и молодым мистером Моррисом. Максвелл вкратце поведал редактору, что случилось.

— Я могу предложить вам место в «Ньюз», — сказал Норман, пытливо разглядывая молодого журналиста. Его острый взгляд смягчала улыбка, явно делавшая лицо главного редактора обаятельнее. — Мне нужны репортеры, которые не хотят работать по воскресеньям! Более того, у меня есть планы помещать в газете специальные очерки и репортажи, которыми, я уверен, вам будет под силу заняться. Ведь вам явно нравится то, что мог бы сделать на нашем месте Иисус.

Тут он сразу же стал обрисовывать Моррису какую-то вполне определенную задачу, а Генри Максвелл почувствовал, что ему пора собираться домой. Ему не терпелось вернуться в свой рабочий кабинет: пастора переполняло то особое удовлетворение, которое ощущает человек, оказавшийся способным принять действенное участие в судьбе другого человека. Ведь он только что помог безработному обрести хорошо оплачиваемую работу!

Священнослужитель намеревался возвратиться прямым путем за свой письменный стол, но по пути домой ему довелось проходить мимо одного из магазинов Милтона Райта. Генри подумал, что было бы неплохо просто так зайти и обменяться рукопожатием с одним из членов его прихода. «Пожелаю-ка я ему удачи в той части его работы, где, как я слышал, он пытается быть похожим на Христа!» Однако не успел Максвелл войти в комнату Райта, как тот стал

настаивать на разговоре: хозяин явно был не прочь поделиться с пастором частью своих новых планов. Удивленный Генри спросил с улыбкой, тот ли этот Милтон Райт, которого он всегда знал: неизменно практичный, деловой, и вечно занятый, согласно жестким законам мира бизнеса? Ведь раньше Райт на все вещи смотрел под одним углом зрения: «Насколько это дело прибыльно?»

— Нет никакого смысла скрывать тот факт, мистер Максвелл, что после того, как я сделал свое обещание, меня так и подмывает совершить революционные перемены в самом характере своего бизнеса! За последние два десятка лет я вот в этом самом магазине натворил немало такого, чего, насколько я понимаю, Иисус делать не стал бы. Но это мало что значит по сравнению с тем, что, как я начинаю осознавать, Иисус мог бы сделать. Те грехи, что я совершил в своих деловых отношениях, не столь значительны, как то, что я упустил!

— Каким же было первое изменение, на которое вы решились? — пастор сразу понял, что неподготовленная проповедь вполне может подождать его на столе. По ходу разговора с Милтоном Райтом Генри стал осознавать, что у него появилась новая тема для проповеди. И не надо теперь ломать голову, сидя за своим письменным столом!

— Думаю, что самым первым делом, которое я должен был изменить, было мое собственное отношение к своим сотрудникам. Я пришел сюда в понедельник утром после того первого воскресенья, и спросил себя: «Что бы мог сделать Иисус по отношению к этим клеркам, бухгалтерам, мальчикам-курьерам, грузчикам, продавцам? Не постарался бы Он установить с ними отношения совсем иного рода, чем те, которые я поддерживал все эти годы?» Вскоре я ответил себе сам: «Да, конечно!» Тогда передо мной возник вопрос, какими именно могли бы быть отношения Иисуса с Его сотрудниками. Как я должен поступать, в какую сторону двигаться? Думал я, думал, и не придумал ничего лучше, чем собрать всех своих служащих вместе, и поговорить с ними начистоту. Тогда я разослал им всем приглашения, и мы во вторник вечером провели прямо здесь, на складе, нашу встречу. И как же много важных вещей выяснилось на том собрании! Всего мне вам сейчас и не рассказать. Я старался говорить с людьми так, как, по-моему, говорил бы Иисус. Это оказалось нелегким делом, поскольку я к таким вещам не привык, и, конечно, наделал сначала немало ошибок. Но вы не поверите, мистер Максвелл, как же здорово повлияла на многих из наших работников та встреча! Мы тогда еще не закончили разговаривать, а я видел, что некоторые не могут удержать слезы на глазах. Я все спрашиваю себя, «Ну, как бы поступил здесь Иисус?» И чем больше я себя спрашиваю, тем сильнее становится мое желание и дальше развивать свои отношения с людьми, которые до этого трудились на меня долгие годы. И каждый день у нас теперь происходит что-то новое! Я сейчас оказался в процессе перестройки всего нашего бизнеса, если говорить о тех мотивах, ради которых он ведется. Я так долго игнорировал практически любые планы относительно кооперации и того, как можно развивать в деловой жизни сотрудничество, что теперь пытаюсь раздобыть информацию об этом из любого доступного источника. Вот, недавно я стал специально читать все о жизни Титуса Солта, очень интересного владельца мельниц из Бредфорда. Этот англичанин впоследствии выстроил образцовый город на берегах Эйра. И очень многие из его

идей мне помогают. Впрочем, у меня пока что нет четкого мнения обо всех деталях. Дело в том, что я пока не привык к тем методам, которыми пользовался Иисус. Тем не менее, взгляните-ка на это.

Райт моментально залез рукою в один из многочисленных выдвижных ящичков своего рабочего стола, и вытянул оттуда лист бумаги:

— Здесь я набросал нечто вроде программы, что бы сделал Иисус, окажись Он в таком бизнесе, как мой. Мне не терпится узнать, что вы обо всем этом думаете!

«ЧТО ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО СДЕЛАЛ БЫ
ИИСУС, КАК ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ,
НА МЕСТЕ МИЛТОНА РАЙТА?»

Он бы занимался этим делом, прежде всего, для того, чтобы прославить Бога, а не просто для того, чтобы делать деньги. Все деньги, которые Он мог бы получить из этого бизнеса, Он почитал бы не Своими, но как доверенные Ему для того, чтобы использовать их для благосостояния человечества. Его отношения со всеми людьми, являющимися Его сотрудниками, были бы во всем отмечены любовью и взаимной пользой. Он не мог бы думать о них иначе, как о душах, которых надлежит спасти. И эта мысль всегда превалировала бы над мыслью делать деньги за счет этого бизнеса. Он никогда бы не совершил ни единого бесчестного или сомнительного поступка, и никогда бы ни в малейшей степени не стал бы пользоваться слабостями кого-то из конкурентов в подобного рода бизнесе. Принципы бескорыстия и пользы в деловой жизни руководили бы Его действиями в любых мелочах. И по этим самым принципам Он стал бы строить планы развития Своих отношений со Своими наемными рабочими, а также с теми людьми, что являются Его потребителями, равно как и со всем деловым миром, с которым Он так или иначе оказывается соединенным».

Генри Максвелл медленно прочел весь документ. Он напомнил ему о его собственных попытках всего за день до этого придать какую-то конкретную форму своим мыслям о том, как мог бы вести Себя Иисус на его месте. Пастор выглядел сильно задумавшимся. Он поднял голову, чтобы сразу же встретиться с нетерпеливым взглядом Райта.

— И вы верите, что сможете сохранить финансовое положение своего бизнеса на этих условиях?

— Верю. Разумное бескорыстие должно оказаться гораздо более мудрым, чем сознательный эгоизм, как вы думаете? Если те люди, что работают по найму, начнут ощущать свою собственную долю в прибылях их предприятия, и, кроме того, что гораздо важнее, конкретную любовь к каждому из них со стороны их фирмы, неужели их отношение к делу не изменится? Они начнут больше заботиться о деле, издержек станет меньше, люди будут работать аккуратнее, их лояльность к работодателю повысится. Разве не так?

— Да, думаю, что так. Но большое количество других предпринимателей так не думает, вы согласны? Я хочу сказать: как правило, не думают. И как насчет

ваших отношений с этим эгоистичным миром, который и не рассчитывает делать деньги на столь христианских принципах?

— Это во многом затрудняет мои действия, несомненно.

— Предполагаете ли вы в своих планах использовать ту модель, которая известна под названием «кооперация»?

— Да, пока, насколько я вижу, так и будет. Я уже говорил вам, что сейчас тщательно прорабатываю все детали. Я абсолютно уверен, что Иисус на моем месте действовал бы всецело бескорыстно. Он любил бы всех людей, оказавшихся Его наемными работниками. И Он бы считал, что главной целью любого предприятия должна быть взаимная польза. Он вел бы Свое дело таким образом, чтобы интересы Царства Божия всегда оказывались на первом месте и были всем очевидны. Вот на этих общих принципах, как я уже сказал, я теперь и работаю. Мне нужно время, чтобы обдумать все необходимые детали.

Когда Максвелл, наконец, покинул магазин, он находился под сильным впечатлением от тех подлинно революционных изменений, что уже произошли в бизнесе Райта. Проходя по магазину, пастор сумел ощутить присутствие в работе нового духа. Не оставалось никаких сомнений, что новые отношения Милтона Райта с его сотрудниками уже начинают складываться. Несмотря на то, что начинаниям было всего две недели, они уже успели изменить все дело. Это было очевидно и по поведению рабочих и клерков, и даже по выражению на их лицах.

«Если Райт будет продолжать так и дальше, он превратится в одного из самых влиятельных проповедников Царства Божия в Реймонде», — сказал сам себе Максвелл, когда вернулся домой, в свой рабочий кабинет. Вопрос, конечно в том, сумеет ли он придерживаться этого курса и далее, когда начнет терять деньги. А такое в бизнесе вполне возможно. Пастор молился, чтобы Дух Святой, явивший Себя в полной силе в сообществе последователей Христа в «Первой Церкви», продолжал пребывать со всеми его прихожанами. С этой молитвою на своих устах, как и в своем сердце, он начал готовиться к проповеди. Новой темой для воскресного служения Генри Максвелл избрал реймондские салуны. Он верил, что Сам Иисус не обошел бы вниманием этот больной вопрос. Прежде Максвеллу еще не доводилось проповедовать против пьянства подобным образом. Он осознавал, что те вещи, которые он собирался сказать людям, повлекут за собою серьезные последствия. Несмотря на это, священник продолжал работать над проповедью, и каждая фраза, которая ложилась на бумагу, каждая его мысль, являлась ответом на вопрос: «Сказал бы это Иисус?» В какой-то из моментов пастор даже прервал свою работу и опустился на колени. Никто, кроме него самого, не знал, как много это для него значит. Да и мог ли он подумать, до того момента, как в его понимании подлинного ученичества Христова произошли перемены, что он будет стоять на коленях во время подготовки воскресной проповеди? Теперь, окидывая взглядом все годы своего служения, он не осмелился бы выступить перед людьми с проповедью, прежде чем не попросить у Господа мудрости в молитве. Максвелла долее не заботило то, насколько драматичным будет выглядеть его выступление, и какой эффект оно может оказать на аудиторию. Единственным вопросом для него отныне было: «Как бы поступил Иисус?»

А вечером в субботу на пустыре «Прямоугольника» разыгралась настолько примечательная сцена, что ни мистер Грей, ни его супруга, не могли припомнить ничего подобного. На их собрания приходило все больше народа, желая послушать пение Рейчел. Любой из прохожих, включая бродяг из других городов, оказываясь в течение дня в «Прямоугольнике», неминуемо слышал разговоры о евангелизационных собраниях. Кто говорил одно, кто совсем другое. Нельзя сказать, что вплоть до этой субботы в злчных местах можно было посетовать на отсутствие обычной для них ругани, сквернословия или попоек. Ничего пока не изменилось, и «Прямоугольник» не становился ни в чем лучше. Нельзя сказать, и что пение Рейчел Уинслоу хоть в чем-нибудь смогло смягчить внешние манеры обитателей этой городской клоаки. Слишком уж гордились местные жители своею грубостью. Однако, несмотря на все это, в людях чувствовалась тяга к некоей силе, которую они никогда прежде не испытывали. Более того, ранее они даже не задумывались, что этой силе всячески противятся.

Грей потихоньку выздоравливал. К нему возвратился голос, и Грей к субботе уже был в состоянии произнести проповедь. То, что болезнь вынуждала его говорить с осторожностью, заставляло людей сидеть тихо, если им хотелось слышать негромкую речь благовестника. Постепенно до них начинало доходить, что этот человек обращается к ним неделю за неделей, отдавая жителям «Прямоугольника» свое время, здоровье и силы ради того, чтобы донести до них знание о каком-то «Спасителе». И все это Грей делает исключительно бескорыстно, просто из любви к ним. И в тот вечер огромная толпа хранила молчание, ничем не отличаясь от обычной вышколенной аудитории Генри Максвелла. Народ толкался вокруг шатра в большем количестве, чем обычно, и салуны на время практически опустели. В конце концов, на проповедника стал сходить Дух Святой, и Грей понял, что получает ответ на одну из самых отчаянных своих молитв.

Что и говорить о Рейчел! Ее пение вновь превосходило все ожидания, так что Вирджиния и Джаспер Чейз не знали, как и выразить свой восторг. Они вновь пришли вместе, причем на этот раз компанию им составлял и доктор Вест. Он все свое свободное время на этой неделе посвятил «Прямоугольнику», помогая там людям, имеющим проблемы со здоровьем. Вирджиния заняла место за органом, а Джаспер сел в переднем ряду, не в силах отвести глаз от Рейчел. Впрочем, весь «Прямоугольник», как один человек, колыхался волнами в такт ее пению:

«Каков я есть, грехом покрыт,
Но кровию Христа омыт,
Меня зовешь, — Отбрось свой стыд!
— О, Агнец Божий, я гря-я-ду-у...»

Грей от избытка чувств уже не был в состоянии произнести хоть слово. Он просто раскинул руки, жестом приглашая людей выйти к помосту. И по двум проходам между рядов скамеек и стульев, расставленных под тентом, медленно потекли потоки мужчин и женщин. Грешные, надломленные тяжелой жизнью создания, спотыкаясь, стекались к помосту. Одна женщина, явно уличная бродяжка, оказалась подле органа. Вирджинии удалось уловить взгляд на ее лице, и впервые в жизни эту богатую девушку осенила мысль о том, чем в

действительности являлся для этой бродяги Иисус. Внезапность этой мысли и ее сила поразили Вирджинию: это чувство было подобно новому рождению. Вирджиния тут же оставила орган, подскочила к женщине, посмотрела ей в лицо и крепко ухватила ее руки в свои ладони. Попавшая в ее объятия девушка вздрогнула и внезапно опустилась на колени. Всхлипывая, она приклонила свою голову на грубо отесанную скамью перед собою, по-прежнему тесно прижимаясь к Вирджинии. А та, после секундного колебания, преклонила колени, опускаясь рядом с бродяжкой. Две головы склонились вместе в молитве.

Когда люди столпились в два ряда у помоста, большинство из них — на коленях, не скрывая слез — мужчина в хорошем костюме, резко отличавшийся от окружающих, протолкался вперед между стульев и скамеек, и преклонил свои колени обок с тем самым пьянчугой, что взбудоражил прежнее собрание во время выступления Генри Максвелла. Молодой человек смиренно склонился в паре метров от Рейчел Уинслоу, которая тихо продолжала свой гимн. Повернув на секунду голову в его направлении, она поразилась: «Господи, это же лицо Роллина Пейджа!» На мгновение голос певицы осекся. Но вскоре она вновь выводила:

«Каков я есть, Ты приютишь,
Простишь и примешь, исцелишь,
Что обещал — Ты совершишь!
— О, Агнец Божий, я гря-ду-у».

В этом голосе слышалась подлинная жажда общения с Богом, и весь «Прямоугольник» на какое-то время оказался погруженным в накатившую на людей волну искупительной благодати.

Глава Десятая

«Кто Мне служит, Мне да последует».

Было уже около полуночи, когда служба в «Прямоугольнике» закончилась. Грей не ложился до самого воскресного утра, молясь и беседуя с небольшой группой обращенных, которые, переполненные огромными впечатлениями своей новой жизни, цеплялись за евангелиста в полнейшей беспомощности, что делало невозможным для него оставить их, словно от Грея зависело их спасение от физической смерти. Среди этих обращенных оказался и Роллин Пейдж.

Вирджиния и ее дядя отправились домой около одиннадцати, а Рейчел и Джаспер Чейз провожали их до той улицы, на которой жила Вирджиния. Доктор Вест прошел с этой парой еще немного, до своего дома. Дальше Рейчел и Джаспер шли вместе, до дома ее матери.

Это было в самом начале двенадцатого. Теперь часы уже пробили полночь, а Джаспер Чейз сидел в своей комнате, уставившись на заваленный разными бумагами стол. Он с болезненным упорством обдумывал последние полчаса.

Он вновь заговорил с Рейчел Уинслоу о своей любви, но та не спешила сделать шага навстречу. Сложнее всего было бы определить, что именно послужило импульсом к его сегодняшнему признанию. Он поддался своему чувству без всякой задней мысли о том, к какому это может привести для него результату — настолько он был уверен, что Рейчел ответит на его любовь. Джаспер попытался восстановить в своей памяти то впечатление, которое произвела на него Рейчел, когда он впервые с ней заговорил.

Никогда еще ее красота и ее сила так не опьяняли Джаспера, как прошедшим вечером. Когда она пела, он не видел и не слышал никого вокруг. Шатер был полон по-настоящему потрясенных людей, и хотя Джаспер понимал, что находится в окружении толпы народа, эти люди ничего для него не значили. Он чувствовал, что не в силах противостоять желанию заговорить с Рейчел. И знал, что как только они останутся одни, он должен будет открыть ей свои чувства.

Теперь, когда все было уже сказано, Джаспер ощущал досаду: то ли оттого что он недооценил Рейчел, то ли случай выбрал не слишком подходящий. Он был уверен, или ему хотелось верить, что она начала проявлять к нему внимание. Джаспер не делал для нее секрета из того, что героиней его первого романа являлся его собственный идеал Рейчел, а главным героем истории он изобразил самого себя. В книге его герои любили друг друга, и Рейчел ничего на это не возражала. Но об этом больше никто не догадывался. Герои романа и их характеры были вырисованы с весьма тонким мастерством, которое не укрыло от Рейчел, когда она получила от Джаспера экземпляр книги, факт его любви к ней, и это не вызвало у нее никакого неудовольствия. Так было почти год назад.

Сейчас Джаспер Чейз заново проигрывал произошедшую между ними

сцену, причем она запечатлелась в его памяти со всеми интонациями и жестами. Он даже вспомнил тот факт, что начал свой разговор с Рейчел в том самом месте авеню, где несколько дней назад повстречал ее, идущую рядом с Роллином Пейджем. Помнится, его снедало любопытство, о чем это она могла разговаривать с Роллином.

— Рейчел, — начал он, и это было впервые, когда он назвал ее по имени, — я и не представлял до сегодняшнего вечера, как сильно люблю вас. К чему скрывать то, что и так написано на моем лице? Знайте, я люблю вас, как свою жизнь! Нет, я больше не в силах утаивать от вас свою любовь, даже если бы и хотел этого.

Первый намек о ее неприятии он почувствовал, когда рука Рейчел в его ладони задрожала. Она позволяла ему говорить, не поворачивая своей головы ни к нему, ни от него. Девушка смотрела прямо перед собою, и голос ее звучал печально, но твердо и спокойно.

— Почему вы говорите мне об этом именно сейчас? Я не могу слушать об этом... после того, что мы только что пережили!

— Как? А что... — молодой человек запнулся и замолчал.

Рейчел высвободила свою руку из его руки, хотя и продолжала идти рядом. Тогда он вскричал, и в голосе его прорывалось болезненное отчаяние человека, начинающего осознавать огромную потерю именно там, где, как он думал, его ждет настоящая радость:

— Рейчел! Неужели вы не любите меня? Неужели моя любовь к вам ничего для вас не значит? Неужели она для вас не свята?!

Девушка прошла еще несколько шагов, не в силах говорить после услышанного. Они минули уличный фонарь. В его свете лицо девушки казалось бледным, но прекрасным. Джаспер попробовал вновь взять ее за руку, но Рейчел тут же сделала движение в сторону.

— Нет! — сбивчиво заговорила она. — В другое время... Мне нечего на это ответить... Вы... Вы не должны были говорить со мною... в такой момент.

Он сумел уловить в этих словах ответ на свое предложение. Джаспер Чейз был чрезвычайно чувствительным молодым человеком. И ничто меньшее, чем радостное «да!» ответ на его чувство, не могло бы его удовлетворить. Он не мог и помыслить о том, чтобы умолять ее.

— В другое время... когда я стану более достойным? — спросил он тихим голосом, но она, казалось, не слышала его. У дверей ее дома они расстались. Он с обидой подумал о том, что они даже не пожелали друг другу спокойной ночи при прощании.

Теперь, когда Джаспер мысленно возвращался к этой недолгой, но решающей сцене, то корил себя за глупую поспешность. Он не учел возбужденность Рейчел, страстную поглощенность всех ее чувств сценами в шатре, столь непривычными для ее разума. Но он не знал ее достаточно хорошо даже сейчас, чтобы понять значение ее отказа. Когда часы на здании «Первой Церкви»

пробили час, он все еще сидел за письменным столом, глядя на последнюю написанную страницу своего незаконченного романа.

Поднявшись в свою комнату, Рейчел задумалась о недавнем происшествии. Чувства ее были противоречивы. Любила ли она когда-нибудь Джаспера Чейза? Да... Нет. В один момент ей казалось, что своим отказом она поставила под удар счастье всей своей жизни. В другой же она испытывала странное облегчение оттого, что сказала именно то, что должна была сказать. В ее душе росло необычное чувство: большое, всепоглощающее. Отклик на ее пение несчастных созданий в шатре, это молниеносное, могучее и благоговейное присутствие Святого Духа поразило ее так, как еще никогда прежде в жизни. В тот момент, когда Джаспер произнес ее имя, и она поняла, что он говорит ей о своей любви к ней, Рейчел охватило внезапное отвращение к этому человеку, словно он не оказал уважения тем сверхъестественным явлениям, которым они только что были свидетелями. Она чувствовала, что сейчас было не время для того, чтобы задумываться о чем-нибудь меньшем, чем слава, оказываемая Богу этими обращениями. Мысль, что все то время, пока она пела, стараясь всеми силами своей души достучаться до сознания этих до отказа заполнивших шатер грешников, Джаспер Чейз оставался бесчувственным ко всему, кроме своей любви к ней, шокировала ее, как непочтительная и богохульная с ее стороны, равно как и со стороны Джаспера. Она не могла сказать точно, почему она так почувствовала, но была уверена, что, не заговори он с ней сегодня вечером о любви, ее чувства к нему остались бы прежними. Но что это были за чувства? Что он значил для нее? Может, она совершила ошибку? Рейчел подошла к книжной полке и взяла роман, который Джаспер подарил ей. Краска залила ее лицо, когда она открыла книгу на определенных страницах, которые она часто перечитывала, и знала, что они были написаны Джаспером специально для нее. Она перечла их еще раз. Но теперь они почему то совершенно ее не трогали! Девушка закрыла книгу и оставила ее лежать на столе. Постепенно она почувствовала, что ее мысли наполняются картинками, виденными ею в шатре. Вот лица мужчин и женщин, которых впервые в жизни коснулась слава Святого Духа — до чего же прекрасной штукой оказывается жизнь после всего этого! Полное перерождение открылось взору пьяного, порочного и беспутного человечества, преклонившего колени, чтобы отдать себя жизни чистой и подражающей Христу — о, это было, безусловно, свидетельством присутствия Божия в этом мире! А лицо Роллина Пейджа в одном ряду с этими несчастными отбросами трупоб! Перед ее мысленным взором всплывали картины, как если бы они происходили прямо сейчас перед ее собственными глазами: вот плачущая Вирджиния, обнимающая своего брата перед тем, как покинуть шатер. Вот мистер Грей, преклонивший колени рядом с ними. Вот та девушка, которую Вирджиния прижимает к самому сердцу, пока та что-то шепчет ей на прощанье. Все эти сцены были навеяны Святым Духом в человеческих трагедиях, доведенных до своей кульминационной точки именно там, в самом заброшенном месте во всем их Реймонде. Они твердо запечатлелись в памяти Рейчел, и были еще столь свежи, что ее комната, казалось, была наполнена всеми участниками этих сцен и их движениями.

— Нет! Нет! — сказала она вслух. — Он не имел права говорить со мною после всего случившегося! Ему надлежало уважать то место, где должны были

находиться в такой момент наши мысли. Я уверена, что не люблю его: по крайней мере, не достаточно, чтобы вверить ему свою жизнь!

И после этих слов вечерние переживания в шатре вновь нахлынули на нее, заместив собою все остальные думы. Возможно, самым ярким свидетельством потрясающего духовного перерождения, охватившего сейчас «Прямоугольник», было, по ощущению Рейчел, то, что даже в тот момент, когда большая любовь сильного мужчины находилась от нее совсем рядом, духовное возрождение волновало ее куда больше, чем то, какие чувства мог испытывать лично к ней Джаспер или она к нему.

Не успели жители Реймонда проснуться утром следующего дня, как начали делиться друг с другом свежими впечатлениями о событиях, означавших поистине революционные преобразования во многих столь для них привычных городских обычаях. Выступление Александра Пауэрса против злоупотреблений на железной дороге произвело сенсацию не только в Реймонде, но и по всей стране. Ежедневные изменения в политике Эдварда Нормана относительно управления своей газетой вызвали недоумение горожан и больше обсуждений, чем любое из последних политических событий. Пение Рейчел Уинслоу на евангелизационных собраниях в «Прямоугольнике» наделало много шума в обществе и поразило всех ее друзей.

Поведение Вирджинии Пейдж, то, что она все вечера проводила с Рейчел Уинслоу, равно как и выпадение из привычного круга своих состоятельных светских знакомых, давало пищу разговорам и расспросам. В дополнение к этим событиям, которые концентрировались вокруг людей хорошо известных, по всему городу во многих домах, как в социальных, так и в чисто деловых кругах, стали происходить странные вещи. Почти сто прихожан из церкви Генри Максвелла дали обет ничего не предпринимать, не спросив себя прежде: «Как бы поступил Иисус?», и результаты их действий во многих случаях оказывались просто неслыханными. Город казался взбудораженным, как никогда ранее. Кульминационным моментом событий последней недели стало духовное возрождение в «Прямоугольнике». Большинство людей перед воскресной церковной службой обсуждалось сообщение о подлинном обращении к Богу в шатре почти пятидесяти самых отпетых обитателей городских трущоб вкупе с Роллином Пейджем, хорошо известным в обществе завсегдае всяких клубов.

Неудивительно, что под давлением обрушившихся на город событий «Первая Церковь» Реймонда пришла к утренней проповеди в состоянии, которое делало ее очень чуткой к любой из великих истин. Возможно, ничто так сильно не потрясло горожан, как те огромные изменения, произошедшие с их пастором с того самого момента, как он предложил им подражать в своих поступках Иисусу. Нет, его проповеди больше не впечатляли драматической манерою речи. Удовлетворенная, самодовольная, расслабленная поза его статной фигуры и холеное лицо за кафедрой уступили место манере, которая не имела нечего общего с его прежним стилем чтения проповеди. Проповедь превратилась в послание. Она перестала быть просто чтением. И это послание доносилось до людей с любовью, искренностью, увлеченностью, страстью, смирением, которое было полно воодушевления об истине и делало проповедника не более выдающимся, чем

требовалось для того, чтобы служить живым голосом Самого Бога. Его молитвы были не похожи на те, что его прихожанам приходилось слышать ранее. Они часто прерывались, а в некоторых фразах даже проскальзывали грамматические ошибки. И когда же это Генри Максвелл так забывал себя в молитве, чтобы делать ошибки подобного рода? Он осознавал, что нередко его охватывала особая гордость за свою безупречную дикцию и манеру чтения своих проповедей и молитв. Было ли возможным, чтобы пастор до того возненавидел элегантную утонченность формальных публичных молитв, чтобы целенаправленно отказаться от своей прежней педантичной манеры молиться? Наиболее вероятно, что он вообще не думал об этом. Его огромное стремление выразить нужды и потребности своих прихожан, делало его невнимательным к своим случайным ошибкам. Несомненно, что никогда прежде он не молился так успешно, как сейчас.

По временам сила и важность проповеди оказывались обязанными состоянию аудитории более, чем какому-нибудь новому, потрясающему или красноречивому выражению или выдвинутому аргументу. С таким состоянием столкнулся Генри Максвелл и этим утром во время проповеди против салунов, в соответствии с той целью, что он определил для себя еще неделю назад. Ему нечего было сказать нового о дурном влиянии салунов в Реймонде. Да и какие могли быть новые факты? Пастор не располагал никакими особо поражающими воображение иллюстрациями о могуществе салунов в бизнесе и политике. Что он мог сказать такого, чего уже не было сказано ратующими за трезвость ораторами великое множество раз? Сильное впечатление от его послания было обязано необычности самого факта его проповеди о салунах как таковых вкупе с недавними событиями, которые и без того взволновали прихожан. Максвелл никогда на протяжении десяти прежних лет своего пастората не упоминал салуны, как нечто такое, к чему следует относиться, как к врагу, не только для бедных и не способных противостоять соблазну людей, но и для всей деловой жизни города, да и самой церкви. Он говорил сейчас с такой свободой, которая, кажется, соразмерялась с его полной убежденностью в том, что Иисус бы говорил точно так же. Ближе к концу он призвал своих прихожан не забывать о новой жизни, которая началась в «Прямоугольнике». Близилась очередные выборы городской администрации. Вопрос о выдаче лицензий на торговлю спиртным должен был стать предметом обсуждения на предстоящих выборах. И как же быть бедным созданиям, только что почувствовавшим радость освобождения от греха? Кто может обеспечить им свободу от своего злосчастного окружения, от этого пьяного ада? Было ли сказано хоть одно слово учениками Христа, деловыми людьми, гражданами их города, против продления лицензий для преступных, производящих и торгующих позорным пойлом заведений? Разве не самым христианским поступком, который они могли бы совершить, исполняя в этом вопросе свой гражданский долг, станет борьба с салунами на выборах, избрание на городские административные посты хороших людей и очищение муниципалитета? Насколько в состоянии одни лишь молитвы сделать наш Реймонд лучше, в то время как наши голоса и поступки в действительной жизни поддерживают врагов Христа? Разве так бы поступил Иисус? Какой ученик может представить Его, отказывающегося пострадать или взять Свой крест в этом вопросе? Много ли членов «Первой Церкви» действительно пострадало, в своем стремлении подражать Иисусу? Является ли

христианское ученичество делом одного лишь сознания, обычаем или традицией? Где же место для страдания? Не следует ли, желая идти по следам Иисуса, взбираться и на Голгофу, так же как и на Гору Преображения?

Призыв пастора в этом отношении оказался гораздо сильнее, чем он мог предполагать. Не будет преувеличением сказать, что духовное напряжение слушателей достигло к тому моменту своей самой наивысшей точки. Подражание Иисусу, которое было начато группой добровольцев, стало действовать в рядах их церкви подобно дрожжам, и Генри Максвелл оказался бы крайне удивлен, будь он в состоянии оценить всю силу стремления со стороны своих прихожан взять и нести свой собственный крест. Во время его утренней проповеди, еще до того, как он ее завершил, обращаясь к людям с той же любовью, с которой говорил со Своими апостолами две тысячи лет назад их Учитель, многие мужчины и женщины в церкви Максвелла стали повторять про себя те же самые слова, что некогда столь страстно выпалила своей матери Рейчел: «Я хочу сделать что-нибудь такое, что мне чего-нибудь стоило, что оказалось бы с моей стороны определенной жертвой!» «Я жажду пострадать за что-нибудь!» Действительно, Маззини оказался прав, когда говорил, что ни один призыв не имеет такой силы в конечном итоге, как призыв: «Придите и пострадайте».

Служба была закончена, и основная аудитория расходилась по домам. Генри Максвелл вновь обнаружил себя стоящим перед небольшою группою собравшихся в лекционном зале, как и два предыдущих воскресенья. Он попросил остаться всех, давших прежде обет послушания, а также тех, кто хотел бы к ним присоединиться. Подобные собрания по окончании основной службы, похоже, отныне становились необходимостью. Когда пастор вошел в зал и увидел лица собравшихся там, сердце его затрепетало. В комнате находилось не меньше сотни людей! Присутствие Духа Святого еще никогда не было столь ощутимо. Священник отметил отсутствие Джаспера Чейза. Но все остальные были на месте. Генри попросил Милтона Райта начать молитву. Сам воздух казался наполненным Божиими благословениями. Что могло противостоять такой евангелической силе, такому крещению Духа Святого? И как они могли обходиться без Него все эти годы?

Люди советовались друг с другом, многие молились совместно. Начиная с этого собрания Генри Максвелл станет отмечать целый ряд важных событий, которые со временем прочно войдут в историю «Первой Церкви» Реймонда. Люди же, разойдясь после своей встречи по домам, еще долго оставались под впечатлением славы и силы Духа.

Глава Одиннадцатая

Дональд Марш, президент «Линкольн Колледжа», возвращался домой вместе с мистером Максвеллом.

— Я сделал для себя кое-какие выводы, Максвелл, — неспешно начал свою речь Марш. — Я обрел свой крест, и он оказался нелегким, но, знаете, я никогда прежде не чувствовал подобного удовлетворения, до тех пор пока не взял его и не понес. Максвелл не проронил ни слова, и президент продолжил:

— Ваша проповедь сегодня прояснила для меня то, что, как я уже давно чувствовал, мне следует сделать. Я все время спрашивал себя: «Что бы сделал Иисус на твоём месте?», с того самого момента, как дал свое обещание. Я пытался успокоить себя тем, что Он просто делал бы то, что делаю я, исполняя свои служебные обязанности в колледже, преподавая этику и философию. Но я не могу никак избавиться от чувства, что Он бы сделал нечто большее. И это — нечто такое, чего мне очень не хочется делать. Для меня заниматься подобными вещами означает настоящее мучение! Я всем своим существом испытываю к этому отвращение. Вы можете догадаться, что я имею в виду.

— Да, наверное, я догадываюсь. Это и для меня — крестная ноша! Я скорее согласился бы делать что угодно еще.

Дональд Марш посмотрел на него с удивлением, а затем с облегчением вздохнул. Он заговорил печально, но с большим убеждением:

— Максвелл, мы оба принадлежим к классу работников интеллектуального труда, которые привыкли уклоняться от исполнения своего гражданского долга. Мы существуем в своем маленьком мире книг и свойственного ученым уединения, делаем работу, которая нам по душе, избегая неприятных обязанностей общественной жизни. Я со стыдом признаю, что сознательно не хотел брать на себя личную ответственность за этот город. Я прекрасно понимал, что наши местные чиновники — это горстка коррумпированных, беспринципных людей, озабоченных по большей части спиртным бизнесом, действующих исключительно в своих собственных интересах, насколько это позволительно в вопросах городской администрации. Тем не менее, все эти годы я, как и почти все преподаватели нашего колледжа, с удовольствием позволял другим людям управлять муниципалитетом, только бы мне иметь возможность оставаться в своем собственном маленьком мире, не соприкасаясь и не сопереживая реальному миру людей. «Как бы поступил Иисус?» Да, я пытался уклоняться от честного ответа на этот вопрос. Но больше я так не могу. Моя прямая обязанность — принять непосредственное участие в грядущих выборах, пойти на предварительное голосование, используя все свое влияние, каким бы оно ни было, для выдвижения и избрания в муниципалитет лучших людей, окунуться в самые глубины этого ужасного водоворота обмана, взяточничества, политического мошенничества и салунизма, каковой процветает сейчас в Реймонде. Для меня легче в любой момент залезть в жерло заряженного орудия, чем согласиться пойти на это! Меня так страшит эта сфера деятельности, что мне ненавистна сама мысль о том, чтобы

соприкоснуться с ней. Я отдал бы все на свете, чтобы иметь возможность сказать: «Я не верю, чтобы Иисус сделал что-нибудь подобное». Но я все более и более убеждаюсь в том, что Он бы именно так и сделал. Вот где начинаются мои мучения! Меня бы и вполовину не так сильно обеспокоило, если бы я потерял свое положение или свой дом. Для меня сама мысль о контакте со всей муниципальной системой попросту невыносима! Я бы с большим удовольствием предпочел оставаться и далее в своем тихом ученом мирке, продолжая преподавать этику и философию. Но призыв прозвучал для меня так ясно, что я не могу не ответить на него. «Дональд Марш, следуй за Мною! Исполни свой гражданский долг, как гражданин Реймонда, в таком месте, где твое гражданство будет стоить тебе чего-нибудь. Помоги очистить от грязи городские конюшни, даже если тебе придется при этом слегка ущемить свои аристократические чувства». Максвелл, это — мой крест, и я должен взять его или отречься от моего Господа!

— Вы высказались и за меня тоже, — отвечал Максвелл, печально улыбнувшись. — Почему, просто оттого, что я являюсь священником, я должен, прятаться за своей утонченной и чувствительной натурой, и как последний трус отказываться от обязанностей гражданина, затрагивая их разве только в проповеди? Я всегда был оторван от политической жизни города, я не привык к ней. Я никогда не принимал активного участия в выдвижении в муниципалитет наиболее достойных людей. У нас есть сотни священников, таких же, как и я. Но мы никогда не участвовали в муниципальной жизни как класс, исполняя свой долг и используя свои преимущества проповеди с кафедры. «Как бы поступил Иисус?» Я нахожусь перед такой же дилеммой, как и вы, и я должен, так или иначе, дать однозначный ответ на этот вопрос. Мой долг очевиден. Я должен пострадать. Вся моя пасторская работа в приходе, все мои маленькие испытания и самопожертвование ничто в сравнении с этой открытой, грубой, общественной борьбой ради очищения городской жизни. Я мог бы уйти в «Прямоугольник» и прожить там остаток моих дней, работая в бедности просто ради средств к существованию, и это бы доставило мне большее удовольствие, чем мысль о том, чтобы окунуться в борьбу за реформирование этого одурманенного спиртным города. Это было бы для меня меньшей жертвой. Но так же, как и вы, я не могу сбросить с плеч груз своей ответственности. Ответ на вопрос «Как бы поступил Иисус?» в этом деле не дает мне покоя. Все, что я могу честно на него ответить: Иисус на моем месте поступил бы как гражданин. Как христианин-гражданин. Да, Марш, как вы верно заметили, мы, люди умственного труда — священнослужители, профессора, художники, литераторы, ученые — почти всегда являемся трусами в политических вопросах. Мы стараемся избежать священных обязанностей гражданина или по незнанию, или из эгоистических побуждений. Определенно, живи Иисус в наше время, Он не поступал бы так. И нам следует поступить не иначе, как взять свой крест и следовать за Ним.

Двое мужчин прошли еще некоторое время в молчании. Наконец, президент Марш сказал, — Мы не должны действовать в этом вопросе в одиночку. Со всеми теми, кто принес обет следовать Христу, мы можем заключить договор, так что на нашей стороне будет и сила, и даже численность. Давайте, организуем все христианские силы Реймонда в битве против спиртного и коррупции! Нам непременно надо выйти на предварительные выборы с силой, способной на

большее, чем просто выражение протеста. В действительности, сторонники салунов — народ весьма трусливый, их можно легко приструнить, несмотря на все их беззаконие и коррупцию. Да, давайте, спланируем такую кампанию, с которой нашим противникам придется считаться, ибо это будет организованная праведность! Иисус бы проявил в этом вопросе большую мудрость. Уж Он-таки мог использовать самые разные средства! Он бы все заранее распланировал. Так давайте, и мы поступим так же. Раз уж мы взяли этот крест, то и будем нести его бесстрашно, как настоящие мужчины.

Они еще долго обсуждали свою идею, и договорились встретиться на следующий день в кабинете Максвелла, чтобы выработать детальный план действий. Выдвижение кандидатов на муниципальные посты было назначено на пятницу. Слухи о необычных событиях, которые были непонятны обычному жителю города, всю неделю циркулировали в политических кругах Реймонда. В их штате для баллотирования кандидатов еще не использовалась система Кроуфорда, и предварительное выдвижение кандидатов проводилось в виде общественного собрания, которое должно было пройти в здании городского суда.

Жители Реймонда никогда не забудут этого собрания. Оно было так не похоже ни на один политический митинг, проводимый в Реймонде прежде, что никто и не пытался делать сравнения. Места во власти, на которые должны были избираться кандидаты, были следующие: посты мэра, городского советника, начальника полиции, городского секретаря и городского казначея.

Вечерний «Ньюз» в своем субботнем выпуске дал подробнейший отчет о предварительном выдвижении кандидатов, и Эдвард Норман с прямотой и убежденностью писал в своей редакторской колонке о том, что христиане Реймонда заставили относиться к себе с глубоким уважением, потому что их позиция была явно искренней и бескорыстной. Эта часть того номера газеты уже прочно вошла в историю. Позволим себе цитату из него:

«Можно с уверенностью сказать, что история Реймонда еще не знала таких предварительных выборов, что состоялись в здании городского суда накануне вечером. Прежде всего, подобное выдвижение кандидатов оказалось полной неожиданностью для городской политической верхушки, привыкшей заправлять делами города так, словно он находится в ее абсолютной собственности, а все прочие граждане являются лишь средствами для достижения ее целей либо просто статистами, которых не стоит принимать в расчет. Ошеломляющей новостью прошлой ночи, стремительно разносившейся по телеграфным проводам, стал тот факт, что огромное количество жителей Реймонда, прежде не принимавших никакого участия в делах города, пришли на предварительные выборы и следили за ходом их проведения, выдвигая на выборные должности самых достойных кандидатов.

Происходившее было потрясающим проявлением активной гражданской позиции. Президент “Линкольн Колледжа” Марш, никогда доселе не участвовавший ни в каких избирательных кампаниях города, и чье лицо едва ли кому было знакомо в реймондских политических кругах,

произнес одну из лучших речей, когда-либо звучавших в Реймонде. Было почти невозможно сдержать улыбку при взгляде на лица тех, кто многие годы поступал, считаясь только со своими желаниями, когда президент Марш поднялся, чтобы говорить. Многие из них недоумевали: “Кто это такой?” По мере продолжения выборов это оцепенение все нарастало, и скоро всем стало очевидно, что дни правления прежней городской верхушки сочтены. На этом митинге присутствовали преподобный Генри Максвелл из “Первой Церкви”, Милтон Райт, Александер Пауэрс, профессора Браун, Уиллард и Парк из “Линкольн Колледжа”, доктор Вест, преподобный Джорж Мейн из “Церкви Пилигрима”, настоятель “Собора Святой Троицы” Уорд, а также многие хорошо известные предприниматели и представители интеллигенции, по большей части члены церкви. Не трудно было заметить, что все они пришли с одной ясной и определенной целью — выдвинуть кандидатами на предложенные посты по возможности самых достойных горожан. Большинство из этих людей никогда раньше не участвовали в предварительных выборах. Они выглядели совершенными новичками в политике. Но было очевидно, что они успели ознакомиться с методами политической борьбы, и смогли организовать и объединить свои усилия для того, чтобы выдвинуть целый список кандидатов.

Как только стало ясно, что предварительные выборы выходят из-под их контроля, привыкшие к своим местам чиновники с большим неудовольствием сняли свои кандидатуры и выдвинули новый список. “Ньюз” желает обратить внимание всех добропорядочных горожан Реймонда на тот факт, что этот новый список представлен лицами, выступающими в поддержку продажи спиртного. Прослеживается совершенно четкая граница между поддерживающим салуны, коррумпированным правлением, которое мы привыкли наблюдать у нас годами, и незапятнанной честной способной и деловой городской администрацией, которую каждый добропорядочный гражданин желал бы иметь. Нет надобности напоминать жителям Реймонда, что вопрос о местной власти будет решаться на предстоящем голосовании. Решение, за какой список голосовать, представляется нам наиважнейшим вопросом на выборах. Положение дел в нашей городской администрации достигло критической точки. Вопрос поставлен ребром. Собираемся ли мы и дальше безропотно терпеть власть рома и виски, взяточничества и бессовестной некомпетентности? Или же, как призвал в своей благородной речи президент Марш, мы, как добропорядочные граждане, должны подняться и установить новый порядок вещей, очистив наш город от худшего из известных врагов, установив честную муниципальную власть, делая все, что в наших силах, чтобы добиться чистоты в нашей гражданской жизни?

Редакция “Ньюз” полностью и без всяких оговорок занимает сторону этого нового движения. Мы и впредь мы будем делать все возможное для уничтожения салунов и разрушения их политического влияния. Мы намерены защищать кандидатуры людей, номинированных большинством граждан, пришедших на предварительные выборы, и мы призываем всех христиан, членов церкви и тех, кому небезразличны справедливость,

чистота, трезвость и наш родной город, поддержать президента Марша и других горожан, начавших таким образом долгожданные реформы в нашем городе».

Президент Марш дочитал передовицу до конца и возблагодарил Бога за поддержку Эдварда Нормана. В то же время он прекрасно понимал, что все остальные газеты Реймонда поддерживают противную сторону. Он не недооценивал всей важности и серьезности борьбы, которая только начиналась. Не было секрета в том, что «Ньюз» потерял огромные прибыли с тех пор, как в своей деятельности стал руководствоваться стандартом: «Как бы поступил Иисус?» И вопрос состоял в том, смогут ли христиане Реймонда поддержать своего товарища? Смогут ли они сделать возможным для Нормана продолжение выпуска ежедневной христианской газеты? Или же под влиянием жажды так называемых «новостей» из области криминала и скандалов, из-за приверженности политическим партиям обычного сорта, а также неприязни к столь замечательной журналистской реформе, они поставят под удар само существование газеты? Она погибнет без их финансовой поддержки. Именно этот вопрос задавал себе Эдвард Норман, когда готовил передовицу для субботнего номера. Он прекрасно понимал, что его позиция, выраженная в этой статье, может стоить ему очень дорого, со стороны многих бизнесменов Реймонда. И все же, быстро водя пером по бумаге, он спрашивал себя о другом: «А как бы на моем месте поступил Иисус?» Этот вопрос становился теперь частью всей его жизни, и он был важнее всех остальных вопросов.

Впервые во всей истории Реймонда работники интеллектуального труда, учителя, профессора колледжей, доктора, священнослужители принимали участие в политической акции, заняв резкую и недвусмысленную позицию. Они вступали в противоборство со злыми силами, так долго державшими в своих руках машину муниципальной власти. Уже сам этот факт был примечателен. Президент Марш признавался себе со стыдом, что никогда прежде и не подозревал, чего может достичь «гражданская праведность». После своего выступления на предварительных выборах, прошедших в пятницу вечером, он открыл для себя и своего колледжа новое значение избитого выражения «ученый в политике». Для него и тех, кто находился под его влиянием, образование стало означать с этого времени некоторую долю страдания. Жертвенность стала пониматься теперь как составная часть развития.

В «Прямоугольнике» за эту неделю волна духовного возрождения поднялась вверх, и пока не было замечено никаких признаков, чтобы она начинала откатываться назад. Рейчел и Вирджиния ходили туда каждый вечер. Вирджиния вскоре приняла решение относительно того, как ей распорядиться большей частью своих денег. Она обсудила это с Рейчел, и девушки согласились, что имей Иисус в Своем распоряжении столь значительную сумму денег, Он мог бы поступить с частью из них так, как собиралась сделать Вирджиния. Как бы то ни было, размышляя о возможных Его поступках, они пришли к заключению, что в каждом конкретном случае должно оставаться место для разнообразных вариантов, зависящих от различий людских характеров и обстоятельств. Нет, не может быть какого-то единого, четко определенного «христианского» метода вложения денег.

Единственное правило, которым в этом вопросе следует руководствоваться, это бескорыстное их использование.

Между тем славою Святого Духа были отмечены все их лучшие мысли. Ночь за ночью они наблюдали за чудесами такими же великими, как хождение по морю или насыщение множества несколькими хлебами и рыбами. Ибо что может быть большим чудом, чем возрожденная человеческая личность? Преображение этих грубых, жестоких, отупевших от пьянства созданий в молящихся восторженных поклонников Христа, каждый раз наделяло Рейчел и Вирджинию таким чувством, какое должно быть испытывали люди, видевшие, как умерший Лазарь вышел из своей гробницы. И каждый раз девушки чувствовали себя потрясенными до глубины души.

Роллин Пейдж приходил на все собрания. Не было никаких сомнений в действенности произошедших с ним перемен. Правда, Рейчел никак не удавалось серьезно с ним поговорить. Роллин выглядел необычно молчаливым. Было похоже, что он все время о чем-то думает. Несомненно, это был уже совсем другой человек. Чаше, чем с кем-либо еще, он беседовал с Греем. Он не избегал Рейчел, но казалось, его пугала мысль о возможности возобновления знакомства с нею. Рейчел обнаружила, что не может просто так выразить ему свое удовольствие от того, что он начал познавать новую жизнь. Судя по всему, молодому человеку требовалось время для того, чтобы заново привыкнуть к существованию тех прежних связей, что сохранялись у него и после его духовного перерождения. Нет, он вовсе не забыл об этих отношениях. Но пока что был еще не в состоянии приспособить свое сознание к дальнейшему их развитию.

Конец недели застал «Прямоугольник» в серьезной схватке между двумя мощными противоборствующими силами. Святой Дух боролся со всей Своей неземною силою против салунного искуителя, дьявола, который так долго держал своих рабов мертвой хваткой. Если бы христиане Реймонда хоть на миг могли представить себе, с какими искушениями приходится сталкиваться только что пробудившимся душам в борьбе за чистую жизнь, они бы не считали возможным допустить такой исход выборов, при котором бы сохранилась старая система лицензирования. Но это им еще только предстояло увидеть. Ужасы повседневных условий жизни многих новообращенных мало-помалу открывались пониманию Вирджинии и Рейчел, и обе девушки возвращались каждый вечер в свои роскошные дома в самом престижном районе города с тяжелым сердцем.

— Большинство этих несчастных созданий вынуждено будет вернуться назад, — мог бы сказать Грей с грустью, слишком глубокой, чтобы он мог лить слезы. — Это окружение, безусловно, во многом портит их характер. Нет оснований предполагать, что они окажутся в состоянии устоять перед искушающим видом и запахом дьявольского напитка. Ох, Господи, до каких же пор христиане своим молчанием, а то и голосами, будут продолжать поддерживать величайшую форму рабства, известную в Америке?

Он задавал вопрос, не надеясь вскоре получить на него ответ. В действиях во время предварительных выборов ему привиделся проблеск надежды, но благовестник не решался предположить, чем все это может закончиться. Силы,

стоящие на страже салунов, были организованны, бдительны и очень агрессивны. После событий прошедшей недели в шатре и в городе дельцы от алкоголя преисполнились непривычной дотоле ненависти. Смогут ли силы христиан выступить столь же сплоченно против салунов? Или же они разделятся на почве своих деловых интересов, а то и просто из-за того, что у них нет обыкновения действовать сообща — как это привыкли делать партии, ратующие за торговлю спиртным? Это еще предстоит увидеть. Тем временем местные салуны пришли в ярость от событий в «Прямоугольнике». Они, словно смертельно раненые звери, шипели и извивались, готовые направить жала со своим ядом в самую беззащитную часть противника.

В субботу днем Вирджиния как раз выходила из дома, собираясь повидать Рейчел и обсудить с ней новые планы, как к ее дому подъехал экипаж, в котором находились три ее светские знакомые. Вирджиния подошла к подругам, и остановилась побеседовать. Они не хотели наносить Вирджинии официальный визит, были не против, чтобы та согласилась проехаться с ними до городского бульвара. Там сегодня вечером, в парке, намечался концерт духового оркестра. День выдался таким чудесным, что девушкам было не усидеть дома.

— Где это ты пропадаешь все время, Вирджиния? — спросила одна из девушек, игриво постукивая ее по плечу красным шелковым зонтиком. — Мы слышали, ты занялась шоу-бизнесом. Может, поделишься с нами?

Вирджиния покраснела, но после минутного замешательства откровенно поведала им о некотором своем опыте в «Прямоугольнике». Девушек в экипаже, похоже, это заинтересовало.

— Ой, послушайте, девочки, что, если нам сейчас отправиться вместе с Вирджинией в трущобы, вместо того, чтобы слушать духовой оркестр? Я еще ни разу не была в «Прямоугольнике». Я слышала, что это ужасное, злачное место, и там так много, на что поглядеть! Вирджиния послужит нам проводником, и это будет... — барышня собиралась сказать «настоящее развлечение», но, поймав строгий взгляд Вирджинии, быстро подобрала другое слово, — ... так интересно!

Вирджиния рассердилась. Сначала она решила, что не согласится на такое ни при каких обстоятельствах. Но другие девушки, казалось, вполне разделяли эту идею. Они затараторили в один голос, умоляя Вирджинию свозить их на прогулку в «Прямоугольник».

Внезапно в праздном любопытстве девушек она увидела хорошую возможность. Ведь они никогда еще не видели греха и нищеты Реймонда! И почему бы им не посмотреть на них, даже если их мотивом и служит лишь простое желание как-то провести вечер?

— Так и быть, я с вами туда съезжу! Но вы должны повиноваться моим указаниям, и позволить отвезти себя туда, где можно увидеть больше всего, — заявила Вирджиния, открывая дверь экипажа и усаживаясь рядом с той девушкой, которой первой пришла в голову идея поехать в «Прямоугольник».

Глава Двенадцатая

«Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его».

«Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас».

-Не лучше ли нам было прихватить с собою полицейского? — сказала одна из девушек, нервно хихикнув. — Мне говорили, что это место и в самом деле опасное!

— Там нет никакой опасности, — коротко отвечала Вирджиния.

— А правда, что ваш братец Роллин обратился к Богу? — поинтересовалась все та же девушка, с любопытством глядя на Вирджинию. Та уже обратила внимание, что во все время их поездки в «Прямоугольник» все три подруги смотрели на нее так, как будто она и взаправду выглядела необычно.

— Да, он, без сомнения, уверовал.

— Я слышала, он собирается ходить по клубам! Будет говорить со своими прежними друзьями, и пытаться им проповедовать. Ну, скажите, разве это не смешно? — поддержала тему девушка с красным шелковым зонтиком.

Вирджиния ничего на это не ответила, и остальные девушки посерьезнели сразу же, лишь только их экипаж повернул на улицу, прямоком ведущую в «Прямоугольник». С каждой секундой, приближавшей их к опасному району, они нервничали все больше и больше. Зрелище за окнами кареты, запахи и звуки, к которым Вирджиния уже давно успела привыкнуть, действовали на чувства ее изнеженных подруг, привыкших к более деликатному окружению, как нечто действительно ужасное. По мере их углубления в этот мрачный район, «Прямоугольник», похоже, и сам начинал разглядывать изящный экипаж с модно одетыми красивыми барышнями. На них будто вживую пялилось некое единое, пропитое, расплывчатое лицо, источавшее неистребимый запах прокисшего пива. «Кататься по трущобам» — о такой причуде в реймондском обществе еще не слыхали, и, похоже, эти самые трущобы впервые столкнулись с другой, более приличной, стороной жизни их города. Девушки почувствовали, что вместо того, чтобы «посмотреть “Прямоугольник”», они сами оказались объектами любопытства. Путешественницы испытывали страх и отвращение.

— Ой, давайте вернемся! Я уже достаточно насмотрелась, — попросила та девушка, что сидела рядом с Вирджинией.

В эту минуту они находились как раз напротив одного из самых примечательных салунов, рядом с игорным залом. Улица была узка, на тротуарах толпился народ. Внезапно из дверей салуна, шатаясь, вылетела молодая женщина. Она распевала надломленным, явно пропитым голосом, с какими-то

всхлипываниями, выдававшими, что его владелица вряд ли осознает свое состояние: «Каков я е-е-ссть, грехо-о-ом покрыт...» Когда карета проезжала мимо, женщина бросила на нее злобный взгляд. Она подняла свое лицо вверх, так что Вирджиния увидела ее глаза почти на одном уровне со своими. Это было лицо той самой девушки, что рыдала на коленях вечером на собрании в шатре, когда Вирджиния, опустившись рядом, молилась за ее душу!

— Стой!! — крикнула Вирджиния кучеру, и взмахнула ему рукой, когда тот обернулся. Экипаж остановился, и она в ту же секунду выскочила из него, подбежала к девушке и взяла ее за руку. «Лорина!..» — только и произнесла она, но этого оказалось достаточно. Девушка взглянула ей в глаза, и на ее лице отразился настоящий ужас. Спутницы Вирджинии в экипаже беспомощно взирали на эту сцену, не зная, что и думать. Хозяин салуна вышел из дверей своего заведения и упивался странным зрелищем, уперев руки в боки. Похоже, весь «Прямоугольник» замер, прильнув к окнам, остановившись на ступеньках пивных и на грязных тротуарах. Люди стояли прямо в сточных канавах, на мостовой, не шевелясь, с нескрываемым изумлением глядя на двух девушек. Весеннее солнце щедро одаряло сцену своим ласковым светом. Слабые отголоски оркестровой музыки из парка стали долетать в этот уголок «Прямоугольника»: то начинался городской концерт. Наверное, весь реймондский бомонд к этому моменту уже вышел на бульвар, желая покрасоваться перед соседями.

Когда Вирджиния оставила карету, бросившись к Лорине, она вовсе не раздумывала о том, что собирается делать, и какие последствия может повлечь за собою ее поступок. Ее глазам предстала заблудшая душа, уже успевшая вкусить всю радость лучшей жизни, но почему-то очутившаяся вновь в прежнем аду позора и гибели. Прежде чем коснуться руки пьяной девушки, Вирджиния задала себе лишь один вопрос: «Как бы поступил Иисус?» Этот вопрос уже давно стал для нее привычным, как и для множества других людей.

Она огляделась вокруг, не отпуская от себя Лорину, и живо представила себе, в сколь грубом они оказались окружении. В первую очередь, она подумала о своих спутницах, сидящих в экипаже.

— Езжайте, езжайте! Меня не ждите! Я должна проводить мою подругу домой, — сказала Вирджиния, стараясь говорить как можно спокойнее.

Девушку с красным зонтиком, казалось, передернуло при слове «подруга», услышанным из уст Вирджинии. Но вслух она ничего не сказала.

Остальные барышни словно утратили способность говорить.

— Давайте, поезжайте! Я не могу с вами сейчас вернуться, — пояснила Вирджиния. Кучер медленно тронул поводья, и лошади двинулись с места. Одна из девушек наклонилась над дверцею кареты.

— Может быть, мы могли бы... То есть, я хочу сказать... Вам не нужна наша помощь? Может, вы могли бы...

— Нет, нет! — возразила Вирджиния. — Вы мне ничем здесь не поможете!

Экипаж двинулся вдоль по улице, а Вирджиния оказалась один на один со

своей проблемой. Она вновь осмотрелась вокруг. Многие лица в толпе, казалось, выражали ей сочувствие. Нет, они далеко не все так грубы, как могло бы показаться изначально. Да, Дух Святой уже успел смягчить немало сердец в «Прямоугольнике»!

— Где она живет? — спросила Вирджиния.

Ей никто не ответил. Уже гораздо позднее, когда она вспоминала эту сцену, до Вирджинии дошло, что жители «Прямоугольника» проявили в своем печальном молчании гораздо больше деликатности, чем можно было ожидать от нарядно одетой публики на бульваре. Впервые в жизни в сознании девушки промелькнула мысль, что бессмертная человеческая душа, оказавшись выброшенной на обочину жизни течением того ада, что зовется салуном, вполне может существовать без того места, что нормальные люди привыкли называть домом. Ее знакомая внезапно выдернула свою руку из руки Вирджинии. От неожиданности Вирджиния едва не упала наземь.

— Не смейте меня касаться! Оставь меня! Дай мне провалиться в ад! Я давно ему принадлежу, там мне и место... Да, да, сам дьявол ждет меня с нетерпением! Вон он — гляди! — с насмешкой закричала пьяная женщина. Повернувшись, она указала трясущимся пальцем на хозяина салуна. Толпа засмеялась. Вирджиния сделала шаг к ней навстречу, и обняла ее одной рукой.

— Лорина, — твердо сказала она, — пойдем со мною. Нет, ты не принадлежишь аду. Ты принадлежишь Иисусу, и Он спасет тебя. Идем!

Девушка внезапно разрыдалась. Шок от встречи с Вирджинией заставил ее протрезветь, но далеко не до конца.

Вирджиния еще раз огляделась. «Где тут живет мистер Грей?» — спросила она. Ей было известно, что благовестник живет где-то неподалеку от своего шатра. Сразу несколько человек вызвались объяснить ей дорогу.

— Пойдем же, Лорина, я хочу, чтобы ты пошла со мною к мистеру Грею, — уговаривала она, по-прежнему крепко обнимая за плечи дрожащее, шатающееся создание, что стонало и всхлипывало рядом с нею. Вдруг девушка прильнула к ней с той же силою, с которой прежде пыталась от нее освободиться.

Итак, две подруги двинулись через «Прямоугольник» к тому месту, где временно арендовал жилье евангелист. Невиданное доселе зрелище подействовало на «Прямоугольник» самым серьезным образом. Нет, он никогда не думал о себе серьезно, когда был пьян, но тут дело было иначе. Тот факт, что одна из самых богатых и прекрасно одетых барышень во всем Реймонде решила позаботиться о наиболее падшем из всех созданий «Прямоугольника», не мог оставить равнодушными зрителей. Женщина, одурманенная спиртным, висела на руке столь очаровательной спутницы, что ее величие и внутреннее достоинство каким-то образом передавалось и самой Лорине. Прежде весь «Прямоугольник» любил посмеяться над тем, как до полусмерти пьяная Лорина спотыкалась и валилась в придорожные канавы. Но та же самая Лорина, изо всех сил пытающаяся держаться прямо рядом с молодой леди из высших слоев общества, которая ведет ее под руку — это совсем иное дело! Весь «Прямоугольник» смотрел на них, трезвее на глазах

и поражаясь тому, что видит.

Когда они, наконец, добрались до того места, где мистер Грей с женой снимали квартиру, Вирджинию ожидало разочарование. Женщина, открывшая на ее стук, сказала, что ни мистера Грея, ни миссис Грей нет дома, и вернутся они не раньше шести часов.

Решительная девушка вовсе не задумывалась о том, что она будет делать с Лориной. В ее планы входило лишь довести женщину до дома Греев, чтобы найти ей достаточно безопасное место, пока та не протрезвеет. Теперь Вирджиния стояла перед закрывшейся дверью квартиры евангелиста, не в силах сообразить, куда им идти дальше. Лорина отрешенно опустила на ступеньки и закрыла свое лицо руками. Вирджиния оглядела жалкую фигурку пьяной девушки с чувством, которое, честно говоря, было близко к отвращению.

В ее сознании промелькнула мысль, что обратного пути уже нет. И верно: что мешает ей привести Лорину к себе домой? Почему это бездомное, никому не нужное создание, от которого несло парами спиртного, не должно быть доставлено в собственный дом Вирджинии? Да, вместо того, чтобы доверять Лорину незнакомым людям, или искать для нее какую-нибудь больницу или богадельню! Вирджиния практически ничего не знала о таких местах. Собственно говоря, в Реймонде было два-три подобных заведения, но было весьма сомнительно, что там согласились бы принять женщину, подобную Лорине, да еще в ее теперешнем состоянии. Но для самой Вирджинии в этом проблемы не было. «Как бы поступил Иисус с Лориной?» Вот вопрос, который стоял перед Вирджинией, и она ответила на него, вновь коснувшись руки своей спутницы.

— Лорина, пойдем! Мы идем ко мне домой. Мы сейчас возьмем машину, здесь, на углу.

Лорина поднялась на ноги, и, к большому удивлению Вирджинии, с ней теперь все выглядело проще. Она ожидала от пьяной гораздо большего сопротивления, если не отказа двигаться дальше. Когда они добрались до угла и сели в машину, та оказалась заполненной людьми, спешившими в город. Вирджиния болезненно отвечала на взгляды, которыми пассажиры встретили ее и ее необычную спутницу. Впрочем, в мыслях она уносилась вперед — к той сцене с бабушкой, что непременно ожидает ее дома. Ох, что-то скажет теперь мадам Пейдж?

Лорина выглядела почти протрезвевшей. Впрочем, она впала в состояние какого-то ступора, из-за чего Вирджинии приходилось крепко держать ее за руку. Несколько раз девушка тяжело наваливалась на нее, и странно выглядящая парочка привлекала взгляды прохожих: так называемая цивилизованная публика, не стесняясь, оборачивалась, чтобы разглядеть тащившихся по авеню девушек. Дойдя до ступенек своего дома, столь красивого и величественного, Вирджиния вздохнула с облегчением. От усталости она уже забыла о предстоящем разговоре с бабушкой. Вот входная дверь за ними закрылась, и обе женщины оказались в широком холле. Еще раз взглянув на человека, бывшего изгоем общества, Вирджиния внезапно ощутила себя готовой вынести любую сцену.

Мадам Пейдж находилась в библиотеке. Услышав звук захлопнувшейся двери и шаги своей внучки, она вышла к ней навстречу. Вирджиния стояла посреди холла, поддерживая Лорину, которая тупо разглядывала богатую обстановку, в которой столь неожиданно очутилась.

— Бабушка! — без малейшего колебания спокойно сказала Вирджиния, — Я привела с собою одну из своих подруг из «Прямоугольника». У нее проблемы, и жить ей негде. Я собираюсь позаботиться о ней какое-то время.

Мадам Пейдж в изумлении перевела взгляд со своей внучки на Лорину.

— Ты сказала, она одна из твоих подруг? Я не ослышалась? — переспросила она с таким холодом в голосе, что Вирджиния поежилась. Этот холод ранил ее более, чем что либо другое.

— Да, я так и сказала, — лицо Вирджинии вспыхнуло. Тем не менее она постаралась вспомнить тот стих, что мистер Грей использовал в одной из своих недавних проповедей. «Друг мытарям и грешникам». Без сомнений, Иисус сделал бы точно то же, что она сейчас делает.

— Ты хоть знаешь, что это за девушка? — злобно прошипела мадам Пейдж, медленно подходя к Вирджинии.

— Очень хорошо знаю. Она — одна из отверженных. Тебе, бабушка, нет нужды мне это объяснять. Я знаю это даже лучше, чем ты. Да, в этот момент она пьяна. Но, в то же самое время, она остается дитем Божиим. Я видела ее на коленях, в полном раскаянии! И после того я видела, как ад протянул к ней свои жуткие жадные пальцы, стремясь вновь завладеть ее душой. По милости Христовой я чувствую, что то малейшее, что в моих силах сделать — спасти ее от опасности. Бабушка, мы же называем себя христианами! Эта несчастная девушка, заблудшая человеческая душа, вновь поскользнулась, вновь очутилась в своем прежнем окружении. Ей грозит вечная погибель, а мы роскошествуем: у нас всего гораздо больше, чем необходимо! Я привела ее сюда, и я буду заботиться о ней.

Мадам Пейдж тяжело смотрела на Вирджинию, выламывая себе руки. Все это шло вразрез с ее собственным кодексом правил: ну как можно вести себя подобным образом?! Ведь общество никогда не простит подобной фамильярности с какими-то уличными отбросами! Чего будет стоить их семье поступок Вирджинии? Сколько критики он вызовет? Она же ставит под удар их положение! Ведь каким бы длинным ни был список их знакомых, он должен состоять лишь из людей богатых, занимающих высшие ступени в обществе! А для мадам Пейдж слово «общество» означало гораздо больше, чем церковь или любое другое человеческое объединение. Общество было для нее силой, которую следовало бояться, безропотно ей повиноваться. Потеря благоволения со стороны этого «общества» не могла сравниться ни с каким иным бедствием, разве что с утратой самого их семейного богатства.

Пожилая женщина стояла, выпрямившись, перед своей внучкой, готовая дать ее причудам решительный отпор. Вирджиния обнимала одной рукой Лорину и спокойно смотрела своей бабушке в глаза.

— Ты не смеешь делать этого, Вирджиния! Ее можно отправить в больницу

или приют для женщин-инвалидов. Мы могли бы оплатить все расходы. Но мы, с нашей безупречной репутацией, не можем себе позволить держать у себя доме такую личность.

— Бабушка, мне бы не хотелось делать ничего, что бы вызвало твое недовольство, но мне необходимо предоставить Лорине ночлег сегодня, а также и далее, сколько будет нужным.

— Тогда тебе придется держать ответ за все последствия! Я не останусь под одной крышей с ничтожной... — мадам Пейдж начала терять свое самообладание. Вирджиния остановила ее, прежде чем та успела произнести оскорбление.

— Бабушка, этот дом — мой. Ты можешь оставаться в этом доме со мною, так долго, как ты сама желаешь здесь находиться. Что же касается этого вопроса, я буду действовать так, как, я уверена, поступил бы на моем месте Иисус. И я сама хочу сносить все то, что общество захочет обо мне говорить или предпринимать в моем отношении. Общество не является моим богом. Что же касается души этой несчастной женщины, то для меня приговор общества не имеет никакого значения.

— Ах так! Тогда я здесь не останусь! — вырвалось у мадам Пейдж. Она резко повернулась и пошла в конец холла. Затем она прошествовала обратно и, подойдя к Вирджинии, сказала с особым пафосом, выдававшим возбуждение, достигшее крайнего предела. — Тебе придется вечно помнить, что ты выгнала свою собственную бабушку из дома ради какой-то пьяной женщины! Затем, не дожидаясь ответа Вирджинии, она вновь отвернулась от нее и стала подниматься к себе по лестнице. Вирджиния вызвала служанку и поручила той позаботиться о Лорине. Несчастную девушку совсем развезло. На протяжении короткой сцены в холле она так крепко прижималась к Вирджинии, что у той на руке от пальцев Лорины остались синяки.

Вирджиния не была уверена, собирается ли ее бабушка и в самом деле уехать из дома, или нет. Бабушка располагала очень значительными собственными средствами. Не слишком еще пожилая женщина находилась в добром здравии. Она была очень энергична и вполне способна позаботиться о себе сама. У нее на Юге оставалась родня — несколько сестер и братьев — и бабушка имела обыкновение проводить у них по несколько недель в году. Вирджинию нисколько не заботило благополучие бабушки само по себе: в этом проблемы не было. Однако разговор с бабушкой оказался весьма болезненным. Сидя в своей комнате перед тем, как спуститься к чаю, Вирджиния вновь и вновь прокручивая в голове всю сцену, и не находила, в чем бы она могла себя упрекнуть. «Как бы повел себя Иисус?» Для девушки не было вопроса, правильно ли она поступила. Если она и допустила какую-то ошибку, то только в отношении рассудка, но не сердца.

Глава Тринадцатая

Когда колокольчик прозвенел, сообщая о том, что чай готов, она спустилась вниз. Бабушка к чаю не вышла. Вирджиния послала прислугу в ее комнату, и та вернулась, чтобы сообщить, мадам Пейдж нет на месте. Спустя несколько минут в гостиной появился Роллин. Он сразу же сказал, что их бабушка уехала вечерним поездом на Юг. Роллин как раз был на вокзале, провожая кого-то из своих знакомых, и случайно встретился с бабушкой, когда та садилась в поезд. Да, она объяснила ему, почему вынуждена уехать.

Вирджиния и Роллин старались утешить друг друга, сидя за чайным столиком. Они молча переглядывались между собою. Лица их ничего не скрывали, они были чисты, хоть и печальны.

— Роллин, — сказала, наконец, Вирджиния, и впервые после его обращения к Богу до нее дошло, какая же это замечательная вещь, располагать братом, в корне изменившим свою жизнь! — ты считаешь, что я виновата? Я поступила плохо?

— Нет, дорогая, я не считаю, что ты неправа. Конечно, нам с тобой больно все это переносить. Но если ты понимаешь, что эта несчастное создание обязано тебе и своей безопасностью, и самим спасением, то ты и не могла поступить иначе. Ох, Вирджиния, ведь только подумать: все эти годы мы совершенно эгоистично наслаждались нашим прекрасным домом и прочей роскошью! И забывали о сотнях и тысячах прочих людей, подобных этой женщине. Конечно же, Иисус на нашем месте сделал бы то же, что сделала ты.

Вот так Роллин успокаивал Вирджинию. Они проговорили весь вечер. Ничто из тех чудесных перемен, что произошли в ее жизни с того момента, как она дала обет следовать Иисусу, не произвело на нее столь сильного впечатления, как перемена в жизни ее брата. Думая о Роллине, она понимала: подлинно, сей человек во Христе — «новая тварь». Все старое прошло. И вот, все в ее брате стало каким-то другим, все стало новым.

Чуть позже в их доме по вызову Вирджинии появился доктор Вест. Врач сделал все, что было в его силах для их несчастной гостьи. Девушка допилась почти до белой горячки. Самое лучшее, что могли сделать для нее сейчас, это обеспечить постоянный уход. Ей была необходима тишина и покой, не говоря о заботе и любви со стороны ее нового окружения. Лорина лежала на кровати в прекрасно убранной комнате, с висящей на стене картиной, где был изображен Христос, идущий по воде. С каждым днем безумные глаза девушки постигали частицу более глубокого смысла, чем мог отразить этот холст. Девушка вскидывала голову с подушки, будто сияясь добраться до тихой гавани, куда вел ее Господь. А Вирджиния чувствовала, как и она сама становилась ближе к Иисусу, с каждым биением своего сердца проникаясь все большей любовью к несчастной страдалнице, лежащей подле нее.

А в это самое время многие из жителей «Прямоугольника» ожидали исходов новых выборов. Их интерес был большим, чем обычно, поскольку мистеру Грею с его супругой слишком уж часто приходилось оплакивать те бедные жалкие

создания, что были не в силах противостоять соблазнам своего ужасного окружения. Борьба с этими соблазнами, как правило, изнуряла людей настолько, что они опускали руки и давали водоворотам зла затянуть себя в кипящую пучину. Подобно Лорине, новообращенные вновь оказывались в своем прежнем состоянии.

Собрания добровольцев в «Первой Церкви» после основного богослужения уже вошли в привычку. Генри Максвелл вновь входил в лекционный зал после воскресной службы, и сердце его трепетало от того энтузиазма, с которым откликались на призыв своего пастора прихожане. И вновь в рядах собравшихся не было заметно Джаспера Чейза, но все прочие были здесь, причем они, казалось, еще более сплотились с прошлого раза. Их сближало чувство сопричастности, чувство подлинного братства, которое побуждало людей доверяться друг другу. Все сходились во мнении, что дух Иисуса означал дух открытости во всем, дух честного признания своих переживаний. И потому людям казалось совершенно естественным, что Эдвард Норман спокойно излагает перед остальными добровольцами, принесшими обет, все детали внутренней жизни своей газеты.

— Не скрою, за последние три недели я потерял очень много денег. Даже не могу сейчас сказать, сколько именно. С каждым днем я теряю все больше подписчиков.

— А как ваши подписчики объясняют причины, из-за которых они не желают далее получать вашу газету? — задал вопрос мистер Максвелл. Все прочие с нетерпением ожидали ответа редактора «вечерки».

— Причин называют множество, и самых разных. Некоторые заявляют, что хотят получать газету, которая публикует все новости. Они имеют в виду и детали уголовных преступлений, и всякие сенсации, вроде скачек за Большой приз, и скандалы, и разного рода ужасы, катастрофы. Другие сетуют на прекращение выпуска воскресного приложения. Сотни подписчиков я потерял как раз из-за этого решения, хотя со многими из старых клиентов мне удалось договориться. Они получают от нас даже больше материалов в дополнительном субботнем выпуске, чем было прежде в воскресном номере. Но самый большой мой убыток — от прекращения рекламных публикаций, а также от той политики, что я посчитал необходимой вести в отношении политических вопросов. Последнее принесло мне гораздо больше потерь, чем что-либо еще. Основная масса моих подписчиков — фанатичные приверженцы нашей партии. Я могу совершенно открыто перед вами признаться, что если и далее буду придерживаться того курса, которым, как я убежден, двигался бы на моем месте Иисус, и буду обсуждать политические вопросы с независимой точки зрения, дела будут плохи. Если я продолжу судить о политике с точки зрения морали, «Ньюз» окажется не в состоянии покрывать расходы на ее издание. Впрочем, есть один фактор, от которого зависит будущее моей газеты в Реймонде.

Он остановился на минуту. В комнате сохранялась полная тишина. Особенно заинтересованной в словах Нормана выглядела Вирджиния: ее лицо просто светилось любопытством. Причем, это было похоже на интерес человека, который уже не раз задумывался над тем, что сейчас собирался сказать вслух редактор газеты.

— Этот фактор — христиане нашего города. Скажем, «Ньюз» понесла тяжелые потери из-за того, что отпали люди, особо не заинтересованные в чисто христианской ежедневной газете. Равно как и те, кто рассматривает газету чисто как поставщика разнородного материала для своего собственного развлечения. Но разве недостаточно в Реймонде подлинно верующих христиан, которые захотели бы поддержать газету, редактируемую так, как ее редактировал бы Иисус? Или же привычки членов церкви не расходятся с их потребностью в журналистике обычного рода, так что они не пожелают читать газету, если она не окажется свободной от христианских и моральных поучений? В этом собрании людей, разделяющих мои взгляды, я не хочу скрывать, что из-за недавних осложнений в бизнесе, помимо ситуации в газете, мне пришлось потерять значительную часть своих средств. Я вынужден был применять правило о возможном поведении Иисуса в отношении сделок с разными людьми, которые, в свою очередь, вовсе не руководствовались подобным принципом. В результате я лишился большой суммы денег. Насколько я понимаю принесенный нами обет, мы не собирались задавать себе вопросов: «Окупится ли это?» Напротив, все наши действия должны быть основаны на одном-единственном вопросе: «Как бы поступил Иисус?» Исходя из этого правила поведения, мне пришлось потерять практически все деньги, что я накопил благодаря существованию моей газеты. Я вовсе не обязан вдаваться в подробности. Для меня теперь не существует сомнений — того опыта, что я приобрел за последние три недели вполне достаточно — что большое количество людей непременно потеряет большие суммы денег при нынешней системе ведения дел, если будет честно придерживаться принципа о следовании Иисусу. Я говорю о своих убытках сейчас потому, что нисколько не сомневаюсь в конечном успехе ежедневного издания на тех принципах, что я недавно заложил. Для того, чтобы достичь этого успеха, я решился пожертвовать всем своим состоянием. Однако по состоянию на сегодняшний день, как я уже сказал, я не смогу продолжать выпуск газеты, если ее не поддержат своими подписками и рекламой христиане Реймонда, члены церкви и верные ученики нашего Господа.

Вирджиния тут же задала ему вопрос. Она следила за признаниями мистера Нормана с нескрываемым возбуждением.

— Вы хотите сказать, что христианская ежедневная газета нуждается в спонсировании значительной суммой денег, подобно христианскому колледжу, чтобы свести концы с концами?

— Да, как раз это я и подразумеваю. Я уже разработал планы, как буду постепенно подавать на страницах «Ньюз» столь разнообразный материал, настолько сильный и интересный, что он неминуемо восполнит собою отсутствие на своих полосах прежнего нехристианского чтения. Однако для претворения моих планов в жизнь требуются весьма значительные денежные вливания. Я абсолютно уверен, что христианский ежедневник, который одобрил бы Сам Иисус, на страницах которого будет помещаться только то, что Он Сам бы печатал, пользовался бы финансовым успехом, если все правильно спланировать. Но, повторяю, для воплощения подобных планов нужна очень крупная сумма денег.

— И какая же, вы полагаете?.. — тихо спросила Вирджиния.

Эдвард Норман бросил на нее острый взгляд, и лицо его вспыхнуло. Мысль, раскрывшая ее намерение, пронзила его душу. Он помнил ее еще маленькой девочкой, посещавшей воскресную школу, когда Норман вел дела с ее отцом.

— В таком городе, как Реймонд, для основания того издания, что мы планируем создать, потребуется, ну, скажем, полмиллиона долларов, — ответил редактор. В какую-то секунду Его голос дрогнул. На его посревшем от бессонных ночей лице промелькнуло странное выражение. Норман явно находился в некоем строгом, но чисто христианском предвкушении великих перемен в газетном мире, которое открылось ему за последнюю минуту.

— Тогда, — сказала Вирджиния, произнося это так, как будто все уже было заранее обговорено, — я готова вложить эту сумму денег, на условии, разумеется, что ваше газетное дело будет и далее вестись так же, как оно начиналось.

— Слава Богу! — мягко сказал мистер Максвелл. Норман был бледен. Все в зале смотрели на Вирджинию. Ей явно было что сказать!

— Дорогие друзья! — продолжила девушка с нескрываемой грустью в голосе. Причем, когда люди подумали, что это им показалось, ощущение грусти лишь усилилось. — Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь из вас посчитал меня излишне щедрою. Недавно я пришла к убеждению, что те деньги, которыми я располагаю, на самом деле не мои, но Божьи. И если я, будучи Его слугою, вижу какой-то разумный способ их вложения, то делаю это не из пустого тщеславия. Просто, в отличие от других людей, я оказалась способной управлять теми деньгами, что Он доверил мне использовать для Его славы. Я уже некоторое время раздумывала над этим самым планом. И дело в том, дорогие друзья, что в нашей грядущей борьбе против засилья спиртного в Реймонде — а она только лишь начинается! — нам потребуется «Ньюз». Важно иметь ее на нашей христианской стороне. Вы ведь знаете, что все прочие газеты придерживаются стороны салунов. А пока существуют эти злачные места, работа по спасению заблудших душ в «Прямоугольнике» будет вестись в неравных условиях. Что может сделать мистер Грей со своими евангелизационными собраниями, когда половина из обращенных им людей остается пьяницами, ежедневно искушаемыми наличием салунов на каждом углу? Если мы позволим «Ньюз» погибнуть, это будет равносильно сдаче врагу. Я абсолютно уверена в способностях мистера Нормана. Сама я еще не видела его планов, но разделяю его уверенность в том, что его газета будет преуспевать, если только удастся поставить это дело на более широкую ногу. Ни за что не поверю, что христианская проницательность и талантливость в журналистике может оказаться в чем-то уступающей проницательности нехристианской, даже когда речь заходит о том, чтобы добиваться финансовой окупаемости. Так что для меня самой причиной вложить мои деньги — нет, Божьи деньги! — в это мощное предприятие, служит убежденность, что так поступил бы Иисус. Даже если нам удастся удержать эту газету на плаву в течение одного года, я готова потратить эти деньги ради такого эксперимента. Не благодарите меня. Не рассматривайте мой поступок, как нечто удивительное. Что я делала с Божьими деньгами все эти годы, как не тешила свои собственные чисто эгоистичные желания? И что мне делать с оставшейся суммой, как не попытаться возместить то, что было мною украдено у Бога? Вот как я смотрю на эти вещи отныне. И я

убеждена, что так поступил бы на моем месте Иисус.

По лекционному залу прошелестела волна невидимого, но отчетливо ощутимого присутствия Божия. Какое-то время никто не проронил ни слова. Мистер Максвелл продолжал стоять перед своими прихожанами. Все лица были подняты, взгляды направлены на пастора. Все чувствовали то же, что и он: странный переход из века девятнадцатого в век первый, когда ученики Христовы имели все общее, и дух братства должен был витать между ними столь же свободно, как витал теперь в «Первой Церкви» Реймонда. Неслыханное доселе дело! Что могли знать прихожане его церкви о подобном братстве до того, как маленькая группка людей не решилась поступать так, как, по их мнению, поступал бы Иисус? Вряд ли Его стала бы заботить мысль о нынешнем мире и его окружении. О том же самом думали и все присутствующие. В людях просыпалось невыразимое словами чувство товарищества, которого они доселе не знали. Оно крепло в них с каждым новым словом Вирджинии, и никуда не ушло после того, как она замолчала. Если бы их попросили описать свои чувства, возможно, они бы ответили: «Если бы мне пришлось, по причине верности сделанному мною обещанию следовать Христу, понести в этом мире какие-то потери, встретить какие-то проблемы, то я знаю, что всегда смогу рассчитывать на практическую, подлинную помощь и симпатию со стороны каждого из христиан, находящихся в этом помещении. На поддержку со стороны тех, кто вместе со мною дал обет поступать во всем, следуя правилу, “Как бы поступил Иисус?”»

Все эти чувства в людях подчеркнула отчетливо ощутимая сила Духа. Она оказала на них такое же воздействие, какое могло оказывать на первых учеников Господа физические чудеса. Люди получали уверенность, что Господь всегда поможет им встретить любые потери и найти в себе силы для мученичества: Он даст им не только смелость, но и радость принять любые муки.

Прежде чем «добровольцы» разошлись по домам, последовал еще ряд признаний подобно тому, что сделал Эдвард Норман. Несколько молодых людей рассказали своим единомышленникам, что им пришлось лишиться работы из-за того, что они оставались верными своему обещанию. Александер Пауэрс коротко сообщил, что Комиссия их штата пообещала принять меры по сделанному им заявлению в самые короткие сроки.

Сам он вернулся к старой работе телеграфиста. Весьма примечательным выглядел тот факт, что после его добровольной отставки ни его жену, ни дочку, нельзя было встретить нигде в обществе. Никому, кроме него самого, не дано было прочувствовать всю горечь из-за случившегося отстранения семьи и непонимания родными его высоких мотивов. Впрочем, многие из учеников Христовых, присутствовавших на своем очередном собрании, столкнулись со схожими проблемами. Но это были вещи, о которых никто не смел заговорить вслух. Генри Максвелл, прекрасно знавший свою паству, практически с уверенностью мог заявить, что повиновение людей принесенному ими обету не было встречено в их семьях с сочувствием, а зачастую порождало вражду и ненависть. Воистину, враги человеку домашние его, когда принципы Иисуса находят себе подчинение в одних и неподчинение в других. Иисус является величайшим в жизни разделяющим фактором. И жить можно либо в унисон с Ним, параллельно Его жизни, либо

поперек.

Глава Четырнадцатая

Однако превыше всех прочих чувств на этом собрании было чувство единения людей друг с другом. Максвелл с волнением наблюдал за своими прихожанами, предвосхищая наступление удивительной гармонии, которая, как он понимал, еще не была достигнута. Когда настанет апогей этого единения, куда оно поведет его людей? Этого пастор не мог предсказать, но он особо об этом и не беспокоился. Со все возрастающим интересом следил он за созреванием плодов того простого обета, верность которому хранили столь разные люди. Сегодня эти плоды вкушал уже весь город; но кто сейчас возьмется гадать об изменениях, которые могут произойти в Реймонде в течение целого года?

Одним из практических результатов зародившегося братства среди давших обет людей оказалось движение в поддержку газеты Эдварда Нормана: редактор получил от своих сотоварищей то, что просил. По окончании собрания вокруг него собралась большая группа народа, и, как выяснилось, люди восприняли его призыв о помощи с полным пониманием. Действительно, значение подобного рода газеты для семей верующих, а также ее важность в деле воспитания гражданской позиции, особенно при нынешнем положении дел в их городе, трудно было переоценить. Теперь, когда его газета располагала столь щедрыми пожертвованиями, редактору оставалось лишь определить, что ему необходимо сделать в первую очередь. Однако Норман настаивал, и в этом он был прав, что одни лишь финансовые вливания еще не превращают газету в подлинную «четвертую власть». Его изданию была необходима поддержка и понимание со стороны христиан Реймонда, прежде чем можно будет считать «вечерку» одной из главных сил в городе.

Неделя, последовавшая за этим воскресным собранием, запомнилась жителям Реймонда своим небывалым возбуждением. Еще бы, это была неделя выборов! Президент Марш, оставаясь верным данному им обещанию, решил поднять свой крест. Он нес его, как и подобает мужчине, пускай и оступаясь временами, стеная и даже проливая слезы. Что и говорить, внутренне ему приходилось разрываться на части; ведь участие в политической жизни было против его убеждений, и каково было немолодому уже человеку заставить себя изменить своей спокойной жизни преподавателя! Впервые за время духовного роста со Христом он чувствовал подлинную боль и мучения: да, ничего подобного прежде на его долю не выпадало. Рядом с Маршем находилось несколько профессоров из его колледжа, также давших обет в числе прочих прихожан «Первой Церкви». Их переживания были сопоставимы со страданиями их директора, ведь и они привыкли изолировать себя от какого-либо участия в гражданской жизни. Правда и то, что и для Генри Максвелла новый опыт давался с большим трудом. Пастор с головой окунулся в отчаянную борьбу с торговцами спиртным и их союзниками, с ужасом встречая каждый новый день по мере ее развития. Нет, никогда ранее ему не доводилось нести столь тяжкий крест! Под непосильной ношей Максвелла клонило к земле, и в краткие минуты отдыха, когда он отрывался от предвыборной схватки, чтобы перевести дух в тиши своего кабинета, липкий пот выступал у него на лбу. Священник физически ощущал

страх человека, который вынужден двигаться навстречу какому-то невидимому, но вполне осязаемому ужасу. Вспоминая впоследствии об этом времени, он не мог не удивляться самому себе. Нет, Генри не был трусом, но его пугало то, что неминуемо внушало страх любому человеку подобного круга и подобных привычек. Без всякой подготовки ему пришлось столкнуться с выполнением работы в такой сфере, о которой он прежде не имел ни малейшего понятия. Он не понимал даже многих общих вещей, не говоря уже о деталях. Ответственность, к которой добавлялось чувство стыда за свою неподготовленность, ложилась на его плечи тяжким грузом.

Когда настала суббота, день выборов, возбуждение в городе достигло своего предела. Была предпринята попытка закрыть на время все салуны. Она увенчалась успехом, но лишь частично. На протяжении всего дня люди продолжали пить в пабах и на улице. «Прямоугольник» кипел, подобно растревоженному улью, сыпал проклятиями и открывал взору изумленного города свои худшие стороны. Грей продолжал свои евангелизационные собрания в течение всей недели, причем результаты превзошли все его ожидания. С наступлением решающей субботы ему показалось, что в его работе наступил решающий момент. Дух Святой и сатана спиртного, похоже, сплелись в смертельной схватке. Чем больше народа проявляло интереса в собраниях Грея, тем больше пьяниц и хулиганов околачивалось рядом с шатром. Торговцы спиртным, владельцы салунов долее не маскировали своих истинных намерений. По адресу евангелиста раздавались открытые угрозы. Однажды вечером, когда Грей с небольшой кучкой своих добровольных помощников покидал тент после очередного собрания, их встретил град камней, палок и грязи. Полиции пришлось выслать наряд, а за каждым шагом Вирджинии и Рейчел с тех пор постоянно присматривали либо Роллин, либо доктор Вест. Чудесной силы голоса Рейчел отнюдь не поубавилось. Напротив, с каждым новым вечером ее вклад в реальность присутствия Духа Божия лишь усиливался.

Вначале Грея одолевали сомнения, стоит ли проводить собрание в день выборов. Однако он решил остаться верным своему простому правилу поведения. Похоже, Дух советовал ему продолжать серию проповедей, и потому субботний вечер в «Прямоугольнике» начался обычным образом.

Возбуждение в городе достигло своего апогея после того, как в шесть часов выбора закрылись избирательные участки. Никогда еще в Реймонде не было подобного соперничества! Вопрос, о котором раньше и не задумывались, теперь стоял ребром: сохранят ли держатели салунов свою лицензию, или нет? Люди в городе еще ни разу не расходились в своих мнениях столь решительным образом. К тому же, такое неслыханное дело: президент «Линкольн Колледжа», пастор «Первой Церкви», диакон городского кафедрального собора, наряду со многими представителями интеллигенции, жившими в прекрасных домах на бульваре, лично собирались заявиться на избирательные участки, чтобы своим примером и присутствием воодушевлять христиан Реймонда, пробуждая их совесть. Привычные к борьбе на выборах политики явно опешили при виде «городской совести». Как бы то ни было, первоначальное изумление отнюдь не повлияло на их решительность. Борьба за места в муниципалитете разгоралась с каждым часом, и с наступлением шести вечера ни одна из сторон не могла с уверенностью говорить

о своей победе. Впрочем, все люди соглашались, что ни разу за всю историю местных выборов в Реймонде не разгоралось такой решительной схватки, и противники с нетерпением ждали объявления ее итогов.

Евангелизационное собрание в шатре подошло к концу около десяти вечера. Сегодняшний вечер в палатке выдался странным и в определенной степени примечательным. Максвелл, по просьбе Грея, вновь выступал с проповедью. Пастор был в конец утомлен тяжелой неделей, но просьба от благовестника поступила в такой форме, что Генри чувствовал себя не вправе отказать ему. Президент Марш также присутствовал на собрании. До этого он еще ни разу не был в «Прямоугольнике», и любопытство директора колледжа разгоралось по мере того, как он отмечал все новые свидетельства работы евангелиста в столь проблемной части города. Доктор Вест и Роллин пришли вместе с Рейчел и Вирджинией. И Лорина, которая по-прежнему жила в доме Вирджинии, села на стул рядом с органом. Чувство вины заставляло ее держаться рядом с Вирджинией, подобно верному псу, не отходящему ни на шаг от своего хозяина. На всем протяжении собрания Лорина сидела, не смея поднять головы, по временам роняя слезы. Она начала всхлипывать, когда Рейчел запела гимн «Я был заблудшею овцою». Было похоже, что Лорина едва ли не физически ухватилась за ту надежду, что звучала в голосе Рейчел: она напряженно вслушивалась в звучащие в песне слова молитвы и признания, в слова обращения к Богу. О, как это было похоже на ее собственную историю! Лорина осознавала себя «новой тварью», хотя и опасалась еще полностью признать свое право на такой поразительный дар.

Под тентом уже не было свободного места. Как ранее не раз случалось, снаружи слышался какой-то шум. Все успели к подобным вещам давно уже привыкнуть. Как бы то ни было, смятение вне шатра явно нарастало, и Грей посчитал разумным не слишком затягивать богослужение.

Раз за разом внутрь раскинутой на пустыре палатки доносились крики: судя по всему, снаружи находилась большая толпа. Люди, скорее всего, уже получили какую-то информацию о результатах выборов, и все доходные дома, ночлежки и воровские малины «Прямоугольника» опустели. Народ спешил выйти на улицы.

Несмотря на то, что внимание слушателей постоянно отвлекалось, пение Рейчел удерживало собравшихся под тентом до самого конца. Десять-двенадцать человек обратились в этот вечер к Богу. Наконец, видя, что все обеспокоены не на шутку, Грей поспешил закрыть собрание. Он еще ненадолго задержался внутри, стремясь поговорить с каждым из новообращенных.

Рейчел, Вирджиния, Лорина, Роллин с доктором, президент Марш и преподобный Максвелл вышли наружу вместе. Они намеревались дойти до обычного места, где можно было сесть в машину. Лишь только эта небольшая группа показалась на выходе из шатра, стало ясно, что весь «Прямоугольник» находится на грани пьяного мятежа. Благовестники с трудом пробивали себе путь по запруженным толпами узким улочкам. Вскоре они начали понимать, что представляют для возбужденных людей объект живейшего интереса.

— А, вот он — этот тип в высокой шляпе! Он у них главный заводила! —

загрохотал грубый голос. Президент Марш, с его высокой фигурой командира, явно выделялся в их небольшой группе.

— Ну, как там выборы? Еще рано говорить о результатах, не так ли? — громко спросил он, и какой-то мужчина ответил:

— Говорят, во втором и третьем округах почти все проголосовали против выдачи лицензий. Если это так, то торговцам спиртным хана!

— Слава Богу! Надеюсь, что это правда! — воскликнул преподобный Максвелл. — Марш, здесь мы в опасности. Вы чувствуете, как накаляется обстановка? Нужно как можно скорее доставить наших женщин в спокойное место.

— Да, это так, — мрачно согласился Марш. Но в ту же минуту на их головы обрушился град камней и разных предметов. Узкая улочка и тротуары прямо перед ними оказались заполнены наиболее опустившимися из представителей «Прямоугольника». Вид у них был явно уголовный.

— Дело принимает серьезный оборот, — обеспокоено проговорил Максвелл. Вместе с Маршем, Роллином и доктором Вестом он двинулся вперед, пытаясь проложить себе дорогу в толпе. Вирджиния, Рейчел и Лорина старались держаться рядом, прикрываемые мужчинами, до которых наконец-то дошла вся серьезность складывающейся ситуации. Весь «Прямоугольник» был пьян и казался просто взбешенным. В лице Марша и Максвелла народ видел двух лидеров предвыборной кампании, по всей видимости, лишивших людей всех радостей их любимого салуна.

— Долой аристократов! — крикнул кто-то резким голосом, скорее женщина, чем мужчина. Вслед за этим вновь полетели камни и грязь. Как впоследствии вспоминала Рейчел, Роллин выскочил прямо перед нею, получив ряд ударов в грудь и голову. Если бы он не успел ее прикрыть, скорее всего, девушка оказалась бы сбита наземь.

В ту же самую секунду, когда полиция еще не успела к ним пробиться, Лорина бросилась вперед, оттолкнув в сторону Вирджинию. Глядя куда-то вверх, девушка громко вскрикнула. Все произошло столь внезапно, что никто не успел запомнить лица того, чья рука направила в ее сторону смертоносный предмет. Из верхнего окна здания, прямо над салуном, из которого неделю назад шатаясь выходила Лорина, кто-то бросил тяжелую бутылку. Получив удар по голове, девушка рухнула на землю. Обернувшись к ней, Вирджиния тут же склонилась над подругой. К этому моменту сквозь толпу пробились полицейские.

Президент Марш высоко поднял руку, стараясь перекричать тот вой, что поднимал в пьяном угаре дикий зверь «Прямоугольника».

— Стойте! Вы убили женщину! — его крик частично отрезвил толпу.

— Неужто, правда? — воскликнул Максвелл, видя, как доктор Вест склоняется на колени рядом с Лориной, пытаясь удержать ее на руках.

— Она умирает! — коротко бросил доктор.

Лорина широко раскрыла глаза и улыбнулась Вирджинии, которая отерла кровь с лица подруги, а затем склонилась над нею и поцеловала. Лорина еще раз улыбнулась, и в следующую секунду ее душа была уже в раю.

Однако же то была лишь одна женщина из тысяч, кого убивает спиртное, это зловредное зелье. Так прочь, толпа! Отступите прочь, вы, грешные мужчины и женщины, заполнившие эту грязную улицу! Дайте пронести эти внушающие священный трепет останки сквозь ваши опешившие, протрезвевшие ряды. Она была одной из вас, таким же дитем порока. «Прямоугольник» заклеил ее чело печатью зверя. И благодарение Тому, Кто умер за грешников, что иной образ — образ новой души! — отныне сияет на ее утратившем краски лице. Прочь, толпа! Дайте нам дорогу! Дайте пронести ее с достоинством, в окружении оплакивающих свою подругу и сестру христиан. Это вы убили ее, вы, пьяные убийцы! И, однако же, однако же — о, христианская Америка! — кто убил эту женщину? Не смейте подходить! Тише, вы там! Женщина убита. Кто? Лорина. Дитя улиц. Несчастливая пьяница, погрязшая в грехе. О, Господи Боже, доколе, доколе?! Да. Это салун убил ее, а значит — христианская Америка, которая дала этому салуну лицензию. И лишь на Судном Дне будет объявлено, кто является настоящим убийцею Лорины.

Глава Пятнадцатая

«Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме».

Тело Лорины было выставлено для торжественного прощания в доме Пейджей, на центральной авеню города. Было раннее воскресное утро. Чистый весенний воздух, уже несший с собою первые ароматы цветов, распускавшихся в окрестных лесах и полях, мягко струился над гробом. Он свободно проникал в помещение через открытые в дальнем конце холла окна. В церкви звонили колокола, и люди, спешившие по авеню на богослужение, бросали любопытные взгляды на большой дом. Проходя мимо него, они живо обсуждали последние события, которые столь непредвиденным образом нарушили мирный ход жизни их города.

У кафедры «Первой Церкви» стоял преподобный Генри Максвелл, на лице которого темнели следы вчерашней потасовки. Он предстоял огромной аудитории, к которой обращался с доселе невиданным чувством и силою. Речь пастора лилась совершенно естественно, являясь следствием того, что ему довелось пережить всего лишь за день до этого. Люди вновь почувствовали нечто вроде той гордости, что ощущали раньше за полные драматизма проповеди своего священника. Однако теперь дело обстояло иначе. Прочувствованное обращение служителя к своей пастве в это утро отличалось нотками печали и недовольства. В нем даже проскакивало неприкрытое осуждение, которое заставляло многих слушателей бледнеть, внутренне обвиняя себя за предшествующую бездеятельность.

Как оказалось, Реймонд проснулся в это утро лишь затем, чтобы узнать о победе на выборах сторонников выдачи лицензии на спиртное. Слухи, взбудоражившие «Прямоугольник», что якобы на втором и третьем избирательных участках победили противники алкоголя, оказались ложными. Правда, общий перевес в голосах у победителей был весьма незначительным, но какая разница: будь их победа абсолютной, результат был бы тем же. Реймонд проголосовал сохранить отпуск спиртного в салунах еще на один год. Христиане города чувствовали себя виноватыми в таких итогах. Более сотни искренних учеников Иисуса не смогли пойти на выборы, а гораздо большее число верующих вообще голосовало в поддержку торговли спиртным. Если бы все члены церкви Реймонда единогласно выступили бы против салунов, сегодня зеленый змий оказался бы вне закона. А так — он выступал некоронованным главою их муниципалитета. Да, таковы были обстоятельства в Реймонде все прежние годы. Салун правил их городом, и никто этого даже не отрицал. «Как бы поступил Иисус?» А что сказать о той женщине, что была зверски убита тою же самою рукою, которая прежде с готовностью подливала ей виски, помогая разрушить ее земную жизнь? Перед людьми раскрывалась логическая цепочка преступлений: вот оно, последствие ужасной системы лицензирования спиртного! Еще целый год тот самый салун, что столь охотно распахивал свои объятия несчастной девушке, способствуя ее падению, и тот самый салун, из окна которого вылетела проклятая бутылка,

унесшая ее жизнь, будет держать свои двери открытыми. Неужели же благодаря тому закону, в поддержку которого вчера проголосовали верующие жители Реймонда, весь следующий год салун будет убивать сотни таких, как Лорина?!

Все это изливал Генри Максвелл в воскресной речи перед своею паствою утром на следующий день, будучи в гневе от результатов выборов. Голос его то звенел с надрывом, то дрожал, то вообще срывался. Ни мужчины, ни женщины не могли сдержать слез, слушая его проповедь. Сидевший в первых рядах президент Марш утратил свою неизменную выправку: всегда прямой, изящно одетый, самоуверенный человек, сегодня уныло уронил голову на грудь. По щекам его катились крупные слезы, и ничто в нем не напоминало прежнего Марша, заботливо следившего за тем, чтоб не выражать на людях, к тому же на публичном богослужении, никаких эмоций. Эдвард Норман сидел обок него, чисто выбритый, с высоко поднятым лицом. Однако губы его дрожали, и редактор «Ньюз» крепко сжимал край деревянной скамьи, что выдавало сильное волнение. Он глубоко переживал все, что говорил с амвона Максвелл. Ни одному из жителей города не пришлось пострадать на этой неделе от общественного мнения больше, чем Норману. И мысль о том, что сознание христиан Реймонда пробудилось к действию слишком поздно, тяжелым грузом легла на сердце редактору. Да, он чувствовал, что лично виноват в этом. О, вот если бы он начал действовать так, как действовал бы на его месте Иисус, гораздо ранее! Кто бы смог предсказать, чего бы тогда верующим удалось достичь в этом городе? А вот, во главе церковного хора, Рейчел Уинслоу, с лицом, опущенным на вырезанную из дуба перегородку. Девушка дала волю тем чувствам, которым доселе не позволяла овладеть собою. Что поделалось, случившееся так потрясло Рейчел, что после того, как мистер Максвелл закончил свою проповедь, и она попыталась исполнить соло гимн для завершения службы, голос ее сорвался. Впервые в жизни певица была вынуждена вернуться на свое место. Глотая слезы, с трудом удерживаясь от того, чтобы не разрыдаться, Рейчел села, не будучи в состоянии петь.

По всему помещению церкви, в тишине, последовавшей за этой необычной сценой, слышались сначала всхлипывания, а потом и звуки плача. Когда еще среди членов «Первой Церкви» можно было наблюдать подобное крещение слезами? Во что превратился их обычный, устоявшийся порядок службы, никогда не нарушавшийся никакими эмоциями? В нем не было места считавшемуся глупым возбуждению. Но теперь люди оказались тронуты до глубины души: сила слова прикоснулась к самим их сердцам! Они так долго старались жить поверхностными чувствами, что почти и забыли, каковы бывают глубокие колодцы настоящей жизни. Но теперь, когда воды глубокой скорби смогли прорваться на поверхность, перед верующими раскрывался подлинный смысл их послушания принесенному обету.

В это утро мистер Максвелл не просил специально никого оставаться после богослужения, чтобы присоединиться к тем, кто уже принес обет следовать во всем Иисусу. Однако после того, как основная часть аудитории покинула здание церкви, и пастор распахнул двери лекционного зала, он понял с первого взгляда, что изначальная группа его добровольцев выросла очень значительно. Их собрание получило трогательный характер. Оно вновь было отмечено присутствием Духа, и

люди преисполнились решимости начать настоящую войну против засилья зеленого змия в их Реймонде. Все желали положить конец власти виски и рома! С того первого воскресенья, когда первая кучка добровольцев решила действовать во всем так, как действовал бы на их месте Иисус, каждое из их собраний было отмечено различными импульсами и побуждениями. Сегодня же, вся сила собравшихся, похоже, оказалась направленною на достижение одной цели. Это было собрание целого ряда незаконченных молитв, признаний, и высказанного всеми желания сделать жизнь в их родном Реймонде лучше. И через речи всех, выступавших в зале для лекций, белой нитью сквозило стремление избавить их город от салуна и его ужасного проклятия.

Но если прихожане «Первой Церкви» оказались сильно взбудоражены событиями последней недели, то и «Прямоугольник» чувствовал себя по-своему неуютно. Смерть Лорины для его обитателей сама по себе не была примечательным фактом. Но то, что она так недавно успела познакомиться с людьми из «Большого города», поднимало погибшую девушку на особую высоту. Это придавало обстоятельствам ее смерти особую загадочность. Каждый из жителей «Прямоугольника» слышал о том, что тело Лорины в настоящий момент лежит не где-нибудь, а в шикарном особняке Пейджей, на центральной городской авеню. Сильно преувеличенные слухи о великолепии гроба добавляли топлива в костер разгорающихся слухов. «Прямоугольник» возбужденно обсуждал все детали предстоящих похорон. Будет ли погребение публичным? Что собирается сделать мисс Пейдж? Жившим в трущобах «Прямоугольника» людям никогда еще не доводилось чувствовать себя причастными к аристократии с бульвара — пускай и таким вот странным образом. Возможности для обсуждения подобного рода выпадали на их долю крайне редко. Грей и его жену осаждали десятки любопытных, которые пытались выпытать у них, что собираются делать новые друзья и знакомые Лорины, какие они хотят отдать ей последние почести. А знакомых в «Прямоугольнике» у нее было немало, причем среди них оказалось много новообращенных ко Христу.

Вот так и получилось, что в понедельник, когда в шатре на пустыре открылась торжественная панихида по Лорине, в палатке яблоку негде было упасть. Да и вокруг все затопили толпы любопытствующего народа. Грей с утра отправился домой к Вирджинии, и, переговорив с нею и с преподобным Максвеллом, перешел к главному вопросу.

— Вообще-то я всегда был против публичных похорон. Я и сейчас против этого, — начал Грей, чья простота была едва ли не самой главной отличительной чертой характера. Она, бесспорно, служила частью силы этого евангелиста. — Однако те несчастные создания, что были знакомы с Лориною, так сильно скорбят по ней, что просто невозможно отказать людям попрощаться с усопшей и отдать ее праху последние почести. Каково ваше мнение, мистер Максвелл? Как вы решите, так я и поступлю. У меня нет никаких сомнений, что то, как вы и мисс Пейдж полагаете поступить, будет самым правильным.

— Я чувствую так же, как и вы, — отвечал мистер Максвелл, — Вообще-то меня зачастую коробит от публичности в таких вопросах. Но здесь совершенно другое дело! Люди, живущие в «Прямоугольнике», не пойдут сюда на отпевание.

Полагаю, будет наиболее по-христиански позволить им принять участие в службе прямо в шатре. Вы тоже так считаете, мисс Вирджиния?

— Да! — сказала Вирджиния. — О, бедняжка! Я не знаю наверняка, но порою мне кажется, что она пожертвовала своей жизнью ради моей. Для нас конечно недопустимо, да мы и не допустим, чтобы это прощание превратилось в вульгарное шоу. Но пусть ее друзья получают возможность выразить свои чувства. Я не вижу в этом никакого вреда.

Итак, были сделаны все необходимые приготовления, чтобы провести отпевание под тентом. Несмотря на некоторые трудности, все шло без особых отклонений. Вирджиния с ее дядей и Роллином, сопровождаемые Максвеллом, Рейчел и президентом Маршем, а также квартетом из «Первой Церкви», отправились на пустырь. Там их глазам предстала весьма необычная сцена.

Так сложилось, что в тот день через Реймонд проезжал один известный газетный журналист. Он направлялся на совещание редакторов, проходившее в соседнем городе. Послышав о намечающемся в шатре евангелиста отпевании, этот человек отправился туда. Его описание событий, сделанное языком профессионала, привлекло внимание многих читателей на следующий день. Следующий фрагмент из его статьи стал уже неотъемлемой частью истории Реймонда:

«В большом шатре, раскинутом евангелистом, преподобным Джоном Греем в городских трущобах, известных бод названием “Прямоугольник”, состоялось уникальное, совершенно необычное прощание с покойником. В последний путь провожали женщину, которая была убита во время беспорядков на городских выборах в прошедшую субботу. Судя по всему, она недавно была обращена к Богу на одном из собраний евангелиста, и оказалась убитой при возвращении с одного из таких мероприятий. Она шла с собрания в компании своих друзей и других таких же новообращенных. Несмотря на то, что эта женщина была обычной уличной пьяницей, ее отпевание под тентом благовестника, которому я мне довелось стать свидетелем, оказалось столь же впечатляющим, как общегородские похороны какого-нибудь наиболее выдающегося гражданина.

Прежде всего, в воздухе зазвучали слова весьма изысканного гимна, исполняемого прекрасно подготовленным хором. Меня, человека постороннего в их городе, не могло не поразить присутствие в таком месте столь прекрасных голосов, которые было бы естественно ожидать услышать лишь в больших соборах или на концертах. Но самой примечательной частью их программы оказалось соло в исполнении очаровательной молодой женщины, некой мисс Уинслоу. Она, если мне не изменяет память, и была той самой молодой певицей, чей талант в свое время обнаружил Крендалл, менеджер Национальной оперы, и которая, по каким-то причинам, не приняла его предложение выйти на большую сцену. Благодаря ее превосходной манере исполнения, растроганные слушатели не могли сдержать слез уже после первых строк гимна. Разумеется, подобный эффект нельзя считать необычным для заупокойной службы, однако ее голос

безусловно является исключительно редким даром. Насколько я понял, мисс Уинслоу поет в “Первой Церкви” Реймонда, и в состоянии требовать самое высокое вознаграждение в качестве публичной певицы. Следует полагать, что мы услышим о ней в самом скором времени. Подобный голос, пробьет себе дорогу где угодно.

Да и само по себе богослужение, помимо столь выдающегося пения, было примечательным. Евангелист, мужчина непритязательного вида и подчеркнута простых привычек, сказал несколько фраз. После чего слово взял весьма импозантно выглядящий священник, преподобный Генри Максвелл, пастор “Первой Церкви” Реймонда. Мистер Максвелл говорил о том, что усопшая женщина была полностью готова к своей встрече с Господом. Однако особенно прочувствованными были его слова о том эффекте, что оказывает торговля спиртными напитками на жизни мужчин и женщин, подобных убитой. Реймонд, разумеется, будучи городом, расположенным на железной дороге, а также важным центром для перевозок в своем регионе, переполнен салунами. Насколько я понял из замечаний священника, он лишь недавно изменил свои взгляды в отношении выдачи лицензий на торговлю спиртным. Бесспорно, речь его в этом отношении была исключительно сильной, однако подобное обращение нельзя назвать уместным для отпевания.

Затем наступила, очевидно, самая волнующая часть этой панихиды. Женщины под тентом, по крайней мере, большая часть из них, находившаяся неподалеку от гроба, начали тихонько напевать “Я был заблудшею овцою”. Слезы выступили у людей на глазах. Затем, по мере продолжения этого гимна, первый ряд женщин поднялся на ноги, и они медленно пошли вдоль гроба. Каждая из них, проходя мимо тела усопшей, клала у ее ног какой-нибудь цветок. Затем они садились на место, а на смену им поднимался следующий ряд. И вновь каждая из них клала свой цветок. Все это время пение не смолкало, подобно дождю, мягко стучащему по крыше палатки при несильном ветре. То, что я видел, было весьма незатейливым, но, вместе с тем, и одним из самых сильных зрелищ за всю мою жизнь. Боковые стороны шатра были подняты вверх, так что сотни людей, которым не нашлось места внутри, могли видеть все снаружи. Они стояли тихо, будто сама смерть, поражая своим скорбным видом, которого вряд ли кто мог ожидать от людей столь грубого типа. Ко гробу подошло не менее ста женщин, и, как мне сказали, многие из них были приведены к Богу на евангелизационных собраниях лишь недавно. Я не в состоянии описать эффекта того тихого пения. Из мужчин никто не пропел ни ноты. Звучали лишь женские голоса, очень мягко, но в то же время очень отчетливо. Впечатление было потрясающее.

Панихида завершилась еще одним соло мисс Уинслоу, которая исполнила “Их было девяносто девять”. Затем благовестник попросил всех присутствующих склонить головы в молитве. Чтобы не опоздать на поезд, я был вынужден оставить собрание во время этой заключительной молитвы. Последнее, что я увидел из окна отъезжавшего экспресса, когда тот

проходил мимо железнодорожных мастерских, была огромная толпа, выходявшая из-под тента и формировавшая свои ряды, в то время как шесть женщин выносили на своих плечах гроб. Давно я уже не видел такой трогательной картины в нашей столь непоэтичной республике!»

Если похороны Лорины произвели такое впечатление на проезжавшего мимоходом человека, не будет трудным представить себе, сколь глубокие чувства они породили в душах тех, что имели непосредственное отношение к ее жизни и смерти. Никогда в «Прямоугольнике» не случилось ничего такого, что тронуло бы его обитателей так, как вид тела Лорины в этом гробу! Похоже, Дух Святой какой-то особенной силой благословил этот внешне бессмысленный прах. Известно, что в ту ночь стадо Доброго Пастыря пополнилось не менее чем двумя десятками потерянных душ, в основном, женщин, пришедших ко Христу.

Необходимо заметить, что заявление мистера Максвелла относительно того, что салун, из чьих окон вылетела оборвавшая жизнь Лорин бутылка, работал в выходной день, практически подтвердилось. Этот салун оставался формально закрытым в понедельник и вторник, когда власти продержали его владельцев под арестом, предъявив им обвинение в убийстве. Однако никаких улик против кого бы то ни было обнаружить не удалось, и еще до следующей субботы салун вновь работал, как ни в чем не бывало. Никто в этом грешном мире так и не предстал перед судом за убийство Лорины.

Глава Шестнадцатая

Никто в Реймонде, считая и жителей «Прямоугольника», не оплакивал так гибель Лорины, как Вирджиния. Она переживала ее смерть, как свою личную утрату. Та короткая неделя, что девушка провела в ее доме, распахнула сердце Вирджинии к новой жизни. Она делилась своими чувствами с Рейчел на следующий день после похорон. Девушки сидели в холле особняка Пейджей.

— Я собираюсь сделать что-нибудь со своим капиталом, чтобы помочь этим женщинам сделать их жизнь лучше, — Вирджиния бросила взгляд вглубь холла, где еще вчера лежало тело Лорины. — У меня в голове возник, как мне кажется, один неплохой план. Я говорила об этом с Роллином. Он тоже готов отдать значительную часть своих денег на это дело.

— Сколько же денег, Вирджиния, ты собираешься вложить в свое начинание? — спросила Рейчел. Прежде она никогда не задавала бы такой личный вопрос. Но сейчас говорить о деньгах казалось им таким же естественным, как о чем-нибудь еще, принадлежащем Богу.

— Я могу потратить на это, по крайней мере, четыреста пятьдесят тысяч долларов. Роллин может выделить ровно столько же. Теперь он очень сожалеет, что из-за своего расточительного образа жизни до обращения к Богу практически пустил на ветер половину того состояния, что оставил ему отец. Нам обоим не терпится возместить то, что в наших силах. «Что бы сделал Иисус с этими деньгами?» Мы хотим ответить на этот вопрос честно и разумно. Деньги, которые я собираюсь использовать для развития «Ньюз», уверена, являются таким вложением, которое мог бы совершить Он. Нам в Реймонде очень нужна ежедневная христианская газета, особенно теперь, когда приходится противостоять пагубному влиянию салунов. Такая газета необходима нам так же, как церковь или христианский колледж. Так что я уверена, что пятьсот тысяч долларов, которые мистер Норман знает, как употребить должным образом, послужат на благо Реймонда. Можно считать, что так поступил бы Иисус.

— Что касается моего второго плана, Рейчел, я бы хотела, чтобы ты приняла в нем участие. Мы с Роллином собираемся выкупить большой участок земли в «Прямоугольнике». За пустырь, на котором сейчас раскинут шатер, уже долгие годы ведется тяжба. Мы рассчитываем зарезервировать за собою это место, как только оформим на него право через суд. Я уже довольно долго рассматривала различные формы учебных заведений: поселки с проживанием студентов, а также изучала административные методы различных христианских миссий и церквей по работе в самом сердце обширных городских трущоб. Я пока не могу сказать с уверенностью, что можно будет сделать в Реймонде, какой вид работы окажется здесь наиболее полезным и эффективным. Но вот что я уже определила. На мои деньги — я имею в виду Божии деньги, которые Он хотел бы, чтобы я использовала — можно построить ночлежные дома, приюты для бедных женщин, убежища для небогатых продавщиц, обеспечив безопасным жильем множество потерянных душ, таких девушек, как Лорина. И делая это, я не желаю оставаться

просто вкладчиком своих денег. Ох, да поможет мне Бог! Я бы хотела отдать всю себя этому делу. Но, понимаешь ли, Рейчел, мне никак не дает покоя одна мысль. Ведь все то, что могут сделать самые неограниченные финансовые вливания и пусть даже самое невероятное самопожертвование людей, едва ли сможет реально улучшить то ужасное состояние, в котором находится в настоящий момент «Прямоугольник», пока там будут легально существовать салуны. Я думаю, это касается любого рода христианской деятельности, которая ведется ныне в любом большом городе. Салуны выбрасывают на улицу гораздо больше пьяниц, которых приходится спасать, чем могут вместить все миссионерские приюты.

Вирджиния внезапно встала, и начала мерить просторный холл шагами. Рейчел отвечала ей с грустью, хотя в ее голосе и звучала нотка надежды:

— Да, это так, Вирджиния. Но сколько добрых дел можно совершить с такими деньгами! И ведь салуны не смогут существовать здесь постоянно. Обязательно наступит такое время, когда христианские силы города одержат победу.

Вирджиния остановилась возле Рейчел. Ее бледное серьезное лицо просветлело.

— Я тоже на это надеюсь. Число тех, кто дал обет следовать Иисусу, все время увеличивается. Если в Реймонде окажется, скажем, пятьсот таких послушников, салунам придет конец. Но теперь, дорогая, я хочу обсудить с тобою и твою роль в моем плане по спасению «Прямоугольника». Твой голос — это большая сила. Мне в голову с некоторого времени приходит множество идей. Вот одна из них. Ты вполне могла бы организовать для девушек музыкальную школу; дать им возможность воспользоваться твоими уроками. Здесь есть несколько необыкновенных голосов, правда необработанных. Разве приходилось кому-нибудь прежде слышать такое пение, как вчера вечером? Как же чудесно пели эти женщины! Рейчел, какая прекрасная возможность! У тебя будет все самое лучшее, что только можно купить за деньги: и орган, и инструменты для оркестра. А чего только не сможет достичь музыка, когда надо привести заблудшие души к высшей, чистой и лучшей жизни!

Но еще до того, как Вирджиния кончила говорить, лицо Рейчел совершенно преобразилось, думая о деле всей ее жизни. Мысли об этом словно потоп наводнили ее сердце и разум, и поток переполнивших ее чувств излился в слезах, которые она была не в силах сдержать. Это было как раз то, о чем она мечтала сама! Предложение Вирджинии соответствовало ее собственным представлениям о том, что было, как ей казалось, самым разумным использованием ее таланта.

— Да! — воскликнула она, поднимаясь и обнимая Вирджинию за плечи. Возбужденные своей увлеченностью, девушки начали ходить по залу. — Да, я с радостью готова посвятить свою жизнь такому служению. Я уверена, что Иисус одобрил бы мой выбор. Каких только чудес сможем мы достичь, Вирджиния, имея в своих руках такое мощное средство, как посвященные на Божье дело деньги!

— Прибавь к этому священный энтузиазм, как у тебя, и мы действительно сможем добиться великих вещей, — сказала Вирджиния, улыбаясь. Но прежде,

чем Рейчел успела ей ответить, в комнату вошел Роллин Пейдж.

Молодой человек на секунду смутился, но затем, быстро пройдя через холл, хотел уж было зайти в библиотеку. Но тут Вирджиния окликнула брата, спросив его что-то о делах.

Роллин с готовностью вернулся и подсел к девушкам. И вскоре они втроем увлеченно обсуждали планы на будущее. Роллин внешне практически не выказывал смущения в присутствии Рейчел, пока с ними была Вирджиния. Единственно, его манера общения с нею была довольно сдержанной, если не сказать холодной. Прошлое, похоже, совсем отошло в тень после его чудесного обращения. Он не забыл того, что было, но, кажется, был совершенно поглощен переживаниями настоящего момента в свете задач его новой жизни. Вскоре Роллина кто-то позвал, и разговор между двумя девушками перешел на другие темы.

— Кстати, куда это пропал Джаспер Чейз? — задала, казалось бы, невинный вопрос Вирджиния, но Рейчел так вспыхнула, что подруга добавила с улыбкой, — Думаю, он пишет новую книгу. Не собирается ли он сделать тебя одной из ее героинь? Знаешь, я всегда подозревала, что в своем первом романе Джаспер Чейз именно так и поступил.

— Вирджиния, — заговорила Рейчел с откровенностью, которой всегда была отмечена их дружба, — Джаспер Чейз признался мне как-то вечером в своих чувствах. Он фактически сделал мне предложение... ну, точнее, он сделал бы, если бы я не... — Рейчел замолчала и села, опустив руки на колени. В глазах девушки стояли слезы.

— Вирджиния, мне когда-то казалось, что я его люблю, и он давал мне понять, что любит меня. Но когда он заговорил со мною, я почувствовала, что душа моя его отвергает! И я сказала ему то, что должна была сказать. Я сказала ему «нет!» Я не видела его с тех пор. Это случилось той ночью, когда в «Прямоугольнике» начались первые обращения людей к Богу.

— Я рада за тебя, — сказала Вирджиния негромко.

— Но отчего же? — спросила Рейчел, немного удивившись.

— Потому, что мне никогда на самом деле Джаспер Чейз не нравился. Он слишком холодный, и... мне не хотелось бы его осуждать, но я всегда сомневалась в его искренности, хотя он и принес обет в церкви вместе с другими.

Рейчел посмотрела на Вирджинию задумчиво.

— Моя душа никогда ему не принадлежала, я в этом уверена. Он волновал мои чувства, я восхищалась его талантом писателя. Временами мне казалось, что я в немалой степени им увлечена. Я думаю, заговори он со мною в любое другое время, я бы с легкостью убедила себя в том, что я его люблю. Но не в такой момент!

Рейчел вновь внезапно замолчала, а когда она снова подняла глаза на Вирджинию, на лице ее были слезы. Вирджиния подошла к ней, и нежно обняла девушку со столь родственной ей душою.

Когда Рейчел ушла домой, Вирджиния осталась сидеть в гостиной, размышляя над тем, какое доверие оказала ей только что ее подруга. По поведению Рейчел Вирджинии показалось, что кое-что в разговоре осталось недосказанным, но она не чувствовала себя обиженной оттого, что Рейчел открыла ей не все. Просто она для себя отметила, что на душе у Рейчел осталось нечто большее, чем та решилась ей доверить.

Вскоре в комнату вернулся Роллин, и брат с сестрой, взявшись за руки, что с недавних пор вошло у них в привычку, стали ходить взад и вперед по просторному холлу. В конце концов, их разговор как-то легко перешел на Рейчел, ибо талантливая певица занимала особое место в их планах относительно приобретаемого участка в «Прямоугольнике».

— Слышал ли ты хоть об одной подобной девушке с такими же необыкновенными дарованиями в вокальном искусстве, которая бы решила посвятить свою жизнь людям, как это собирается сделать Рейчел? Она собирается давать уроки музыки в городе, взять частных учеников, чтобы зарабатывать себе на жизнь, что позволит ей приносить пользу, делясь своей культурой и своим голосом с обитателями «Прямоугольника».

— Да, это действительно прекрасный пример самопожертвования, — ответил Роллин, слегка натянуто.

Вирджиния бросила на брата довольно резкий взгляд. — Но разве ты не находишь, что это совершенно необычный пример? Можешь ли ты представить, чтобы... — тут она перечислила с дюжину известных оперных певцов, — решился на что-нибудь подобное?

— Нет, не могу, — охотно согласился Роллин. — Я также не могу представить и мисс..., — тут он упомянул имя девушки с красным зонтиком, которая упростила Вирджинию отвезти ее с подругами в «Прямоугольник», — делающей то, что делаешь ты, Вирджиния.

— Не более чем я могла бы себе представить мистера... — Вирджиния назвала имя одного молодого человека, бывшего на первых ролях в городском бомонде, — ходящего по клубам и занимающегося тем, что делаешь ты, Роллин. — Брат и сестра в молчании достигли самого конца зала.

— Возвращаясь к Рейчел, — возобновила разговор Вирджиния, — Роллин, почему ты обращаешься к ней в такой отстраненной, сухой манере? Мне кажется, Роллин — извини, если я тебя обижу! — что ее это задевает. Тебе следовало бы держаться с ней более непринужденно. Я не думаю, что Рейчел понравилась эта перемена в твоём отношении.

Роллин внезапно остановился. Было похоже, что ее брата эти слова глубоко взволновали. Он высвободил свою руку из руки Вирджинии и прошел в конец холла в одиночку. Когда же он вернулся, держа руки за спиной, то остановился возле сестры и сказал, — Вирджиния, разве ты не знаешь мою тайну?

Вирджиния какое-то время смотрела озадаченно, затем ее лицо залила краска, свидетельствующая о том, что она догадалась.

— Я никогда не любил никого, кроме Рейчел Уинслоу! — Роллин говорил теперь довольно спокойно. — В тот день, когда она была здесь, и вы обсуждали ее отказ принять предложение концертной компании, я попросил ее стать моей женою. Прямо здесь, выйдя на улицу, на нашей авеню! Она отказала мне, как я и боялся. И она объяснила причину своего отказа, сказав, что у меня нет цели в жизни, что было до некоторой степени верно. Теперь, когда у меня есть цель, когда я стал новым человеком, разве ты не понимаешь, Вирджиния, как трудно для меня сказать ей хоть что-нибудь? Я обязан своим обращением к Богу пению Рейчел. И, однако, в ту ночь, когда она пела, я могу честно сказать, что в тот момент я не думал о ее голосе ничего другого, как лишь то, что он таит в себе Божье послание! Я уверен, что вся моя непосредственная любовь к ней лично была на время поглощена моей личной любовью к моему Богу и моему Спасителю, — Роллин помолчал немного, затем продолжил с большим чувством, — Да, я все еще люблю ее, Вирджиния. Но я не думаю, что она сможет когда-нибудь полюбить меня. — Он остановился и посмотрел своей сестре в глаза, грустно улыбаясь.

«Вот уж этого я не знаю», — подумала про себя Вирджиния. Она посмотрела на красивое лицо Роллина и заметила, что теперь из его черт практически изгладились все отпечатки прошлой разгульной жизни. Сжатые губы свидетельствовали о его мужественности и смелости, ясные глаза смотрели на нее открыто, и в его взгляде читались и сила, и утонченность. Роллин превратился в настоящего мужчину. Почему бы Рейчел не полюбить его со временем? Несомненно, эти двое очень хорошо подходили друг другу, особенно теперь, после того, как их жизненные цели были движимы одной и тою же христианской силой.

Она поделилась некоторыми из своих мыслей с Роллином, но тот нашел в них мало утешения. Когда сестра рассталась с братом после долгой беседы, у нее осталось впечатление, что тот твердо намерен продолжать избранное им дело. Роллин хотел и далее нести Благою весть одетым по последней моде молодым людям в клубах. Что же касается Рейчел, он не собирался ни избегать ее, ни преднамеренно искать встречи с нею. Роллин сомневался в том, что у него хватит сил сдерживать свои чувства. И Вирджиния прекрасно понимала, что ее брат страшится даже мысли о возможном новом отказе со стороны Рейчел, если той станет известно о неизменности любви к ней Роллина.

Глава Семнадцатая

На следующий день она отправилась с утра в офис «Ньюз», чтобы встретиться с Эдвардом Норманом. Вирджиния хотела обговорить все детали относительно ее участия в формировании нового основания для его газеты. На их встрече присутствовал и мистер Максвелл. Все трое согласились в том, что окажись Иисус на посту главного редактора ежедневной газеты, Он руководствовался бы в своем поведении теми же общими принципами, что управляли Его действиями как Спасителя мира.

— Я попытался изложить здесь на бумаге некоторые вещи, что, как мне кажется, мог бы сделать Иисус, — сказал Эдвард Норман. Он начал читать с листа бумаги, который лежал перед ним на столе. Это живо напомнило Максвеллу о его собственных усилиях придать письменный вид своим собственным концепциям того, что мог сотворить на его месте Иисус, а также о схожей попытке Милтона Райта, пожелавшего изменить свой бизнес.

— Я озаглавил это, «Как бы поступил Иисус на месте Эдварда Нормана, редактора ежедневной газеты в Реймонде?»:

«1. Он никогда бы не допустил в Своей газете никакого выражения или изображения, которое можно было бы посчитать плохим, грубым или непристойным в каком бы то ни было виде.

2. В политическом отношении Он, вероятно, ориентировал бы газету с позиций объективного патриотизма, противоположного фанатизму. Он рассматривал бы любые политические вопросы с точки зрения Царства Божия. Он воспринимал бы любые меры в зависимости от их важности для благополучия людей. То есть, с позиции “что является правильным?”, но никак не “что служит лучшим интересам такой-то или такой-то партии?” Иными словами, Он бы относился к политическим вопросам точно так же, как ко всяким другим. Он бы смотрел на них с точки зрения дальнейшего упрочения Царства Божия на земле».

Эдвард Норман ненадолго оторвался от чтения и посмотрел на присутствующих. — Как вы понимаете, это мое мнение относительно возможных выступлений Иисуса по политическим вопросам в ежедневной газете. Я нисколько не собираюсь осуждать прочих газетчиков, мнение которых о предполагаемом поведении Иисуса может в корне отличаться от моего. Все, что я делаю — пытаюсь честно ответить на вопрос, как бы поступил Иисус на месте Эдварда Нормана. И то, что я посчитал за ответы, я и записывал на этом листе.

«3. Конечной целью ежедневной газеты, если бы ее выпускал Иисус, было претворение в жизнь воли Божией. Таким образом, главной Его задачей в издании газеты было бы не делать деньги, и не добиваться политического влияния. Напротив, его первостепенной и все определяющей задачей было бы вести издание газеты таким образом, чтобы всем ее подписчикам было очевидно, что Он пытается искать прежде всего Царства Божия посредством ее выпуска. Эта цель была бы так же отчетливо выражена и так же

недвусмысленна, как цель любого священнослужителя, миссионера или любого бескорыстного мученика, несущего какое бы то ни было христианское служение.

4. Любая сомнительного рода реклама в газете была бы недопустима.

5. Отношения Иисуса с наемными работниками в газете были бы основаны только на любви».

— Объясню, как я все это понимаю, — вновь оторвался Норман от своих листков. — У меня сложилось такое впечатление, что Иисус решил бы применить на практике какую-нибудь форму кооперации, которая отражала бы идею взаимной заинтересованности людей в предприятии, где все должно устремляться вперед ради достижения единой великой цели. Я работаю как раз над таким планом, и я уверен, что этот план обречен на успех. В любом случае, стоит только привнести в подобного рода бизнес элемент личной любви к людям, устранить эгоистичный принцип работы ради личной прибыли одного человека или компании, и я не вижу никаких препятствий для того, чтобы между всеми редакторами, репортерами, наборщиками и всеми прочими, кто делает свой вклад в жизнь газеты, не стали бы развиваться отношения самой чистой и бескорыстной любви! Причем, люди будут заинтересованы не только в любви и сочувствии, но возможностью получения части прибыли от этого бизнеса.

«6. Будучи редактором ежедневной газеты в наши дни, Иисус отводил бы очень большое место для описания работы в мире христианства. Он бы отвел не меньше полосы для сообщения о фактах проводимой реформы, о социологических проблемах, о работе поместных церквей и о разнообразной деятельности различных христианских движений.

7. Он делал бы все, что только в Его силах, чтобы бороться с салуном, как с врагом человеческой расы и необязательной частью нашей цивилизации. Он делал бы это независимо от общественного мнения на этот счет, и, разумеется, нисколько не заботясь о том, как это может отразиться на количестве подписчиков Его газеты».

И в третий раз Эдвард Норман поднял взгляд от своих бумаг. — На этот счет у меня совершенно серьезное убеждение. Само собой, я не собираюсь осуждать остальных христиан, которые в наши дни редактируют газеты иного рода. Но, насколько я сам понимаю Иисуса, я уверен, что Он использовал бы влияние Своей газеты для того, чтобы полностью устранить салун из политической и общественной жизни всего государства.

«8. Иисус не стал бы выпускать воскресное приложение.

9. Он стал бы печатать лишь те мировые новости, которые людям необходимо знать. Среди тех вещей, о которых им знать не следует, и которые Он не стал бы публиковать, должны оказаться отчеты о грубых и жестоких спортивных соревнованиях, криминальная хроника, скандалы из частной жизни, и прочие события в мире людей, что каким-либо образом противоречат первому пункту, открывающему мой список.

10. Если бы Иисус имел в Своем распоряжении ту сумму денег для

вложения в газету, которою мы располагаем, Он, вероятно, постарался бы привлечь самых лучших и надежных христиан, мужчин и женщин, к сотрудничеству, рассчитывая на их вклад в дело. Это — задача для меня, и через несколько дней я покажу вам, чего я достиг.

11. Каковы бы ни были детали в газетном бизнесе, по мере развития издательства в соответствии с основным нашим планом, основополагающим принципом, руководящим газетою, останется утверждение Царства Божия в этом мире. Этот главный принцип будет обязательно влиять на все мельчайшие детали.

Эдвард Норман закончил чтение своего плана. Лицо его отражало глубокую задумчивость.

— Я всего лишь сделал некий набросок, только общие черты. У меня в голове сотня идей, как сделать газету настоящей силою, но я еще ни одной из них не продумал, как следует. А это — просто предположение. Я уже обсуждал свой план с другими газетчиками. Некоторые из них считают, что это не план развития, а сплошная сентиментальщина, так, слабенький текст для воскресной школы. Но если у меня в итоге получится воскресная школа, это будет просто замечательно! Отчего это люди, когда хотят охарактеризовать что-нибудь исключительно слабое и ничтожное, всегда приводят в качестве сравнения воскресную школу? А ведь им надлежит знать, что сегодня воскресные школы оказывают на нашу цивилизацию в этой стране очень сильное влияние, одно из самых сильных! Однако газета вовсе не обязательно должна оказаться слабою оттого, что она хорошая. Хорошие вещи гораздо сильнее плохих. И для меня вопрос состоит в том, поддержат ли нас христиане Реймонда. В этом городе не менее двадцати тысяч членов церквей. Если хотя бы половина из них будет стоять за «Ньюз», ее существование будет гарантировано. Что вы думаете, Максвелл, о возможности такой поддержки?

— Для того чтобы отвечать со знанием дела, мне не хватает опыта в таких вопросах. Сам я верю в газету всем своим сердцем. Если она просуществует хотя бы год, как мисс Вирджиния говорит, нет сомнения, уже и тогда она достигнет многого. Это какое же великое дело будет, если удастся выпускать такую газету, какую возможно выпускал бы сам Иисус! Да вложить в нее все христианское знание, всю нашу силу, весь интеллект и разум, чтобы провозглашать уважение к свободе от слепого фанатизма, от узости мышления, от всего, что противоречит самому духу Иисуса! Такая газета должна будет потребовать самого лучшего, что только может предложить человеческая мысль и действие. Величайшие умы на этом свете вынуждены были бы напрягать свои силы до предела, чтобы издавать подобный христианский ежедневник.

— Да, — смиренно отвечал Эдвард Норман. — Мне еще предстоит совершить великое множество ошибок, это несомненно. Мне потребуется очень много мудрости. Но я хочу делать так, как делал бы Иисус. «Как бы Он поступил?» Я уже задавал себе этот вопрос, и буду продолжать задавать его себе, безропотно ожидая результатов.

— Полагаю, мы все начинаем осознавать, — заговорила Вирджиния, — смысл заповеди, «возрастать в благодати и познании нашего Господа и Спасителя»

Иисуса Христа». Я уверена, что не смогу понимать всего, что мог бы сделать Он во всех подробностях, пока не буду знать Его лучше.

— Это очень верно, — согласился Генри Максвелл. — Вот, я начинаю понимать, что не буду в состоянии интерпретировать возможные действия Иисуса до того, пока не узнаю лучше Его дух, Его характер. Величайший вопрос всей человеческой жизни заключается в словах, когда мы спрашиваем себя: «Как бы поступил Иисус?» И, задавая себе этот вопрос, нам надлежит стараться отвечать на него посредством роста в познании Самого Иисуса. Мы должны познать Иисуса прежде, чем сможем подражать Ему.

Наконец между Вирджинией и Эдвардом Норманом было подписано соглашение, и редактор «Ньюз» осознал, что в его распоряжении находится сумма в пятьсот тысяч долларов. И все эти деньги предназначены на то, чтобы основать христианскую ежедневную газету! Когда Вирджиния с мистером Максвеллом ушли из редакции, Норман закрыл дверь своего кабинета, и, оставшись один перед Богом, смиренно склонился в молитве, подобно малому дитю. Как малый ребенок, главный редактор газеты просил своего всемогущего небесного Отца о помощи. Через всю его молитву, пока он оставался коленопреклоненным подле своего письменного стола, звучали слова обетования Господня: «Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, — и дастся ему». Несомненно, ответ на его молитву будет дан, и Царство Божие будет распространяться посредством этой мощной силы: силой прессы, которая за последнее время опустилась до уровня простого удовлетворения людских амбиций, алчности и корыстолюбия.

Прошло два месяца. Это время оказалось наполнено непрестанной деятельностью, которая принесла свои плоды как в городе Реймонде, так и, в особенности, в «Первой Церкви». Несмотря на наступившую жару летнего сезона, собрания после воскресных богослужений верующих, пожелавших дать обет поступать во всем, как поступал бы Иисус, продолжались все с той же энергией и энтузиазмом. Грей закончил свое миссионерское служение в «Прямоугольнике», и хотя даже самый наблюдательный человек, проезжавший через этот район, не нашел бы никаких отличий от его прежнего состояния, в жизни сотен его жителей произошли действительные перемены. Увы, салуны, притоны с азартными играми и бандитские малины никуда не делись, по-прежнему располагаясь рядом с лачугами нищих обитателей «Прямоугольника». Пороки переполняли это злачное место, манили к себе людей; и новые жертвы быстро занимали места тех, кто был спасен благодаря проповеди евангелиста. Дьявол восполнял убыль в рядах своих приверженцев с завидной быстротой.

Генри Максвелл так и не поехал за границу. Вместо этого, он взял все деньги, что скопил для своего путешествия, и организовал на них летний отдых для целой семьи, жившей в «Прямоугольнике». Этим людям прежде еще никогда не удавалось выехать за пределы трущоб, где они привыкли коротать свои дни. Пастору «Первой Церкви» не забыть той недели, что он провел с семьей бедняков, подготавливая их поездку. Он оказался в «Прямоугольнике» в очень солнечный день, когда ветхие постройки не давали их обитателям практически никакого укрытия от дневной жары. Максвелл помог людям добраться до

железнодорожного вокзала, а затем отправился вместе с ними в прекрасное место, расположенное на берегу океана. Там, расположившись в уютном домике гостеприимной верующей хозяйки, ошеломленные обитатели городских джунглей впервые в жизни смогли ощутить морской воздух. Холодный и соленый, он словно омолаживал легкие, наполняя их свежестью. Люди с восторгом вдыхали ароматы, доносившиеся из находившегося на берегу соснового бора: им казалось, что воистину начинается новая жизнь.

В этой семье было четверо детей, один из них — совсем младенец, еще не отнятый от груди матери. Отец семейства, долго пробывший без работы, признался позднее Максвеллу, что несколько раз оказывался на грани самоубийства. Мужчина всю поездку провел с малышом на руках, и лишь когда Максвелл, устроив их семью на новом месте, стал собираться назад в Реймонд, подошел, чтобы пожать пастору руку. Слезы душили взрослого мужчину, и, в конце концов, он, к немалому смущению священника, разрыдался. Жена этого бедняги, сильно потрепанная жизнью женщина, выглядела гораздо старше своих лет. За год до этой поездки она потеряла сразу троих из своих детей, ставших жертвами свирепствовавшей в «Прямоугольнике» эпидемии гриппа. Она всю дорогу молчаливо наслаждалась открывавшимися в окно вагона видами. Казалось, женщина восхищенно упивается и небом, и океаном, и полями, которыми проносился их поезд. Все это казалось ей каким-то чудом. Максвелл же, возвратившись домой в Реймонд в конце этой недели, с особенным трудом переносил удушающую жару: ведь он уже успел, пусть и ненадолго, вдохнуть освежающего морского воздуха. Тем не менее, он благодарил Бога за ту радость, свидетелем которой ему довелось стать. Пастор со смиренным сердцем вернулся к несению своего послушнического креста, познав, возможно, впервые в своей жизни, этот ни с чем не сравнимый вкус принесенной им жертвы. Нет, ему еще никогда не доводилось лишать себя летнего отдыха, когда он уезжал прочь от реймондской жары, не особо задумываясь, действительно ли он нуждается в отдыхе или нет.

— Собственно говоря, — пояснял Генри в ответ на расспросы его прихожан, — я не считаю, что мне так уж нужен отпуск в это время года. Я хорошо себя чувствую, и предпочитаю оставаться здесь. — Пастор с облегчением вздыхал про себя, довольный, что ему удалось скрыть от всех, кроме его жены, то участие, что он принял в судьбе семейства из «Прямоугольника». Он чувствовал, что нуждается в подобного рода поступке, который не следует выставлять напоказ, и для которого не нужно искать одобрения окружающих.

Итак, в Реймонде наступило лето, а Генри Максвелл продолжал возрастать в познании своего Господа. Прихожане его «Первой Церкви» по-прежнему ощущали на себе силу Духа. Максвелл поражался, с каким постоянством пребывает Он на их общине. Пастор прекрасно понимал, что с самого начала лишь присутствие Духа хранит его церковь от разногласий, которые неминуемо должны были проявиться после первых же результатов следования примеру Иисуса. Даже и сейчас среди тех, кто не решился дать обет послушания, было много таких, кто относился к новому движению среди прихожан так же, как и миссис Уинслоу. Они считали, что сам характер обета свидетельствует об излишне фанатичном толковании

христианского долга, и хотели бы, чтобы жизнь их церкви поскорее возвратилась в свое старое нормальное русло. Тем не менее, все, принесшие обет, находились под сильным влиянием Духа, равно как и сам пастор. В это лето он нес свое служение в приходе с особым увлечением, продолжая встречаться с железнодорожными рабочими, как и обещал просившему его Александру Пауэрсу. С каждым днем глубина познания Генри Максвеллом своего Учителя все увеличивалась.

После продолжительного периода жары в начале августа выдался денек, принесший в город немного прохлады. Солнце стояло в зените, когда Джаспер Чейз подошел к окну своей квартиры в большом доме на центральной авеню и выглянул наружу.

На столе его лежала внушительных размеров пачка исписанных листов бумаги. С того самого вечера, как он разговаривал с Рейчел Уинслоу, он больше не встречался с нею. Его особенно чувствительная натура — чувствительная до столь крайней степени, что любого рода неуступчивость могла вывести Джаспера из себя — вынудила его надолго изолировать себя от людей. Привычки, свойственные писателю, лишь усиливали его уединенность.

Весь период летней жары он продолжал работать над рукописью. Его новая книга была практически завершена. Все силы молодого человека ушли на создание этого романа, он работал, не покладая рук, боясь, что ненадежная муза может оставить его в любую минуту. О, без вдохновения он окажется в абсолютной беспомощности! Он не забыл о принесенном им вместе с другими членами «Первой Церкви» обете. По мере того, как продвигалась его работа над романом, вопрос, «Поступил бы так Иисус?», постоянно всплывал в его мыслях. Тысячу раз с тех пор, как Рейчел отказала ему, Джаспер Чейз переспрашивал себя: «Стал бы Иисус так делать? Стал бы Он писать этот роман?» Это был чисто светский роман, написанный в том стиле, что уже снискал себе популярность. Никакой иной цели, кроме услады воображения читателя, он не имел. В моральном отношении суть этой книги нельзя было назвать дурною, но нельзя было ее и посчитать подлинно христианскою. В этом плане в ней не было ничего положительного. Джаспер Чейз знал, что такого рода романы должны хорошо продаваться. Он был прекрасно осведомлен о тех силах, которые лелеяло и предпочитало уважать великосветское общество. Как бы поступил Иисус? Джасперу казалось, что Иисус никогда не стал бы писать подобную книгу. Роковой вопрос вновь и вновь втавал перед ним в самое неподходящее время. Молодой человек раздражался от этой навязчивой фразы. Пример Иисуса, как писателя, был слишком идеалистичным. Разумеется, Иисус мог бы использовать Свою власть и силу, чтобы написать что-то полезное, что-то важное, имеющее какую-то цель. Ради чего же он, Джаспер Чейз, пишет свой роман? Как, да ведь практически любой писатель пишет ради одного: ради денег, денег, да еще ради славы, как писателя! Для него не было секретом, что он пишет свой новый роман именно с этой целью. Он не был беден, и потому искушение писать ради денег не было для него критическим. Однако жажда славы Джаспера Чейза по своей силе, не могла сравниться ни с каким другим чувством. Он обязан создавать такого рода чтиво! Ох, но как же поступил бы Иисус? Неужели ему придется нарушить принесенный обет? «Но так ли уж много значит этот обет?» — спрашивал себя Джаспер. Этот вопрос досаждал ему даже больше,

чем гордый отказ Рейчел.

В то время, пока Джаспер Чейз стоял у окна, из дверей ночного клуба напротив вышел Роллин Пейдж. Джаспер обратил внимание на его красивое лицо и благородную осанку, когда тот двинулся вниз по улице. Писатель подошел к своему столу и перевернул несколько страниц. Затем он вновь вернулся к окну. Роллин уже прошагал до следующего квартала, и рядом с ним шла Рейчел Уинслоу! Должно быть, Роллин нагнал ее по дороге, когда та возвращалась от Вирджинии.

Джаспер проследил за двумя силуэтами, пока те не растворились в толпе спешащих прохожих. После чего он возвратился за стол и начал писать. Он работал весь день, до самого вечера, и закончил последнюю страницу последней главы своего романа, когда совсем стемнело. «Как бы поступил Иисус?» Джаспер Чейз дал ответ на этот вопрос, отвергнув своего Господа. Его комнату окутал мрак. Да, он сознательно выбрал свой путь, подталкиваемый постигшим его сегодня разочарованием и утратой.

«Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия».

Глава Восемнадцатая

«Что тебе до того? Ты иди за Мною».

В тот послеполуденный час, когда Джаспер Чейз стоял у своего окна, глядя на улицу, Роллин начал спускаться по авеню, совсем не думая о Рейчел Уинслоу и не ожидая ее где-нибудь встретить. Но вдруг, свернув на центральную улицу города, он едва не столкнулся с Рейчел. От этой внезапной встречи сердце юноши едва не выпрыгнуло из груди. Теперь он шагал рядом с девушкой, наслаждаясь выпавшим на его долю счастливым мгновением. Роллин вновь чувствовал радость от этой земной любви, которую ему никак не удавалось изгнать из своей жизни.

— Я только что виделась с Вирджинией, — сказала Рейчел, — та говорит, что улажены практически все формальности для передачи прав собственности на участок в «Прямоугольнике».

— Так оно и есть! Слушания в суде были довольно утомительны. Вирджиния, наверное, показывала вам все свои строительные планы, чертежи и спецификации?

— Да, мы просмотрели их великое множество. Меня поражает, откуда только удастся Вирджинии взять все эти идеи относительно новой работы!

— Вирджиния многое читала про Арнольда Тойнби, о работе в лондонском Ист Энде, равно как и о благотворительной деятельности церкви в Америке. Она теперь знает больше, чем некоторые из профессионалов, несущих свое служение в трущобах. Она провела почти все лето в поисках информации. — Роллин почувствовал себя более непринужденно, когда разговор пошел о предстоящей им благотворительной работе. Это общая тема казалась вполне безопасной.

— Где вы пропадали все лето? Я почти вас не видела! — спросила вдруг Рейчел. При этом ее лицо залилось горячим румянцем, словно девушка испугалась, что ненароком выказала к Роллину слишком большой интерес, или же выдала свое действительное сожаление, что не встречается с ним чаще.

— Да занят был... — смутился в ответ и Роллин.

— Так расскажите мне обо всем подробнее, — настаивала Рейчел, — вы говорите так мало. Имею ли я право на такой вопрос?

Девушка спрашивала очень откровенно, обернувшись к своему спутнику. Ее глаза излучали неподдельный интерес.

— Да, конечно, — отвечал он с вежливой улыбкой. — Впрочем, я сомневаюсь, что в состоянии рассказать вам много. Я пытался найти какой-то подход к тем людям, которых я некогда знал, и убедить их вести более полезный образ жизни.

Вдруг он остановился, словно испугавшись продолжать дальше. Но Рейчел

не осмеливалась нарушить внезапно возникшую паузу.

— Я принадлежал к тому же самому кругу, что и вы с Вирджинией, — продолжил Роллин немного погодя. — Я дал обещание поступать во всем так, как, мне кажется, поступал бы Иисус, и, пытаясь найти ответ на этот вопрос, я и начал делать свою работу.

— Но вот этого я и не могу понять! Да, Вирджиния рассказывала мне об этом. Я очень рада от одной только мысли, что вы стараетесь сохранить свое обещание вместе с нами. Но что вы можете сделать с мужчинами, завсегдатаями ночных клубов?

— Вы задали мне прямой вопрос, и мне придется на него теперь ответить, — отвечал Роллин, вновь улыбаясь. — Знаете, после той ночи в шатре, ну, вы помните, — Роллин говорил торопливо, и его голос слегка дрожал, — я спросил себя, какой целью я должен теперь задаться в своей жизни, чтобы искупить ее, чтоб успокоить свою совесть в отношении моего понимания ученика Христова? И чем больше я об этом думал, тем больше меня влекло в ту сферу, где, как мне представлялось, я и должен нести свой крест. Разве вам никогда не приходило в голову, что из всех заброшенных существ в нашей социальной системе никто так не обделен вниманием, как легкомысленные молодые люди, которые заполняют клубы и растрачивают там свое время и деньги, как некогда делал и я? Церкви заняты бедными несчастными созданиями, подобными обитателям «Прямоугольника», они прилагают какие-то усилия, чтобы охватить рабочих, у них большая клиентура среди средних слоев населения, они направляют средства и миссионеров зарубеж, к язычникам. Но праздная светская городская молодежь, посетители клубов, предоставленные самим себе, не входят в их планы и не охвачены христианизацией. И, тем не менее, нет ни одной группы людей, которая бы нуждалась в этом более! Я сказал себе: «Я знаю этих людей; их хорошие и дурные стороны. Я был одним из них. Я не гожусь для того, чтобы достучаться до сердец обитателей “Прямоугольника”. Я не знаю их. Но, мне кажется, я мог бы, возможно, оказать влияние на некоторых молодых людей и юношей, привыкших просто тратить деньги и время». Когда я спрашивал себя, как спрашивали себя и вы, «Как бы поступил Иисус?», таким мне виделся ответ. Вот, где тот крест, что мне предстоит нести.

Роллин произнес эту последнюю фразу очень тихо, Рейчел с трудом расслышала его сквозь уличный шум. Но она понимала сердцем все, что он говорил. Девушке хотелось расспросить его о методах его работы. Но она не знала, как это лучше сделать. Ее интерес к его планам был больше простого любопытства. Роллин так сильно изменился! Это был уже не тот светский молодой человек, что еще недавно делал ей предложение. Разговаривая с ним, Рейчел не могла избавиться от ощущения, будто перед нею совершенно новый человек, лишь недавно с ней познакомившийся.

Они свернули с авеню, и пошли вдоль по улице, которая вела к дому Рейчел. Это была та самая улица, где Роллин однажды спросил Рейчел, почему она не может полюбить его. Оба они внезапно смутились, проходя по этому месту. Рейчел не забыла тот день, и Роллин не мог его забыть. Наконец, девушка

прервала долгое молчание, решившись спросить о том, чему она раньше не могла подобрать слов.

— В своей работе с завсегдатаями клубов, со своими старыми знакомыми, как они к вам относятся? И какой вы используете к ним подход? Что они говорят в ответ на ваши слова?

Роллин почувствовал облегчение, когда Рейчел заговорила. Он быстро ответил, — Ну, это зависит от человека. Многие из них думают, что я «с приветом». Я сохраняю свое членство в клубах, и пользуюсь, таким образом, хорошей репутацией. Я стараюсь вести себя разумно и не провоцировать ненужную критику. Но вы были бы очень удивлены, узнав, как много молодых людей уже ответило на мой призыв! Вы не поверите, но несколько ночей назад не меньше дюжины мужчин совершенно искренно и серьезно были вовлечены в разговор на религиозные темы. Какую же радость я испытывал, видя, что некоторые из них решили оставить свои дурные привычки и начать новую жизнь! «Как бы поступил Иисус?», продолжал я спрашивать себя. Ответ приходит не скоро, ибо я не быстро прихожу к пониманию своего пути. Одну вещь я могу сказать точно. Мужчины в клубах перестали ругаться друг с другом, стесняясь меня. Я думаю, это хороший признак. И еще одно: мне кажется, удалось заинтересовать некоторых из них в той деятельности, что намечается в «Прямоугольнике», и когда она начнется, они готовы оказать определенную помощь, чтобы сделать эту работу более действенной. И вдобавок ко всему прочему, мне удалось удержать несколько юных созданий от пагубного пристрастия к азартным играм.

Роллин говорил с оживлением. Его лицо преображалось под воздействием увлеченности предметом, превратившимся в часть его настоящей жизни. Рейчел вновь отметила сильный, мужественный тон его речи. Со всем этим, девушка видела, какая глубина лежит за новым обликом Роллина. С какой внутренней серьезностью нес он бремя своего креста! И при всем при том, нес он его с несомненной радостью. Когда Рейчел, наконец, заговорила, ее побуждением было воздать должное как самому Роллину, так и его новой жизни.

— Помните, как я укоряла вас когда-то за то, что у вас не было цели в жизни? — спросила Рейчел, и ее милое лицо показалось Роллину еще прекрасней, чем обычно, когда он, справившись со своими эмоциями, решил, наконец, взглянуть на нее. — Я хочу сказать, вернее, я чувствую необходимость выразить... в общем, нужно отдать вам справедливость: я горжусь вашей смелостью и вашей верностью обещанию, которое вы дали. И горжусь тем, как вы понимаете это обещание. Жизнь, которую вы ведете, это достойная жизнь!

Роллин весь дрожал. Его возбуждение было слишком сильным, чтобы сдерживать его под контролем. Рейчел не могла не заметить этого. Какое-то время они шли молча. Наконец, Роллин сказал, — Благодарю вас. Не могу передать, как для меня было важно это услышать. — На мгновение он посмотрел ей прямо в глаза. Девушка прочла в этом взгляде всю его любовь к ней, но вслух Роллин ничего не сказал.

Когда они расстались, Рейчел, придя домой, села в своей комнате, опустив

голову на руки. Она думала про себя: «Я начинаю понимать, что это значит — быть любимой благородным мужчиной! В конце концов, я несомненно буду любить Роллина Пейджа. О, что я говорю! Рейчел Уинслоу, неужели ты забыла...»

Она поднялась на ноги, и начала ходить взад и вперед по комнате. Девушка была глубоко взволнована. Как бы то ни было, она отдавала себе отчет в том, что чувства ее не были ни сожалением, ни печалью. Каким-то образом в душе у нее образовалась огромная новая радость. Она вступала в новый круг переживаний. И чуть позже, тем же вечером, Рейчел уже ликовала в сильнейшем восторге: даже в этом кризисе ее личных переживаний находится место для нее, как для последователя Христа! Разумеется, ее любовь была лишь частью следования Христу, поскольку, если она начинала любить Роллина Пейджа, то начинала любить мужчину-христианина. А другой никогда бы не смог подвинуть ее на столь большие перемены.

И Роллин, возвратившись домой, вновь ощутил проблеск надежды, утраченной им в тот самый день, когда Рейчел сказала ему «нет». Окрыленный новой надеждою, юноша окунулся в работу в черед сменяющихся дней, и никогда еще не был он так успешен в обращении и спасении своих старых знакомых, как после этой случайной встречи с Рейчел Уинслоу.

Меж тем, лето закончилось, и Реймонд снова ежился от надвигающихся зимних холодов. Вирджинии удалось осуществить часть своего плана по «захвату «Прямоугольника»», как она это называла. Однако возведение на приобретенном участке домов и превращение унылого пустыря в живописный парк, что, разумеется, входило в ее изначальные планы, было задачей слишком большой для решения в столь короткий период бабьего лета, после того как удалось уладить все вопросы с оформлением прав на собственность. И все же, миллион долларов в руках у человека, искренне желающего распорядиться деньгами так, как распорядился бы ими Иисус, может совершить поистине потрясающие чудеса! Ведь все делалось для людей, причем в самые сжатые сроки. И Генри Максвелл, проходя как-то в послеполуденный час по бывшему пустырю с группой рабочих из железнодорожных мастерских, был поражен, как много оказалось сделано для благоустройства приобретенного участка.

Однако по пути домой его посетили весьма тяжкие мысли, и всю дорогу пастору не давал покоя вопрос, как бороться с этим наваждением — салунами, которые все время попадались ему на глаза. Ведь сколько всего уже было сделано для этого «Прямоугольника», в конце-то концов?! Даже учитывая работу Вирджинии и Рейчел, как и благовестие мистера Грея, можно ли сказать в действительности, что удалось достичь какого-то видимого результата? Разумеется, убеждал себя Генри, искупительная работа началась, и она поддерживается Святым Духом и чудесными проявлениями Его могущества в «Первой Церкви» и на собраниях в шатре, оказавших определенное влияние на жизнь Реймонда. Но, проходя мимо многочисленных салунов, священник не мог не обратить внимания на толпы входящих и выходящих людей. И когда он смотрел на эти отвратительные притоны и ловил на бесчисленных лицах мужчин и женщин и детей столько же грубости и убожества, нищеты, страдания и

деградации, как обычно, ему становилось дурно от этого вида. Хватит ли миллиона долларов для очищения этой выгребной ямы, спрашивал себя Максвелл. Не оставался ли этот живой источник почти всех человеческих страданий нетронутым, несмотря на все их усилия облегчить их? Источник неиссякаем, благодаря тому, что салуны продолжают свою убийственную, но вполне законную деятельность. Что может сделать даже такое бескорыстное следование Христу, как сподвижничество Вирджинии и Рейчел, чтобы уменьшить этот поток пороков и преступлений, пока самый источник этого потока остается таким же глубоким и сильным, как всегда? Не повернется ли вся их работа лишь непрактичной тратой прекрасных жизней этих молодых женщин, которые сами бросили себя в земной ад, когда на каждую спасенную их самоотречением душу салун будет производить еще не меньше двух, нуждающихся во спасении?

Нет, пастор не мог уйти от этого вопроса. Той же проблемы коснулась и Вирджиния в своем разговоре с Рейчел, заявляя, что, по ее мнению, никаких действительно долговременных результатов нельзя будет достичь в «Прямоугольнике» до тех пор, пока там не будут закрыты все салуны. Генри Максвелл вернулся в этот вечер к своей пастырской работе с еще большей убежденностью в необходимости принятия каких-то действий для лишения салунов лицензий.

Но если салуны были проблемой городской жизни Реймонда, они в не меньшей степени были проблемой и для «Первой Церкви» и ее небольшой группы послушников, давших обещание следовать Иисусу. Генри Максвелл, находившийся в самом центре этого движения, не мог судить о его мощи так, как кто-нибудь со стороны. Но горожане Реймонда чувствовали его прикосновение к себе различными путями, порой, даже не осознавая подлинных причин происходивших изменений.

Зима закончилась, закончился и год — год, объявленный Генри Максвеллом тем сроком, в течение которого группа добровольцев дала обет поступать, сообразуясь с возможными поступками Иисуса. То воскресенье, день рождения памятного всем начинания, годовщину которого теперь отмечали прихожане «Первой Церкви», оказалось самым знаменательным днем, какой только можно было припомнить в ее стенах. Тот день определенно стал более важным, чем послушники обета имитировать Христа — члены «Первой Церкви» — могли предполагать. За год события развивались столь быстро и столь решительно, что люди не успевали порой оценить их значимость. И сам день, знаменовавший завершение целого года послушания принесенному ими обету, был отмечен такими откровениями и признаниями, ценность которых была неведома непосредственным участникам событий, как не могли они понять и значения совершенной ими работы для прочих церквей и городов их страны.

Так получилось, что за неделю до годовщины достопамятного события в Реймонд приехал преподобный Кальвин Брюс, доктор богословия из Чикаго, где он нес служение пастора в Церкви на Назарет-Авеню. Этот священник заехал навестить каких-то своих старых друзей, и по случаю заглянул к Генри Максвеллу, с которым учился некогда в семинарии. Он присутствовал на праздничном богослужении в «Первой Церкви», причем оказался одним из самых внимательных

и заинтересованных зрителей. Пожалуй, письмо этого человека о событиях в Реймонде, и в особенности о прошедшем воскресенье, может пролить гораздо больше света на сложившееся в городе положение, чем любой другой источник.

Глава Девятнадцатая

[Письмо преподобного Кальвина Брюса, доктора богословия, пастора Церкви на Назарет-Авеню в Чикаго, преподобному Филипу А. Кэкстону, доктору богословия из Нью-Йорка].

«**М**ой дорогой Кэкстон! Сейчас уже глубоко за полночь, но я и подумать не могу о том, чтобы уснуть, настолько я переполнен тем, что мне довелось увидеть и услышать в течение этого воскресного дня. Не могу не поделиться с тобою своими впечатлениями, и спешу обрисовать ситуацию в Реймонде, которая, по моему мнению, достигла сегодня своей кульминационной точки. Это — единственная причина для столь обстоятельного письма, что я пишу тебе в такой поздний час.

Конечно же, ты помнишь Генри Максвелла по семинарии. В последний раз, когда мы виделись с тобою в Нью-Йорке, ты, кажется, говорил, что не видел его с тех пор, как мы закончили учебу. Как ты знаешь, Генри всегда отличался утонченным вкусом и был способным студентом, и после того, как его через год по окончании семинарии пригласили на место священника в “Первую Церковь” Реймонда, я сразу сказал своей жене: “Реймонд сделал хороший выбор. Максвелл не разочарует своих прихожан как проповедник”. Он занимает этот пост уже одиннадцать лет, и, насколько мне известно, еще год назад он вел все служение самым привычным образом, к немалому удовлетворению своих прихожан. Его проповеди собирали немалую аудиторию. Его церковь считалась самой большой и самой богатой из всех церковных общин в Реймонде. Все сливки общества собирались именно к нему, и большинство из них были членами его церкви. Хоровой квартет славился своим пением, особенно его сопрано, мисс Уинслоу, о которой стоит рассказать особо. В целом, у меня сложилось впечатление, что Максвелл был очень доволен своим местом, с очень высокой зарплатой, приятным окружением, не очень обременительным приходом, состоящим из образованных, состоятельных и почтенных прихожан, — к слову сказать, о такой церкви и таком приходе мечтали едва ли не все молодые люди нашей семинарии. Его церковный хор, выступавший квартетом, славился своею музыкой, при этом в нем выделялось его сопрано, мисс Уинслоу, о которой я обязан буду рассказать тебе особо. В общем, насколько я сумел понять, корабль Максвелла находился на причале во вполне уютной гавани: пастор с приличным жалованьем, в прекрасном окружении. Приход не слишком требовательный; общество утонченное, люди по большей части состоятельные и уважаемые. О такой церкви и таком приходе в наше время мечтали почти что все молодые выпускники семинарии!

Но сегодня исполнился ровно год с того дня, как Максвелл под конец своей утренней воскресной службы обратился ко всем желающим из членов своей церкви с удивительным предложением: дать обязательство ровно год не совершать никаких действий, не задав себе вопрос: “Как бы поступил Иисус?”, и искренне

ответив на этот вопрос, действовать затем так, как, по их мнению, поступил бы Иисус, не взирая на то, каковы для них могут быть последствия.

Эффект от этой инициативы, которая была подхвачена многими членами его церкви, оказался столь значительным, что, как ты знаешь, к этому движению сегодня приковано внимание всей страны. Я называю это “движением”, потому что исходя из того, что было предпринято на сегодняшнем богослужении, весьма вероятно, все то, что делалось и достигалось в реймондской церкви, станет отныне достоянием других церквей, и послужит причиной переворота в методах, и особенно в новом понимании христианского ученичества.

В первую очередь Максвелл поделился со мною тем, что его самого поразили тот отклик, который он получил на свое предложение. Некоторые из самых видных членов его церкви дали обет руководствоваться в своих поступках своим представлением о возможных действиях Иисуса. Среди них был и Эдвард Норман, главный редактор местной “Дэйли Ньюз”, вызвавшей такой ажиотаж в мировых новостных изданиях. И Милтон Райт, один из ведущих бизнесменов Раймонда; и Александер Пауэрс, чье участие в процессе “железные дороги против федерального коммерческого кодекса” послужило причиной большого переполоха около года назад. Также и мисс Пейдж, одна из самых богатых наследниц в реймондском бомонде, которая, насколько я знаю, пожертвовала всем своим состоянием на нужды ежедневной христианской газеты и реформаторскую деятельность в беднейшем районе Реймонда, известном под названием “Прямоугольник”. Тут и мисс Уинслоу, чья слава певицы теперь приобрела всенародную известность, которая, оставаясь верной своему обещанию во всем следовать Иисусу, посвятила свой талант бескорыстному служению среди девушек и молодых женщин, являющихся в основном представителями самой худшей и всеми заброшенной части городского населения.

Кроме всех этих хорошо известных людей, к изначальной группе добровольцев постепенно присоединялись и другие христиане из “Первой Церкви”, а позднее и представители других церквей Реймонда. Большая часть этих добровольцев, давших обет следовать Иисусу, является представителями различных “обществ стремления”. Молодые люди заявляли, что уже дали в своем обществе обет, в котором был задействован подобный же принцип, выраженный следующими словами: “Я обещаю Ему, что я буду стремиться делать то, чего бы Он ни пожелал, чтобы я совершил”. Это не совсем то, что предлагал Максвелл. Его предложение заключалось в том, чтобы послушник пытался поступать так, как возможно поступил бы на его месте Иисус. Но результат честного следования той или иной клятве, считал он, должен получиться одинаковым, и его не удивило то обстоятельство, что значительную часть его группы составила христианская молодежь из местного “Общества стремления”.

Предвижу твой первый вопрос, который ты уже готов мне задать: “К какому же результату привела эта попытка? Что было достигнуто и как это отразилось на обычной жизни церкви или городского сообщества?”

Ты уже кое-что знаешь по сообщениям из Реймонда, которые обошли почти всю страну, о происходивших там событиях. Но нужно приехать сюда и своими

глазами увидеть перемены в жизни людей и особенно перемены в церковной жизни, чтобы составить себе представление о том, что же все-таки означает идти “по следам Иисуса” в буквальном смысле. Чтобы поведать тебе обо всем, нужно написать целый роман или серию рассказов. Я не располагаю талантом для осуществления подобной идеи, но постараюсь дать тебе общее представление о происходящем из того, что я узнал от своих друзей и от самого Максвелла.

Клятвенное обещание в “Первой Церкви” произвело двойственный эффект. С одной стороны, оно привнесло подлинный дух христианского братства, которого, по словам Максвелла, никогда прежде в его приходе не наблюдалось. Это христианское братство к его изумлению достигло сейчас в “Первой Церкви” почти такого уровня, на каком, по его представлениям, оно могло быть во времена ранней, апостольской церкви. С другой стороны, этот обет разделил членов его общины на два различных лагеря. Те, кто не ответил на призыв Максвелла, расценивают поведение остальных, как нелепые и слишком буквальные попытки имитировать поступки Иисуса. Часть из них отошла от церкви, и вообще перестала там появляться, или даже прекратили свое членство у Максвелла, официально перейдя в другие церкви. Некоторые из таких людей являются причиной внутрицерковных разногласий, и я даже слышал кое-какие разговоры, что они пытались убрать Максвелла с его поста. Впрочем, не знаю, насколько эта группа в его церкви сильна. Могу сказать, что она непрестанно сдерживается необыкновенной духовной силой, которая стала проявляться с того первого воскресенья, когда был дан обет. С другой стороны, их удерживает и то, что многие видные члены их церкви теперь ассоциируются с этим движением.

На самого Максвелла этот обет произвел потрясающий эффект. Я слышал его проповедь в Собрании нашего штата четыре года назад. Тогда на меня произвела большое впечатление драматическая манера его чтения проповеди — талант, о котором, похоже, он и сам был хорошо осведомлен. Текст его проповеди был прекрасно написан, и пестрил тем, что у нас в семинарии студенты называли “изящными цитатами”. Воздействие такой речи на среднего прихожанина можно было бы назвать “приносящим удовольствие”. Сегодня утром я вновь слушал, как Генри Максвелл проповедует. Я слушал в первый раз после того случая, и просто обязан рассказать тебе об этом подробнее. Теперь это совершенно другой человек! Передо мною стоял священник, явно переживший некий глубокий кризис. Он объясняет мне, что этот перелом в его сознании — просто новое определение христианского послушничества. У Генри определенно поменялись многие из его старых привычек, как и многие прежние представления. Его отношение к вопросу о салунах коренным образом изменилось с прошлого года: оно теперь прямо противоположное! И все его взгляды на свое служение как священника, на свою проповедническую деятельность и приходскую работу, претерпели, на мой взгляд, полные изменения. Насколько я могу понять, движущая им идея заключается в том, что христианство в наше время должно представлять собою более буквальное имитирование Иисуса, в особенности в отношении страдания. В ходе нашей беседы он неоднократно цитировал мне слова из Послания Петра: “Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его”. И, кажется, он совершенно убежден, что нашим церквям сегодня больше всего на свете недостает какого-то элемента страдания ради Иисуса

— страдания с радостью, в том или ином виде. Я пока не могу сказать, что готов с ним согласиться полностью; но, дорогой мой Кэкстон, какое удивительное влияние оказывают плоды его идеи на этот город и эту церковь!

Ты спросишь, что же до достижений тех людей, которые принесли этот обет, и пытались честно его исполнить? Эти результаты, как я уже упоминал, являются частью их личной истории, и я не в состоянии раскрыть их тебе во всех подробностях. Но о некоторых из них я вполне могу рассказать, чтобы ты смог увидеть, что эта новая форма послушничества не просто сентиментальность или эффектная поза.

Возьмем, к примеру, случай с мистером Пауэрсом, управляющим мастерскими железнодорожной компании по грузопассажирским перевозкам в их городе. Когда он начал давать свидетельские показания, обличающие железнодорожную компанию, он лишился своего места, более того, как я слышал от своих реймондских друзей, его семья и общественное положение настолько изменились, что он и его близкие не появляются больше на публике. Они выпали из общественного круга, где занимали прежде столь видное положение. Кстати сказать, Кэкстон, в связи с этим мне стало понятно, почему комиссия штата по какой-то причине приняла решение о приостановлении деятельности железнодорожной компании, и теперь ходят слухи, что в ней будет введено принудительное управление. Президент компании, который, согласно свидетельским показаниям, данным Пауэрсом, оказался главным обвиняемым, был снят с должности. Проблемы, возникшие у компании после этого, похоже, действительно доведут дело до введения принудительного управления через суд. Между тем, Пауэрс вернулся к своей прежней работе телеграфного оператора. Я встретил его вчера в церкви. Он произвел на меня впечатление человека, которому, как и Максвеллу, пришлось пережить душевный переворот. Мне почему-то подумалось, что он был бы хорошим материалом для церкви первого столетия, когда у учеников все было общим.

Или возьмем случай с мистером Норманом, редактором местной газеты “Дэйли Ньюз”. Он рискнул всем своим состоянием, поступая так, как, по его мнению, поступил бы на его месте Иисус. Не побоявшись возможного банкротства, он революционизировал общую политику газеты. Вот, посылаю тебе вчерашний выпуск “Ньюз”. Хочу, чтобы ты прочел его внимательно. На мой взгляд, это одна из интереснейших и самых замечательных газет, когда-либо выпускавшихся в Соединенных Штатах. Конечно, его газету можно критиковать, но то, чего простой человек сумел достичь в этом направлении, просто не поддается критике! Говоря в целом обо всем этом предприятии, которое совершенно не вписывается в обычную концепцию ежедневной газеты, я был просто потрясен результатами. Мистер Норман поделился со мной, что “Дэйли Ньюз” начинает приобретать все больше читателей среди верующих жителей его города. Он совершенно уверен в конечном успехе своей газеты. Обрати внимание на его передовицу, затрагивающую финансовые вопросы, а также на статью о грядущих городских выборах, на которых снова будет обсуждаться вопрос о выдаче лицензий на торговлю спиртным. Обе статьи — о самом важном, с его точки зрения. Он говорит, что никогда не приступает к написанию своей

передовицы, как, фактически, и ни к одной из своих редакторских обязанностей как главного редактора газеты, не задав себе сначала вопроса: “Как бы поступил Иисус?” И результат, несомненно, очевиден.

А вот еще одна интересная личность: бизнесмен Милтон Райт. Этот человек, как я слышал, так преобразовал свою торговлю, что никто в Реймонде не пользуется такой любовью как он. Его собственные служащие и работники выказывают к нему такое расположение, которое никого не может оставить равнодушным. Зимой, когда он лежал дома тяжело больной, десятки его клерков добровольно дежурили у его постели, оказывая любую возможную помощь, и возвращение босса в его магазин было отмечено яркими проявлениями настоящих чувств. Все это оказалось результатом привнесения в бизнес определенного элемента личной любви. И эта любовь — не просто слова. Сам бизнес ведется по принципу кооперации, основанном не на покровительственном поощрении подчиненных, но на реальном совместном участии в прибылях всего предприятия. Посторонние люди на улице смотрят на Милтона Райта, как на человека со странностями. В действительности, однако, несмотря на то, что он потерпел значительные убытки по некоторым направлениям, он укрепил свой бизнес, и сегодня пользуется уважением и считается одним из наиболее успешных коммерсантов в Реймонде.

Или возьмем, к примеру, мисс Уинслоу. Эта девушка решила посвятить свой огромный талант бескорыстному служению в городских трущобах. Она планирует открыть музыкальную школу для бедных, где будут хоровые и вокальные классы. О, она так увлечена этой идеей, полностью отдавая себя ей! Вместе со своей подругой, мисс Пейдж, они собираются использовать музыку для того, чтобы поднять дух несчастных людей, находящихся на самом дне городской жизни. Я еще не настолько стар, дорогой мой Кэксон, чтобы романтическая сторона жизни интересовала меня меньше, чем трагизм ситуации, в которой оказались многие бедные люди в Реймонде. И я должен тебе сказать, что здесь все только и говорят о том, что будущей весной мисс Рейчел Уинслоу собирается замуж за брата мисс Пейдж. Он был некогда известным клубным кутилой и заводилой местного бомонда, но обратился к Господу во время одного из богослужений в шатре, в котором его будущая жена принимала активное участие. Я не знаю всех подробностей этого небольшого романа, но могу себе представить, какую можно было бы написать историю, и как она взволновала бы читателя, если бы мы только могли узнать ее всю.

Это лишь несколько иллюстраций, дающих тебе представление о достижениях некоторых людей, сохранивших верность принесенному ими обету. Я еще собирался рассказать тебе о президенте “Линкольн Колледжа” Марше. Он выпускник моей альма-матер, и я немного общался с ним, когда сам учился на последнем курсе. Президент Марш принял активное участие в недавних выборах в муниципалитет, и его влияние в городе может оказаться решающим фактором в грядущих выборах. Он произвел на меня впечатление, как впрочем, и все другие последователи начатого Максвеллом движения, как человек, столкнувшийся с нелегкой задачей. Ему пришлось взять на себя определенное реальное бремя, сопряженное с безусловным самопожертвованием и страданием, о котором Генри

Максвелл говорит. И это страдание со временем не проходит, но, напротив, только усиливается, оказываясь и причиной положительной и практической радости».

Глава Двадцатая

«**Р**искну продолжить свое письмо, хотя, вероятно, я тебя уже изрядно утомил. Не могу удержаться, чтоб не поделиться с тобой захватывающими впечатлениями, поток которых не ослабевает на протяжении всего моего пребывания здесь. Хочу рассказать тебе немного о сегодняшнем собрании в “Первой Церкви”.

Как я уже писал выше, мне довелось послушать, как Максвелл проповедует. По его убедительной просьбе я встал вместо него за кафедру в прошлое воскресенье, а сегодня я в первый раз слушал его проповедь с тех самых пор, как он выступал на Собрании штата четыре года назад. Его проповедь этим утром была так не похожа на его прежнюю проповедь, что у меня создалось впечатление, словно это проповедовал человек с другой планеты. Я был глубоко потрясен. Знаешь, в одном месте я даже прослезился. Сидящие рядом со мною тоже были тронуты до слез. Текст его проповеди оказался на тему: “Что тебе до того? Ты иди за Мною”. Это был самый впечатляющий, крайне необычный и волнующий призыв, обращенный к христианам Реймонда, подчиниться учению Иисуса и следовать за Ним, вне зависимости от того, как могут поступать другие. Я не могу даже изложить тебе план проповеди, это было бы слишком долго. По окончании основного богослужения состоялось очередное собрание, ставшее уже отличительной особенностью “Первой Церкви”. В этом собрании участвовали все, давшие обет подражать своим поведением Иисусу. Время проходило в дружеском общении, взаимных признаниях, вопросах, как бы мог поступить Иисус в том или ином особом случае, и молитвах о том, чтобы Святой Дух руководил поведением каждого из послушников.

Максвелл попросил меня прийти на это собрание. Ничто, за всю мою жизнь священнослужителя, не производило на меня столь сильного впечатления, Кэкстон, как это собрание! Никогда прежде я не чувствовал такого могущественного присутствия Духа. Это был вечер воспоминаний и самого нежного братства. Мои мысли непреодолимо обращались к первым годам христианства. Во всем этом было нечто такое, что было подлинно апостольским по своей простоте и имитации Христа.

Я задавал там вопросы. Один из моих вопросов, похоже, вызвавший больший интерес, чем все остальные, касался границ послушнического самопожертвования в отношении личной собственности принесших обет. Максвелл ответил мне, что никто из них пока что не истолковывал дух Иисуса таким образом, чтобы бросить все свое земное имущество, раздать свое богатство. Они не воспринимают Его характер так, чтобы подражать христианам из монашеских орденов вроде Святого Франциска Ассизского. Однако между ними существует единодушное соглашение, что если любой ученик почувствует, что Иисус в его конкретном случае поступил бы именно так, тогда на этот вопрос может быть только один ответ. Максвелл признает, что у него не сформировалось пока что точного представления относительно возможных действий Иисуса, когда дело касается ведения домашнего хозяйства, распоряжения богатством или

позволения себе некоторой роскоши. Как бы то ни было, достаточно очевидно, что многие из этих послушников, стараясь подражать Иисусу до крайних пределов своих возможностей, не обходились без финансовых потерь. В этом плане им нельзя отказать ни в решительности, ни в последовательности.

Нужно сказать, что некоторые из давших обет подражать Иисусу бизнесменов, действительно потеряли, следуя своему обещанию, немалые суммы денег. А многие другие, как, например, Александер Пауэрс, лишились своего высокого положения из-за невозможности продолжать делать то, что они обычно делали, чувствуя несовместимость этих действий с тем, что сделал бы на их месте Иисус. В связи с этими случаями мне приятно сообщить тебе, что многим из тех, кто пострадал подобным образом, была оказана материальная поддержка теми, у кого еще оставались средства. В каком-то отношении, я думаю, не будет преувеличением сказать, что у этих принесших обет послушников все общее. Поистине, таких сцен, свидетелем которых я стал этим утром на собрании после службы в “Первой Церкви”, я никогда не видел — ни в моей церкви, ни в какой другой. Я и не задумывался, чтобы подобное христианское братство могло существовать на этом свете в наше время! До сих пор не могу поверить своим собственным глазам, что все это происходит в конце девятнадцатого столетия, в нашей Америке!

Но теперь, дорогой мой друг, я перехожу к настоящей причине этого письма, к основной сути задачи, стоящей передо мною в связи с событиями в “Первой Церкви” Реймонда. Перед самым концом собрания Максвелл затронул вопрос об объединении всех послушников-христиан в нашей стране. Мне думается, Максвелл решился на этот шаг после долгих размышлений. Он поделился со мной об этом накануне, когда мы обсуждали, какой эффект может оказать его движение на церковь в целом.

“Почему бы, — сказал он, — не предложить церковным прихожанам по всей стране принести такой обет, и жить, следуя ему! Какой переворот это могло бы сделать в христианстве! Да, почему бы нет?! Разве это каким-то образом выходит за рамки долга последователя Христова? Действительно ли христианин следует Иисусу, если он по собственной воле не делает этого? И разве испытание послушничеством сегодня менее актуально, чем во времена Иисуса?”

Не знаю, что предшествовало или сопутствовало его мысли о том, что необходимо сделать за пределами Реймонда, но сегодня эта идея вылилась в план по созданию содружества всех христиан Америки. Церквям через их пасторов будет предложено сформировать сообщества послушников по типу того, что существует сейчас в “Первой Церкви”. Из числа огромной армии членов христианских церквей в Соединенных Штатах будут призываться добровольцы для вступления в круг людей, уже давших обет поступать так, как поступал бы на их месте Иисус. Максвелл особо остановился на том, какой реальный эффект это общее дело может оказать на проблему салунов. Он очень серьезно обеспокоен этой проблемой. Он признавался мне, что для него нет сомнений в том, что сторонники салунов должны быть разбиты на грядущих выборах в Реймонде. Если это произойдет, они смогут с определенной смелостью продолжать искупительную работу, начатую местным евангелистом и теперь подхваченную послушниками из

его собственной церкви. Если же салуны снова одержат победу, это будет ужасным ударом, и, как считает Максвелл, будет означать бессмысленность всех жертв, понесенных христианами. Но как бы ни отличались наши мнения на этот счет, он убедил свою церковь, что пришло время объединиться с другими христианами. И если “Первой Церкви” удалось добиться таких перемен в обществе и своем окружении, церковь в целом, объединенная в подобное содружество — не по вероисповеданию, но по поведению всех своих членов — несомненно, должна пробудить и всю нацию к лучшей жизни и новому пониманию того, что означает быть последователем Христа.

Это замечательная идея, Кэкстон, но именно она приводит меня в замешательство. Я не отрицаю, что ученик Христа должен следовать по Его стопам так близко, как попытались делать это здесь, в Реймонде. Но я не могу не задумываться о том, что может произойти, если я предложу это в своей церкви, у себя в Чикаго! Я пишу тебе это письмо под впечатлением глубокого и священного прикосновения ко мне Духа, и я признаюсь тебе, мой старый друг, что не могу назвать в своей церкви и дюжины видных предпринимателей или представителей интеллигенции, которые могли бы согласиться на подобное испытание, поставив под угрозу все, что им дорого. Да и найдутся ли такие люди в твоей церкви? Что мы должны будем ответить Реймонду? Что наши церкви не смогут вынять призыву: “Придите и пострадайте”? Неужели наши с тобою представления о христианском ученичестве ошибочны? А может быть, мы обманываемся, и нас вовсе не ждет неприятное разочарование, если мы предложим своим прихожанам принести такой обет со всей серьезностью? Реальные результаты данного здесь, в Реймонде, обета, достаточны, чтобы привести в недоумение любого священника, и в то же самое время они вызывают страстное желание увидеть подобное в своем собственном приходе. Скажу тебе честно, я никогда не встречал церкви, так примечательно благословенной Духом, как эта. Но! готов ли я лично принести такой обет? Я задал себе этот вопрос честно, и меня страшит, каким может оказаться честный ответ на него. Я прекрасно понимаю, что мне придется очень сильно изменить свою жизнь, если я дам обет следовать по стопам Его столь буквально. Долгие годы я называл себя христианином. В последние десять лет я наслаждался жизнью, в которой было относительно мало страданий. Честно говоря, моя жизнь была далека от стоящих перед нашим муниципалитетом проблем, и меня мало касались заботы бедных, убогих и покинутых всеми людей. Чего может потребовать от меня послушание такого рода обязательству? Я затрудняюсь с ответом. Моя церковь богата, она полна преуспевающих, довольных жизнью людей. Под стандарты их понимания христианского ученичества, как мне известно, не подпадает желание пострадать или потерпеть личные убытки. Я говорю: “Как мне известно”. Но тут я могу и заблуждаться. Да, может быть, я ошибался, когда избегал затрагивать глубины их внутренней жизни. Кэкстон, друг мой, я делюсь с тобою своими самыми сокровенными мыслями. Ужели я должен в следующее воскресенье, когда я вернусь к своей пастве, подняться перед своими прихожанами в нашей большой городской церкви и сказать им: “Давайте следовать Иисусу точнее; давайте идти по следам Его, чтобы нам это стоило немного более чем это стоит нам сейчас! Давайте дадим обещание не делать ничего, не задав себе сначала вопроса о том, как бы поступил Иисус”? Если я выступлю перед ними с такой

речью, это будет выглядеть для них странно, и приведет их в недоумение. Но почему? Разве мы не готовы следовать Ему до конца? Что означает быть последователем Иисуса? Что означает подражать Ему, повторять Его? Что может значить “идти по следам Его”?»

Преподобный Кальвин Брюс, доктор богословия, пастор чикагской Церкви на Назарет-Авеню, выпустил из рук свое перо, дав ему упасть на стол. Он оказался на перепутье двух дорог, и стоявший перед ним вопрос, как ему виделось, был вопросом для многих и многих священнослужителей, как и для церкви вообще. Брюс подошел к окну, и распахнул его. На него давило бремя собственных мыслей, и он чувствовал, что почти задыхается в душном воздухе комнаты. Ему хотелось посмотреть на звезды и ощутить дыхание этого мира.

Ночь была необыкновенно тиха. Часы на «Первой Церкви» только что пробили полночь. Когда их мелодичный звон закончился, его слуха достиг чей-то сильный и чистый голос со стороны «Прямоугольника». Он словно бы доносился оттуда на каких-то сияющих крыльях.

Это был голос одного из давно уже обращенных Греем, ночного сторожа с упаковочных складов. Этот человек привык скрашивать часы своего одиночества несколькими строками из знакомого гимна:

«Ужели должен Иисус
Один свой крест нести?
Ну, нет, для каждого — свой груз,
Чтоб несть его в пути!»

Преподобный Кальвин Брюс отошел от окна, и после некоторых раздумий преклонил свои колени. «Как бы поступил Иисус?» Это была ноша, которую он возносил в своей молитве! Никогда еще так полно не предавался он Святому Духу, желая узнать волю Иисуса. Кальвин Брюс долго не вставал с колен. В эту ночь сон его был беспокойным, с частыми пробуждениями. Он поднялся с постели, когда только начинало светать, и снова открыл окно. Брюс смотрел на поднимающееся с востока солнце, все время повторяя: «Как бы поступил Иисус? Должен ли я следовать по Его стопам?»

Заря занималась над городом, солнце заливало его своими яркими лучами. О, когда же наступит рассвет нового послушничества, триумф тех учеников, что будут стремиться в точности повторять Иисуса? Когда же христианство, наконец, пойдет след в след по той дороге, что Он для него проторил?!

«...Таким путем Владыка шел,
Ужель рабу сей путь оставить?»

С этим вопросом, отчаянно пульсирующим в его сознании, преподобный Кальвин Брюс, доктор богословия, возвратился в Чикаго. Ему еще только предстояло пройти через серьезнейший внутренний кризис, который неизбежно затронет основы христианской жизни этого священнослужителя.

Глава Двадцать первая

«Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел».

Субботний дневной концерт в чикагском «Аудиториуме» только что закончился, и, как обычно, толпа ринулась к своим экипажам. Люди расталкивали друг друга, каждый хотел попасть в свою карету первым. Капельдинер «Аудиториума» выкрикивал их номера. Дверцы экипажей громко хлопали, в то время как лошадей подгоняли к обочине, и продрогшие от долгого ожидания на сыром восточном ветру возчики едва удерживали их. Им не терпелось поскорее влиться в поток отъезжавших экипажей. И в самом деле похожий на реку поток карет на несколько минут погружался под железнодорожную эстакаду, прежде чем вылиться на широкую авеню.

— Теперь, номер шестьсот двадцать четыре! — выкрикнул капельдинер. — Номер шестьсот двадцать четыре! — повторил он, и к обочине подъехала великолепная упряжка вороных лошадей, впряженных в карету с монограммой «Цэ-Эр-Эс», сияющей позолоченными буквами на дверной панели.

Две девушки вышли из толпы и приблизились к карете. Старшая уже заняла свое место, и капельдинер придерживал дверь для младшей, которая замешкалась на обочине.

— Ну же, Фелиция! Чего ты ждешь? Я продрогну до смерти! — донесся голос из кареты.

Девушка торопливо отколола от своего платья букетик английских фиалок и протянула его маленькому мальчику, который стоял, дрожа от холода, на самом краю тротуара, почти под ногами лошадей. Мальчик взял цветы, изумленно взглянув на нее и невнятно буркнув, «Спасибо, леди!», тут же погрузил свое весьма чумазое лицо в благоухающий букет. Девушка поднялась в карету, дверь захлопнулась с резким звуком, какой бывает у прекрасно сделанных экипажей такого рода, и спустя несколько мгновений их кони уже неслись по одному из бульваров. Кучер правил упряжкой со знанием дела.

— Вечно ты делаешь какие-нибудь странности, не то, так другое, Фелиция! — заметила девушка постарше, когда карета мчалась уже во весь опор мимо ярко освещенных роскошных особняков.

— Я? Что же такого странного я сделала сейчас, Роза? — спросила другая, поднимая глаза и поворачиваясь к своей сестре.

— Как, а отдать букет фиалок тому мальчишке?! Глядя на него, я бы сказала, что он больше нуждается в плотном горячем ужине, чем в твоих цветах. Удивительно, как ты еще не пригласила его к нам домой! Я бы не удивилась и такому поступку. Ты всегда делаешь такие странные вещи.

— Чего же тут странного, пригласить мальчика, подобно тому, к нам домой и угостить его ужином? — спросила Фелиция совсем тихо, как будто обращаясь

сама себе.

— «Странно», конечно, не то слово, — ответила Роза равнодушно, — Скорее подойдет слово «outré», как говорит в таких случаях мадам Блан. Да, вот уж точно, outré. Надеюсь, ты не станешь приглашать его или других таких же на горячий ужин, потому что я навела тебя на эту мысль. О, дорогая! Как же я ужасно устала!

Она зевнула, а Фелиция, не отвечая, устремила свой взор в окно дверцы кареты.

— Концерт был какой-то глупый, а скрипач — просто зануда! Не понимаю, как тебе удалось просидеть так смиренно все представление! — воскликнула Роза слегка раздраженно.

— Мне понравилась музыка, — тихо ответила Фелиция.

— Да тебе все нравится! Я еще не встречала девушки с таким неразвитым критическим вкусом.

Фелиция слегка покраснела, но промолчала в ответ. Роза зевнула опять, и стала напевать мелодию из популярной песенки. Вдруг она оборвала пение и вздохнула: — Мне тошно почти от всего. Надеюсь, хоть «Сумерки Лондона» сегодня будут восхитительны.

— «Сумерки Чикаго», — прошептала Фелиция.

— «Сумерки Чикаго»?! «Сумерки Лондона»! — это же та пьеса, грандиозная драма с чудесными декорациями, что вот уже два месяца хит сезона в Нью-Йорке. Знаешь, у нас заказана на сегодня ложа с семейством Делано.

Фелиция повернулась к сестре. Ее огромные карие глаза были очень выразительны, в них сверкали искорки какого-то скрытого жара.

— Вот, однако же, мы никогда не рыдаем над реальными вещами, происходящими в настоящей жизни. Как могут сравниться «Сумерки Лондона» на сцене с сумерками Лондона или Чикаго в реальной жизни? Почему нас не восхищают вещи такие, какие они есть на самом деле?

— Потому что в действительности люди — грязные и неприятные, и мысли о них доставляют слишком много беспокойства, я так считаю, — беззаботно бросила Роза, — Фелиция, ты никогда не сможешь переделать этот мир. Какой тебе от этого прок? Мы не относимся к числу тех, кто виноват в людских бедах и на кого им следует сетовать за свою бедность и нищету. В мире всегда были бедные и богатые, и так будет всегда. Мы должны быть благодарны уже за то, что сами богаты.

— Подумай, что сказал бы на это Христос! — продолжала Фелиция с необычной для нее настойчивостью. — Помнишь проповедь доктора Брюса несколько воскресений назад? Вот на этот стих: «Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою»?

— Я достаточно хорошо ее помню, — прервала ее Роза с некоторым

раздражением, — И разве не доктор Брюс постоянно повторяет, что не может быть никакого осуждения тем людям, кто располагает богатством, если они добры и помогают беднякам к нужде? И я уверена, что сам он весьма уютно устроился. Он никогда не откажется от своих роскошеств только потому, что некоторые люди страдают от голода. И какая была бы польза, если бы он себе отказывал? Опять скажу тебе, Фелиция, что в мире всегда будут богатые и бедные, как бы мы этому ни противились! С тех пор, как Рейчел Уинслоу написала тебе о тех странных вещах, что случились у них в Реймонде, ты постоянно огорчаешь всю нашу семью. Люди не могут все время жить на такой высокой ноте, на пределе своих возможностей! Вот увидишь, наверняка Рейчел оставит свои затеи в самом скором времени! Как жаль, что она отказалась приехать в Чикаго, ведь она получила предложение выступить с концертами в «Аудиториуме». Я собираюсь написать ей, чтоб убедить ее изменить свое решение. Ах, мне просто до смерти хочется услышать, как она поет!

Фелиция отвернулась к окну и больше ничего не отвечала. Проехав два квартала, целиком состоявших из частных особняков величественного вида, их карета свернула на широкую подъездную аллею под крытой галереей. Через полминуты обе сестры уже поспешно поднимались по ступеням своего дома. Это было элегантно строение из серого камня, обставленное внутри, как дворец. Каждый угол особняка был украшен великолепными картинами или скульптурами. Убранство их дома соответствовало самым высоким степеням современного изыска.

Владелец всего этого, мистер Чарльз Р. Стерлинг, стоял возле открытого камина, наслаждаясь тонким ароматом дорогой сигары. Он сколотил свое состояние на сделках с зерном и различных рискованных операциях с железнодорожными компаниями. Ходили слухи, что его капитал перевалил за два миллиона долларов. Его жена приходилась сестрой миссис Уинслоу из Реймонда. Уже несколько лет она была прикована к инвалидному креслу. Две дочери, Роза и Фелиция, были их единственными детьми. Розе шел двадцать второй год. Эта белокурая, живая девушка, получившая образование в престижном колледже, лишь недавно вышла в свет, но душа ее уже оказалась слегка отравленною цинизмом и безразличием. Этой юной леди, как говорил ее отец, было очень трудно угодить, ее настроение временами было игривым, а временами угрюмым. Сестре ее было всего девятнадцать. Фелиция обладала южным типом красоты, чем немного напоминала свою кузину, Рейчел Уинслоу. Ей были свойственны пылкие и щедрые порывы, постепенно пробуждавшиеся в истинно христианские чувства. Они выражались с разного рода экспрессивностью, которая постоянно ставила в тупик ее отца и служила предметом беспокойства для матери. И в мыслях, и в поступках их младшей дочери отражался огромный нераскрытый потенциал, о котором она имела пока лишь смутное представление. В характере Фелиции было нечто такое, что позволило бы ей с легкостью справиться с любыми условиями жизни, если бы только девушке представилась свобода действовать в соответствии со своими убеждениями.

— Тебе письмо, Фелиция, — сказал мистер Стерлинг, протягивая дочери конверт.

Фелиция села, с нетерпением вскрывая письмо. — Это от Рейчел, — сказала она, извлекая лист бумаги.

— Ну, какие там последние новости, в Реймонде? — спросил мистер Стерлинг, вынимая свою сигару изо рта и глядя на Фелицию прищуренным взглядом, словно желая изучить ее.

— Рейчел пишет, что доктор Брюс пробыл в Реймонде две недели, и, кажется, его очень заинтересовал обет, который предложил мистер Максвелл в «Первой Церкви».

— А что пишет Рейчел про себя? — спросила Роза, лежа на кушетке. Сестра Фелиции буквально утопала во множестве элегантных диванных подушек.

— Она по-прежнему поет в их «Прямоугольнике». После прекращения собраний под тентом она перешла петь в старый холл. Те новые здания, которыми занимается ее подруга Вирджиния Пейдж, пока еще не приведены в порядок.

— Я должен написать Рейчел, чтобы она приехала в Чикаго и погостила у нас. Ей не стоит зарывать свой талант в этом железнодорожном городишке, жители которого не могут по достоинству оценить ее голос.

Мистер Стерлинг стал раскуривать новую сигару, а Роза добавила:

— Рейчел такая странная! Со своим голосом она могла бы покорить весь Чикаго, если бы согласилась выступать в нашем «Аудиториуме». А она растрчивает свой дар на людей, которые даже не понимают того, какой великолепный голос им выпало слышать!

— Рейчел не поедет сюда, если не сможет одновременно с поездкой оставаться верной принесенному ей обету, — сказала Фелиция после небольшой паузы.

— Какому еще обету? — переспросил мистер Стерлинг, но тут же добавил: — А-а-а, знаю! Да-да! Вот ведь странная вещь: этот Александер Пауэрс когда-то был моим другом. Мы вместе обучались телеграфному делу в одной и той же конторе. Он наделал много шума, когда вышел в отставку и начал давать показания комиссии, следящей за соблюдением Федерального коммерческого закона. А теперь он снова вернулся на телеграф. За минувший год в Реймонде случилось немало необычных событий. Интересно, что думает обо всем этом доктор Брюс. Надо бы поговорить с ним о его поездке в Реймонд.

— Он сейчас дома, и завтра выступит с проповедью, — сказала Фелиция, — Возможно, он нам расскажет что-нибудь об этом.

Все помолчали с минуту. Затем Фелиция неожиданно сказала вслух, как будто бы просто произнесла свои мысли, обращаясь к некоему невидимому слушателю: «А что, если он предложит дать такой же обет и прихожанам Церкви на Назарет-Авеню?»

— Кто? О чем это ты? — немного резковато спросил ее отец.

— Да о докторе Брюсе! Мне интересно, что будет, если он выступит в нашей церкви с предложением, с таким же, с каким мистер Максвелл обратился к

своему приходу, и спросит, есть ли среди нас желающие дать обещание не делать ничего, не задав себе сначала вопроса: «Как бы поступил Иисус?»

— Нам это не угрожает, — сказала Роза, поспешно поднимаясь с кушетки, в то время как зазвенел звонок к чаю.

— Это очень непрактичное движение, на мой взгляд, — коротко заметил мистер Стерлинг.

— Насколько я поняла из письма Фелиции, реймондская церковь собирается расширить идею со своим обетом применительно к другим церквям. Если это им удастся, то, безусловно, большие перемены грянут как в церквях, так и в жизни людей, — пояснила Фелиция.

— Ну, хорошо, давайте сначала выпьем чаю! — предложила Роза, направляясь в столовую. Ее отец и младшая сестра последовали за нею. Чаепитие происходило в полном молчании. Миссис Стерлинг попросила подать чай в ее комнату. Мистер Стерлинг выглядел очень озабоченным. Он почти ничего не ел, и, извинившись, поднялся из-за стола очень рано. Несмотря на субботний вечер, он объяснил, уже выходя из дома, что ему нужно отлучиться по каким-то неотложным делам в центральную часть города.

— Тебе не показалось, что папа в последнее время выглядит чем-то очень взволнованным? — спросила Фелиция после того, как он ушел.

— Ну, не знаю. Я не замечаю за ним ничего необычного, — ответила Роза. Немного помолчав, она спросила, — Ты не собираешься сегодня в театр, Фелиция? Миссис Делано заедет за нами в половине восьмого. Я считаю, тебе следует пойти. Она расстроится, если ты откажешься.

— Ладно, пойду. Хотя для меня это не слишком интересно. Я могу увидеть достаточно «сумерек» вокруг и без просмотра твоей пьесы!

— Довольно-таки меланхоличное замечание для девятнадцатилетней девушки, — заметила Роза. — Но, впрочем, твои идеи всегда казались мне странными, Фелиция. Если ты собираешься зайти к маме, скажи ей, что я загляну к ней после театра, если она к тому времени не уснет.

Фелиция поднялась наверх к своей матери, и оставалась с нею в комнате, пока к их дому не подъехал экипаж Делано. Миссис Стерлинг очень беспокоилась о своем муже. Она говорила без умолку, приходя в раздражение от каждого замечания, которые время от времени делала Фелиция. Женщина не пожелала даже и слушать о том, чтобы дочь прочитала ей письмо из Реймонда, новостями из которого той очень хотелось поделиться. Когда же Фелиция предложила матери вместо поездки в театр остаться с нею на весь вечер, та отказалась в довольно резких выражениях.

Глава Двадцать вторая

Фелиция отправилась в театр на представление, не испытывая особой радости. Впрочем, подобное состояние было ей свойственно, с той лишь разницей, что в одни моменты она чувствовала себя чуть более несчастной, чем в другие. Сегодня ее настроение проявлялось в замкнутости, чрезмерном уходе в себя. Когда их компания заняла свои места в ложе, и поднялся занавес, Фелиция оказалась позади всех и весь вечер оставалась погруженной в свои мысли. Миссис Делано, исполнявшая обязанности компаньонки для полудюжины различных девушек, прекрасно понимала состояние Фелиции, но, зная, что та была, как часто замечала Роза, немного «с причудами», не предпринимала никаких попыток вытащить юную девицу из того угла, в который она забилась. Таким образом, предоставленной самой себе девушке предстояло тем вечером пройти через одно из тех дополнительных переживаний, что приближали момент надвигающегося большого кризиса.

Спектакль представлял собою типичную английскую мелодраму. Действие было полно захватывающих сцен, выглядевших не только эффектно, но и вполне реалистично, и неожиданных поворотов сюжета. Причем, одна сцена из третьего акта произвела впечатление даже на Розу Стерлинг.

Представьте себе: действие происходит в полночь на мосту Черных монахов. Где-то внизу угрожающе чернеют воды Темзы. На заднем плане возвышается Собор Святого Павла, при тусклом, имитирующем лондонские сумерки освещении, кажется, будто его купол величаво парит над соседними строениями. Фигура человека, по виду ребенка, медленно поднимается на мост. Вот силуэт ненадолго замирает: дитя вглядывается в туман, словно ища кого-то. Случайные прохожие равнодушно пересекают мост. У одного из его пролетов, примерно на середине реки, виднеется фигура женщины, склонившейся к парапету. Вся ее фигура и искаженное агонией лицо не оставляет сомнений относительно ее намерений. Как раз в тот момент, когда женщина незаметно для прохожих взбирается на парапет и уже собирается броситься в реку, она попадает в поле зрения ребенка. С леденящим душу воплем, скорее напоминающим вой зверя, нежели крик человека, девочка бросается к ней. Подбежав, она ухватывается за женское платье, и изо всех своих детских силенок старается оттащить ее назад. Внезапно на сцене появляются два других персонажа, которые уже фигурировали в пьесе по ходу действия. Высокий привлекательный атлетического сложения джентльмен, одетый по последней моде; и худощавый юноша, внешность и одежда которого выглядят столь же утонченными и изысканными, насколько гадкой и отталкивающей предстает зрителям уцепившаяся за свою маму малышка в своих омерзительно грязных лохмотьях. Нищета ее поистине отвратительна! Двое мужчин, джентльмен и молодой парень, предотвращают самоубийство. И после сцены на мосту, из которой зрители понимают, что мужчина и женщина оказываются братом и сестрой, действие переносится в нищенскую каморку, расположенную где-то в трущобах лондонского Ист-Сайда. Здесь художник и декоратор постарались на славу, воссоздав точную копию тех дворишков и узких

улочек, что так хорошо знакомы обитающим в них в реальной жизни несчастным созданиям, представляющим собою отбросы лондонского общества. Изорванные и запачканные лохмотья, теснота, убогая обстановка, сломанная мебель — все эти ужасные нечеловеческие условия, в которых приходится существовать созданиям, сотворенным по образу и подобию Божию — были показаны в той сцене с великим мастерством. И не одна элегантная дама, сидевшая в театре, подобно Розе Стерлинг, в роскошной ложе за шелковыми драпировками и обитыми бархатом перилами, непроизвольно съезживалась, откидываясь назад, словно к ней могла пристать грязь от какой-нибудь сценической декорации. Сцена была, пожалуй, чересчур натуралистической, и все же она произвела ужасающее впечатление на одиноко сидевшую на мягкой скамеечке в дальнем углу ложи Фелицию. Далее девушка оставалась погруженной в свои мысли, которые были далеки от происходившего на театральных подмостках диалога.

Трущобная декорация сменилась декорацией, изображающей внутреннее убранство аристократического особняка. При виде этой роскошной обстановки, столь привычной для взора представителей высшего общества, по залу явственно пронесся вздох облегчения. Да, контраст был поразительным! Лишь небольшая сценка, удачно вставленная между двумя этими столь разными картинами, дала возможность за считанные минуты преобразить сценическое пространство из трущоб во внутреннее убранство роскошного дворца! Диалоги по ходу действия продолжались, актеры появлялись и исчезали со сцены в соответствии со своими ролями, но в памяти у Фелиции сохранилось от всей пьесы лишь одно-единственное впечатление. В действительности, сцены на мосту и в трущобах были лишь отдельными эпизодами в постановке, но Фелиция мысленно возвращалась к ним снова и снова. Вновь и вновь она переживала увиденное. Дотоле девушка еще не задумывалась о причинах человеческой нищеты, она была слишком юна для этого, к тому же не обладала складом характера, склонным к философским размышлениям. Но она глубоко переживала, и это было уже не в первый раз: ее совершенно очевидно взволновал контраст между условиями жизни высших и низших слоев человеческого общества. Это беспокойство постепенно росло внутри нее, пока не достигло такого уровня, что Роза стала называть сестру «странною», да и прочие люди из круга ее состоятельных знакомых считали Фелицию довольно необычной девушкой. А все дело было просто в старой проблеме человечества — проблеме бедных и богатых, доведенной до крайностей — в своей изысканности с одной стороны и отвратительности с другой. Проблема, эта, несмотря на все неосознанные Фелицией попытки бороться против фактов, врезалась в ее жизнь впечатлением, которое могло либо сделать из нее женщину с редким даром любви и самопожертвования ради окружающего ее мира, либо превратить девушку в ничтожную загадку, непонятную ни для себя самой, ни для других людей.

— Пошли, Фелиция, ты что, не собираешься домой? — обратилась к ней Роза. Пьеса была окончена, занавес опущен, и зрители шумно покидали зал, смеясь и делясь своими впечатлениями о том, что «Сумерки Лондона», это не более чем удачное развлечение. Еще бы, постановка оказалась такой эффектной!

Фелиция поднялась, и безмолвно вышла за остальными, поглощенная

своими мыслями, которые так увлекли ее, что она даже не заметила окончания пьесы. Она никогда не была рассеянной, но часто настолько глубоко погружалась в себя, что ощущала себя в толпе людей совершенно одинокой.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спросила Роза, когда сестры возвратились домой и уселись в гостиной. Розе действительно хотелось узнать мнение Фелиции об увиденной ими драме.

— Мне кажется, это довольно правдивая картина реальной жизни.

— Да нет же, я об игре актеров! — не отставала от сестры Роза.

— Сцена у моста была достаточно хорошо сыграна, особенно удачно она удалась женщине. А мужчина, по-моему, несколько переигрывал. Уж слишком много чувств.

— Ты так считаешь? А я просто наслаждалась! И еще, та сцена между двоюродным братом и сестрой: скажи, ну разве не смешно было, когда они только что узнают, что приходится родней друг другу? А вот сцена в трущобах — просто ужас! Мне кажется, не следует показывать такие вещи на сцене. Это чересчур болезненно.

— Такие сцены, должно быть, и в настоящей жизни болезненны... — отвечала младшая сестра.

— Да, но, слава Богу, нам в реальной жизни не приходится их наблюдать! Они достаточно отвратительно выглядят в театре, где мы должны за это еще и деньги платить.

Роза зашла в столовую, и в возбуждении начала есть фрукты и пирожные с блюда, что стояло на серванте.

— Ты собираешься зайти к маме? — спросила Фелиция чуть погодя. Она по-прежнему сидела на своем месте у камина.

— Нет, — ответила Роза из другой комнаты. — Не хочу ее сегодня вечером беспокоить. Если пойдешь к ней, скажи, что я слишком устала, чтобы моя компания была для нее приятной.

В итоге Фелиция отправилась в комнату матери одна. Она поднялась по большой лестнице и оказалась в холле на втором этаже. Там горел свет, и сиделка, что постоянно находилась при покоях миссис Стерлинг, сделала знак Фелиции, разрешающий войти.

— Скажи Кларе, чтоб она вышла! — громко сказала миссис Стерлинг, когда Фелиция подошла к ее кровати.

Фелиция удивилась, но исполнила просьбу матери. Затем она поинтересовалась ее самочувствием.

— Фелиция, — обратилась к дочери миссис Стерлинг, — не могла бы ты помолиться?

Вопрос был неожиданным, ее мать никогда не обращалась к ней с такими просьбами. Потрясенная девушка ответила:

— Ну конечно, мама. С чего это ты об этом просишь?

— Мне страшно, Фелиция. Твой отец... у меня целый день какое-то нехорошее предчувствие. С ним что-то не то. Я хочу, чтобы ты помолилась...

— Как, мама, прямо сейчас? Здесь?

— Да! Помолись, Фелиция.

Фелиция протянула свою руку и сжала ладонь матери. Рука больной женщины дрожала. Миссис Стерлинг никогда прежде не проявляла особой чувствительности к своей младшей дочери, и эта ее необычная просьба явилась, наверное, первым знаком доверия, оказанным Фелиции.

Девушка преклонила колени, все еще не отпуская дрожащую руку матери, и начала свою молитву. Вряд ли когда-нибудь раньше ей приходилось молиться вслух. В своей молитве она, должно быть, нашла те слова, которые были нужны ее матери, ибо, когда в комнате наступила тишина, несчастная женщина тихо заплакала. Сковывавшее ее нервное напряжение отступило.

Фелиция осталась еще на какое-то время. Когда она почувствовала, что ее мать больше в ней не нуждается, она поднялась, собираясь уйти к себе.

— Спокойной ночи, мама. Не стесняйся заставить Клару позвать меня, если ночью тебе станет плохо.

— Я чувствую себя теперь гораздо лучше.

Затем, когда Фелиция уже выходила из комнаты, миссис Стерлинг добавила:

— Ты не поцелуешь меня, Фелиция?

Дочка поспешила вернуться назад и склониться над постелью матери. Этот поцелуй оказался для девушки почти таким же необычным делом, как и молитва. Когда Фелиция выходила из комнаты, ее щеки были влажными от слез. Она не часто плакала с тех пор, как перестала быть маленькой девочкой.

Воскресные утра в особняке Стерлингов, как правило, проходили в полной тишине. Девушки обычно отправлялись к одиннадцатичасовому богослужению в церковь. Мистер Стерлинг, хотя и не состоял в официальном членстве церкви, но делал хорошие пожертвования на нужды их общины, и практически никогда не пропускал утренние служения. Но на этот раз он даже не спустился к завтраку, а позже передал через прислугу, что чувствует себя не очень хорошо для того, чтобы выходить на улицу. Так что Роза и Фелиция отправились на утреннюю службу вдвоем. Они подъехали ко входу Церкви на Назарет-Авеню, прошли внутрь и заняли место на той скамье, где обычно располагалось их семейство.

Когда доктор Брюс вышел из задней комнатки у алтаря, и, поднявшись на кафедру, привычно открыл свою Библию, никто из его добрых знакомых не заметил ничего необычного ни в манере пастора держаться, ни в выражении его лица. Он начал службу как обычно. Держался доктор Брюс спокойно, и голос его оставался ровным и уверенным. И только в его молитве слушатели впервые смогли отметить нечто новое и необычное. Можно с уверенностью сказать, что Церковь на Назарет-Авеню никогда еще не слышала от доктора Брюса такой

молитвы, за все двенадцать лет, что он был на посту пастора. Но как мог молиться священник, переживший переворот всего своего христианского мировосприятия, который полностью изменил его представление о том, что значит следовать Иисусу? Никто в Церкви на Назарет-Авеню не имел ни малейшего представления о том, что преподобный Кальвин Брюс, доктор богословия, утонченный проповедник, всегда отличавшийся высокой культурой и особым достоинством, в течение нескольких дней, стоя на коленях, плакал как ребенок, моля Господа даровать ему стойкость и отвагу! Он упрашивал Бога наделить его сходством со Христом на тот момент, когда он будет доносить свое воскресное послание. И вот, пастырская молитва оказалась таким произвольным и неосознанным выплеском его душевных переживаний, какого прихожанам Церкви на Назарет-Авеню нечасто доводилось слышать, а с этой кафедры — и вовсе никогда.

Глава Двадцать третья

Я только что вернулся из Реймонда, — начал свою речь доктор Брюс, — и хочу поделиться с вами своими впечатлениями о том движении, что там зародилось.

Он сделал паузу, и окинул своих прихожан каким-то тоскливым взглядом. Явно было, что пастор испытывал в душе большую неуверенность. Многие ли из его богатых, модных, утонченных, привыкших к роскоши членов церкви сумеют понять характер того призыва, с которым он собирается к ним обратиться? Он был в полном неведении относительно этого. Тем не менее, пастор был готов выйти из той пустыни, по которой блуждал последнее время. Оставляя ее, он был готов к ожидавшему его страданию! После небольшой паузы доктор Брюс продолжил, рассказав аудитории о своем пребывании в Реймонде. Прихожане уже кое-что слышали об эксперименте в реймондской «Первой Церкви». Вся страна наблюдала за развитием этого движения и теми крутыми переменами, что произошли благодаря нему в судьбах столь большого количества людей. Дело в том, что мистер Максвелл, наконец, решил: настало время искать единомышленников в других церквях по всей Америке! Новое послушничество в Реймонде породило такие потрясающие результаты, подтвердив свою значимость, что Максвеллу захотелось, чтобы к нему примкнули члены других церквей. В разных уголках страны уже началось движение добровольцев, решивших по своей собственной воле идти как можно ближе по стопам Иисуса. Во многих церквях члены христианского «Общества стремления» с большим энтузиазмом приносили обет поступать так, как поступил бы на их месте Иисус. Это способствовало углублению духовной жизни и увеличению церковного влияния, которое для ее членов стало сродни новому рождению.

Все это доктор Брюс и поведал своим людям. Говорил он просто, но с явной личной заинтересованностью, готовя, очевидно, почву для последовавшего далее объявления. Фелиция ловила каждое его слово с напряженным вниманием. Она сидела рядом с Розой, оттеняя сестру, словно бы огонь соседствовал со снегом. Впрочем, даже Роза казалась настороженной и по-своему взволнованной.

— Дорогие друзья, — начал пастор, и впервые после молитвы его эмоции стали, время от времени, прорываться и в его голосе, и в жестах, — я собираюсь просить прихожан Церкви на Назарет-Авеню дать такой же обет, какой был принесен в реймондской церкви. Я прекрасно понимаю, чего это будет стоить для вас и для меня. Это подразумевает полное изменение очень многих привычек. Возможно, это будет означать потерю общественного положения. Во многих случаях это, вероятно, будет сопряжено с финансовыми потерями. Это обет будет означать страдание. Это будет означать то, что означало решение следовать Иисусу в первом столетии, а тогда это неизбежно несло с собою страдания, потери, тяготы, отделение от всего нехристианского. Но что же означает следование Иисусу на деле? Испытания для послушников в наше время остаются такими же, что были всегда. Те из вас, кто пожелает поступать так, как поступал бы Иисус, просто дайте обещание идти по следам Его, поскольку Он оставил нам такую

заповедь.

Пастор вновь сделал паузу, и реакцией на его предложение оказалось достаточно заметное шевеление, прокатившееся по залу. Негромким голосом доктор Брюс добавил, что всех, желающих дать обет поступать так, как поступал бы Иисус, он просит остаться после окончания утренней службы.

После этого священник начал свою проповедь. Выбранный им отрывок гласил: «Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел». Это была проповедь, затрагивавшая глубинные мотивы человеческого поведения. То толкование, к которому пришел их пастор, оказалось настоящим откровением для всех прихожан. Речь доктора Брюса словно переносила их назад, в первое столетие христианства; кроме того, она всколыхнула сложившиеся за много лет убеждения верующих о том, что означает церковное членство и какова его цель. Это была такая проповедь, которую человек может произнести только раз в своей жизни, и которой его слушателям было бы достаточно до конца их дней.

Служба закончилась в тишине, которую люди не сразу решились нарушить. То тут, то там стали нерешительно подниматься отдельные верующие, по нескольку человек зараз. В их движениях просматривалось некоторое нежелание уходить, что явно бросалось в глаза. Роза, однако, встала со своей скамьи без колебаний и решительно направилась к проходу. Уже в дверях она обернулась, чтобы кивком головы поманить к себе Фелицию. К тому времени люди стали подниматься по всему залу.

— Я собираюсь остаться, — предупредила сестру девушка, и Роза по ее тону, который ей уже доводилось слышать в других случаях, сразу поняла, что решение Фелиции останется неизменным. Как бы то ни было, старшая сестра сделала несколько шагов по направлению к скамье и посмотрела младшей прямо в лицо.

— Фе-ли-ци-я! — прошипела она, и вспышка гнева исказила ее лицо, — это же глупо! Что ты можешь сделать? Ты лишь навлечешь на нашу семью бесчестье! А что отец скажет? Пошли отсюда!

Фелиция посмотрела на свою сестру, но ответила ей не сразу. Ее губы шевелились в безмолвной молитве, лившейся из самых глубин ее сознания. В своей душе она пыталась измерить открывающуюся перед нею новую жизнь. Девушка отрицательно покачала головой.

— Нет, я хочу остаться. Я решила принести этот обет. Я уже готова к этому шагу. Тебе все равно не понять, почему я это делаю!

Роза бросила на нее быстрый взгляд, а затем резко развернулась и, больше не оглядываясь, пошла от скамьи прочь вдоль по проходу. Она даже не останавливалась, чтобы поговорить со своими знакомыми. Миссис Делано собиралась выйти из церкви как раз в тот момент, когда Роза вышла из зала богослужений в вестибюль.

— Так вы не собираетесь присоединиться к компании добровольцев мистера Брюса? — спросила миссис Делано с таким явным подозрением, что Роза вынуждена была покраснеть.

— Нет, нет, а вы? Это же просто абсурд! Я с самого начала считала это реймондское движение чистым фанатизмом. Вы знаете, наша кузина Рейчел держит нас в курсе событий о том, что происходит у них в Реймонде.

— Да, насколько я понимаю, во многих случаях это движение привело людей к большим неприятностям. Что касается меня, то я уверена, доктор Брюс просто спровоцировал внутрицерковный конфликт. Дело кончится тем, что у нас в церкви возникнет раскол! Вот увидите, так и будет. В нашей церкви десятки людей, положение которых не позволяет им приносить подобные обеты и хранить их. И я — одна из них, — добавила миссис Делано, выходя из дверей здания вместе с Розой.

Вернувшись домой, Роза застала своего отца в его обычной позе, стоящим у горящего камина. Во рту у него дымилась сигара.

— А где Фелиция? — спросил мистер Стерлинг, когда Роза вошла в дом.

— Она осталась на собрании после службы, — не желая вдаваться в подробности, ответила Роза. Девушка сбросила свою накидку, и уже собиралась подняться наверх, когда отец переспросил ее:

— Собрание после службы? Что ты имеешь в виду?

— Доктор Брюс предложил прихожанам нашей церкви принести такой же обет, как в Реймонде.

Мистер Стерлинг вынул сигару изо рта и стал нервно крутить ее между пальцами.

— Я не ожидал такого от доктора Брюса. И много ли членов церкви решило остаться?

— Я не знаю. Я ж не оставалась, — отвечала Роза, удаляясь из комнаты. Она оставила своего отца стоять посреди гостиной.

Через какое-то время он подошел к окну и стал смотреть на проезжавшие по бульвару экипажи. Его сигара давно потухла, но он все еще нервно крутил ее. Затем он отошел от окна и стал ходить взад и вперед по комнате. Горничная, проходя по залу, пригласила хозяина к обеду, но тот велел ей дожидаться Фелицию. Роза спустилась вниз и прошла в библиотеку. А мистер Стерлинг продолжал беспокойно мерить шагами гостиную.

Наконец, по всей видимости, утомившись от ходьбы, он рухнул в кресло и о чем-то глубоко задумался. В это время в дом вошла Фелиция.

Отец встал и посмотрел дочери в глаза. Фелиция явно была очень взволнована лишь недавно закончившимся собранием. И, однако, она не проявляла особого желания делиться своими впечатлениями. Как только девушка вошла в гостиную, Роза тут же выскочила из библиотеки.

— Ну, и сколько человек осталось? — спросила она. Девушку раздрало любопытство. Хотя, в то же время Роза относилась к послушническому движению в Реймонде скептически.

— Около сотни, — ответила Фелиция серьезным тоном. Мистер Стерлинг удивленно поднял брови. Фелиция уже собиралась выйти из комнаты, когда он остановил ее.

— И ты на самом деле собираешься соблюдать этот обет? — обратился он к своей младшей дочери.

Девушка вспыхнула. Краска горячей волной залила ее лицо и шею.

— Ты не стал бы задавать такой вопрос, если бы сам был на собрании, папа! — ответила она. Она задержалась немного в комнате, а затем, попросив простить ее за то, что немного опоздает к обеду, сказала, что хочет повидать прежде свою мать. Она прошла к ней в комнату.

Разговор, который состоялся между Фелицией и ее матерью, так и остался тайной между ними. Бесспорно, дочь должна была поделиться с матерью той духовной силой, что вызвала священный трепет у каждого из членов их церкви, присутствовавших на собрании доктора Брюса после утренней службы. Также, несомненно, что Фелиция, никогда раньше не переживавшая подобного духовного потрясения, и не подумала бы делиться им со своей матерью, если бы не молитва у ее постели прошлым вечером. Стоит упомянуть еще один факт, касающийся ее тогдашнего состояния. Когда она, наконец, присоединилась к отцу и Розе за обеденным столом, похоже, она была не способна рассказывать им во всех подробностях о состоявшемся собрании. Ей не хотелось об этом говорить, точно так же, как может быть сложно пытаться описывать чудесный закат собеседнику, который не привык говорить ни о чем другом, кроме погоды.

Воскресный день в доме Стерлингов подходил к концу, через огромные окна их особняка то тут, то там стал струиться мягкий и теплый свет. В одном из слабо освещенных уголков своей комнаты находилась коленопреклоненная Фелиция. Когда она поднялась, наконец, с колен и повернулась к свету, он осиял лицо женщины, которая уже успела решить для себя все величайшие вопросы своей земной жизни.

В тот же самый вечер по окончании вечерней воскресной службы доктор Брюс делился событиями прошедшего дня со своей женою. Супруги придерживались единого мнения относительно обета и смотрели в свое будущее со всею твердостью и решимостью новообращенных послушников. Никто из них не обманывался относительно возможных последствий принесенного ими обета для себя лично или для их церкви.

Они лишь начали свою беседу, когда прозвенел звонок, и доктор Брюс поспешил к входной двери. Отворив ее, пастор воскликнул:

— А, это ты, Эдвард! Заходи, заходи!

В холл вошел человек весьма внушительного вида. Епископ был необыкновенно высок и широк в плечах, но так отлично сложен, что как-то не возникало мысли о громоздкости или хотя бы необычности размеров его фигуры. Первое впечатление, которое епископ неизменно производил на любого из незнакомцев: этот гигант должен обладать крепким здоровьем. Кроме того, он выглядел человеком весьма чувствительным.

Он прошел в небольшую гостиную и поздоровался с миссис Брюс, которая через несколько минут была вызвана по какому-то делу, и ушла, оставив обоих мужчин наедине друг с другом. Епископ уселся в простое, но глубокое и удобное кресло перед горящим камином. В это время года, а за окном стояла ранняя весна, было довольно сыро, так что греться у камина было особенно приятно.

— Кальвин, ты сделал сегодня очень серьезный шаг, — наконец произнес гость, поднимая свои большие карие глаза на старого товарища по колледжу. — Я узнал об этом сегодня днем. И вот, не смог удержаться, чтобы не повидаться с тобою вечером и не переговорить об этом.

— Я рад, что ты пришел, — доктор Брюс положил руку на плечо епископа. — Ты понимаешь, что все это означает, Эдвард?

— Думаю, что понимаю. Да... я уверен, — епископ говорил очень медленно и вдумчиво. Он сидел, крепко сжав свои руки. На его лицо, отмеченное ранними морщинами, свидетельствовавшими и о высокой ответственности, и об искренности служения, и просто о любви к людям, легла тень, но эта тень была не от горящего камина. Он вновь посмотрел в глаза своему старому другу.

— Кальвин, мы всегда хорошо понимали друг друга. Даже когда наши пути в церковной жизни развели нас в разные стороны, мы всегда оставались единомышленниками, если говорить о нашем христианском общении...

— Да, это так! — эмоционально ответил доктор Брюс. Он и не пытался скрыть или подавить свои чувства. — И я благодарен за это Господу! Я ценю твою дружбу выше, чем любую другую. Я ведь знал, чего тебе это стоит, причем, ты всегда относился ко мне гораздо лучше, чем я того заслуживаю.

Епископ смотрел на своего друга с нежностью во взгляде. Однако тень все еще омрачала его лицо. Выдержав паузу, он вновь продолжил:

— Это новое послушничество означает настоящий кризис и для тебя, и для твоей работы. Если ты сохранишь свое обещание поступать так, как поступал бы Иисус, а насколько я тебя знаю, ты его сохранишь, то не надо быть пророком, чтобы предсказать крутые перемены в твоём пасторате! — епископ бросил задумчивый взгляд на своего друга, а затем продолжил, — На самом деле, я не вижу, как можно будет предотвратить полнейший переворот в христианстве, в том христианстве, к которому мы привыкли, если священники и церкви повсеместно начнут принимать реймондский обет и жить по нему. — Он остановился, словно ожидая, не скажет ли его друг что-нибудь, не задаст ли вопроса. Но доктор Брюс не догадывался о том огне, что жег сердце епископа. Его гость мучался над тем же самым вопросом, над которым бились когда-то Максвелл и он сам.

— Возьмем, к примеру, мою церковь, — продолжил епископ, — я боюсь, это очень непростая задача, найти достаточное количество людей, которые бы пожелали дать такой обет и жить согласно ему. Мученичество — утраченное искусство в наше время. Наше христианство слишком любит удобства и комфорт, чтобы взять на себя что-то такое, грубое и тяжелое, как крест... И все-таки, что же значит следовать Иисусу? Что же значит идти по следам Его?

Епископ обращался теперь к самому к себе, и, кажется, в тот момент

совершенно забыл о присутствии своего друга. Впервые у доктора Брюса мелькнула верная догадка. А что, если епископ использует все свое огромное влияние в церковных кругах в поддержку реймондского движения? Среди его приверженцев представители самых аристократических, обеспеченных и фешенебельных кругов общества не только в Чикаго, но и в других больших городах. Что, если епископ присоединится к новому движению?!

Что же, за мыслью доктора Брюса собирался поделиться этой мыслью с епископом. На правах близкого друга юности он положил свою руку на плечо епископа, и уже собирался задать ему очень важный вопрос, как вдруг резкое дребезжанье дверного колокольчика заставило их обоих вздрогнуть. Миссис Брюс подошла к дверям, и вскоре мужчины услышали, как она разговаривает с кем-то в холле. Ее громкий вскрик вынудил приятелей вскочить и сделать несколько шагов по направлению к занавеси, висевшей над входом в гостиную, когда миссис Брюс откинула занавеску. Лицо женщины было мертвенно бледным, и вся она дрожала.

— О, Кальвин, какая ужасная новость! Мистер Стерлинг... Ах, я не могу говорить! Какой удар для его девочек!

— Что случилось? — мистер Брюс прошел с епископом в холл. Они столкнулись лицом к лицу с посыльным, которым оказался один из слуг Стерлингов. Мужчина был без шапки, он, очевидно, бежал всю дорогу, торопясь донести свои вести. Дело в том, что доктор Брюс из близких знакомых семьи Стерлингов жил ближе всех к их дому.

— Мистер Стерлинг выстрелил в себя, сэр, несколько минут назад. Он застрелил себя насмерть, прямо в своей спальне! А миссис Стерлинг...

— Я сейчас же иду туда! Ты со мною, Эдвард? Стерлинги твои старые друзья.

Епископ страшно побледнел. Тем не менее, он, как всегда, сохранял спокойствие. Посмотрев прямо в лицо своему товарищу, он ответил:

— О, да, Кальвин, я пойду с тобою! Я пойду не только в этот дом смерти, но готов пройти с тобой и весь путь человеческого греха и печали, если то будет угодно Богу.

Несмотря на весь ужас и трагизм этого момента, сильно сбитый с толку неожиданной вестью, доктор Брюс понял, какое обещание только что дал ему епископ.

Глава Двадцать четвертая

«Это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел».

Когда доктор Брюс с епископом переступили порог особняка семейства Стерлинг, вся прислуга в этом обычно превосходно организованном доме, находилась в полном смятении. Повсюду царил хаос. Большие залы на первом этаже оказались пустыми, зато где-то наверху слышались быстрые шаги и голоса чем-то встревоженных людей. Одна из горничных сбежала вниз по лестнице. На лице девушки застыло выражение настоящего ужаса. Она едва не столкнулась со вступившими на лестницу и уже начавшими подниматься по ней епископом и доктором Брюсом.

«Мисс Фелиция в комнате госпожи Стерлинг», — пробурчала служанка сквозь зубы в ответ на вопрос пришедших, и тут же разрыдалась в истерике. Закрыв лицо руками, девушка пробежала через гостиную и выскочила на улицу.

Поднявшись наверх, оба мужчины были встречены у лестницы Фелицией. Она сразу же подошла к своему священнику и вложила свои руки в его ладони. Стоявший рядом епископ положил свою руку на ее склоненную голову, и все трое какое-то время оставались недвижимы. Слова казались излишни. Епископ знал Фелицию, когда та была еще маленьким ребенком. Наконец, он решил прервать молчание:

— Всемиловитый Господь да пребудет с тобою, Фелиция, в этот тяжкий час. А что, мать твоя...

Епископ осекся. По пути от дома его товарища к Стерлингам, по мере того, как два священника все ускоряли свой шаг, из самых запретных глубин его памяти неуклонно поднимались кое-какие нежные воспоминания, относившиеся к поре его возмужания. Даже Брюсу не дано было знать о тщательно скрываемой епископом тайне. Да, было время, когда возливал на алтарь своей юности слезы неразделенной любви по прекрасной Камилле Рольф, которой предстояло сделать выбор между ним и миллионером. Епископ не чувствовал, чтобы с этими воспоминаниями оставалась сопряжена какая-либо горечь; тем не менее, воспоминания оставались воспоминаниями. Они никуда не уходили.

В ответ на неоконченный епископом вопрос, Фелиция повернулась и поспешила возвратиться в комнату матери. Девушка до сих пор не произнесла ни единого слова, но на обоих мужчин произвело сильное впечатление то удивительное спокойствие, что, казалось, полностью владеет ее чувствами. Вскоре она вновь вышла в холл и сделала им знак войти. Два священнослужителя, не в силах противиться ощущению, что им предстоит увидеть нечто совершенно необычное, вошли в покои.

Роза лежала на кровати с расprostертыми руками. Клара, медицинская сиделка, находилась поодаль, с поникшей головою, не в силах сдержать рыданий,

порождаемых чувством подлинного ужаса и смятения. Сама же миссис Стерлинг, с лицом, осиянным светом, который «не свидетельствовал ни о суше, ни о воде», лежала совсем как живая: так тихо, что заставила обмануться даже немало повидавшего за свою жизнь епископа. Лишь спустя некоторое время, когда перед ним и доктором Брюсом была раскрыта ужасающая правда о происшедшем, епископ пошатнулся, и резкая боль от тщательно скрываемой епископом старой раны, нанесенной ему в годы далекой юности, пронзила его сердце. Она быстро прошла, и епископ остался стоять в покаянии, отражая на своем лице лишь знаки вечного спокойствия и той внутренней силы, которую дети Божии имеют право обладать. Сразу скажем, что во дни, что последовали за этими событиями, епископу придется еще неоднократно воспользоваться своим правом на столь необходимые ему спокойствие и силу.

В следующие минуты в находившихся под ними комнатах начался настоящий переполох. Практически в одно и то же время к особняку подъехали экипажи с доктором, за которым хотя и послали сразу же после случившегося, но жил он от Стерлингов не близко, и с полицией, что была вызвана чуть позже перепуганной прислугой. Вместе с доктором и полицейскими в доме оказались четыре или пять газетных репортеров, плюс любопытные соседи. Доктору Брюсу с епископом пришлось выйти навстречу всей этой разномастной толпе наверх главной лестницы. Им удалось ограничить доступ на второй этаж всем, кроме тех, чье присутствие было в данный момент действительно необходимым. Вот так и получилось, что оба друга-священника наряду с доктором и полицией оказались посвящены во все детали того, что вскоре получило название «Трагедии Стерлингов». Именно под такими сенсационными заголовками вышли на следующий день все местные газеты.

Мистер Стерлинг находился тем вечером дома. Он уединился в своей комнате около девяти часов. Больше его живым никто не видел. Через полчаса из его комнаты раздался выстрел, услышав который, прислуга, находившаяся на тот момент в большом холле наверху, вбежала в покои хозяина. Она обнаружила его мертвым, лежавшим на полу. Мистер Стерлинг был убит своею собственной рукою. Фелиция в это время сидела в комнате ее матери, а Роза читала какую-то книгу в библиотеке. Старшая сестра прибежала наверх, увидела тело своего отца, которое слуги пытались поднять, чтобы положить на кушетку, и бросилась, отчаянно крича, в комнату матери. Там она рухнула у постели больной матери, потеряв сознание. Сама миссис Стерлинг сначала также упала в обморок от шока, но затем, с удивительной быстротою, вновь пришла в чувство и сразу же послала за доктором Брюсом. Затем она настояла на том, чтобы ей показали тело ее мужа. Несмотря на попытки Фелиции удержать ее от этого, она велела Кларе помочь ей пересечь зал. С помощью сиделки хозяйке дома удалось достичь той комнаты, где лежал ее муж. Она взглянула на его тело, и затем, не пролив ни единой слезинки, возвратилась в свою комнату. Там больной женщине помогли лечь обратно на ее кровать. Но в тот момент, когда доктор Брюс с епископом входили в двери особняка Стерлингов, хозяйка, с молитвою о прощении за себя и своего мужа на ее трепещущих губах, испустила дух. Женщина умерла в присутствии обеих своих дочерей: склонившейся над нею младшей, Фелиции, и, все еще лежавшей у ее ног без сознания, старшей, Розы.

О, сколь скорым и сколь ужасающим было восшествие мрачной смерти в этот роскошный дворец в ночь с воскресенья на понедельник! Однако истинную причину посещения смертью этого особняка люди узнали намного позже, когда удалось раскрыть все факты, касавшиеся дел мистера Стерлинга. Его бизнес таил в себе немало загадочного.

Лишь только тогда и выяснилось, что уже некоторое время мистер Стерлинг находился перед лицом финансового краха. Катастрофа оказалась результатом ряда спекулятивных сделок, которые в течение одного лишь месяца свели все его предполагаемые активы к нулю. С ловкостью и отчаянием человека, который сражается за свою собственную жизнь, старый предприниматель стремился оттянуть роковой момент до последнего. Он был уверен, что ведет борьбу за свою жизнь, ибо для него деньги и были жизнью. Он видел, как эта жизнь — деньги! — то единственное, что он ценил — ускользает от него. Как бы то ни было, днем в воскресенье он получил сообщение, которое подтвердило самые худшие его опасения. Не оставалось никаких сомнений: он полностью разорен! Тот самый дом, который он привык называть своим, те кресла, в которых он привык сидеть, столовые приборы, которыми он пользовался, его роскошный экипаж — все это было приобретено на деньги, которые достались ему нечестным трудом. За всю свою жизнь Чарльз Р. Стерлинг не совершил ни единого усилия, чтобы заработать деньги честно.

Все его богатство покоилось на фундаменте обмана и спекуляций, не имевших никакого отношения к подлинным ценностям. Уж он-то знал об этом факте лучше, чем кто-либо другой! И однако же он надеялся, с надеждою, свойственной всем людям такого рода, что те методы, благодаря которым он сумел сколотить свое состояние, сумеют предупредить и его утрату. Он обманывался в этом точно так же, как обманывается и множество других людей. Как только истина о том, что вскоре он превратится в нищего, забрезжила в его сознании, мистер Стерлинг сумел разглядеть перед собою лишь единственный выход: самоубийство. Та жизнь, которую он прожил, неизбежно должна была этим закончиться. Этот человек превратил деньги в свое божество. И как только это божество покинуло его, как только оно ушло из его маленького мирка, у него не осталось долее никого, кому он мог бы поклоняться. А когда у человека пропадает предмет для поклонения, ему незачем больше жить. Вот так погиб великий миллионер, Чарльз Р. Стерлинг. Воистину, он умер так, как умирают глупцы, ибо как можно сравнивать приобретение или утрату денег с неисследимыми богатствами жизни вечной, над которыми не властны ни спекуляции, ни убытки, ни изменения в финансовом мире?

Смерть миссис Стерлинг была признана следствием перенесенного ею шока. Она долгие годы не пользовалась доверием мужа, тщательно скрывавшего состояние своих финансовых дел. Тем не менее, она знала, что источник его доходов оставался весьма сомнительным. И жизнь ее в течение последних лет можно было считать настоящей «смертью в жизни». В семействе Рольфов всегда было принято считать, что представители их рода способны перенести любую катастрофу с гораздо лучшим самообладанием, чем кто-либо. В этом отношении миссис Стерлинг послужила прекрасным примером этой старой семейной

традиции, когда она вошла в покои, в которых лежало тело ее ушедшего мужа. Однако ветхий сосуд этой женщины уже не мог удерживать в себе дух жизни, который покинул свою земную обитель, изношенную и ослабленную долгими годами мучений и разочарований.

Эффект этого тройного удара: смерть их отца и матери, а также и утрата всей собственности, неизбежно сказался и на обеих сестрах. Ужас всего происшедшего настолько потряс Розу, что она неделями оставалась без движения. Она лежала в постели без какого-либо участия к проявляющим к ней сострадание людям, и без малейшего желания привести себя в порядок. Похоже, она даже не была в состоянии осознать, что тех денег, которые в значительной мере являлись частью самого ее бытия, отныне больше не существует. Даже когда ей было сказано, что им с Фелицией надлежит покинуть столь привычный для них с детства дом, и стать отныне зависимыми от своих родственников и друзей, она, похоже, не поняла, что означает на деле это требование.

Фелиция, тем не менее, полностью осознавала сложившееся положение. Она прекрасно понимала, что стряслось с их семьей, и почему. И уже спустя несколько дней после похорон она спешила обговорить возможные планы на будущее со своей кузиной, Рейчел. Миссис Уинслоу и Рейчел немедленно оставили Реймонд и отправились в Чикаго, как только ужасная новость о случившемся достигла их ушей. Вместе с другими друзьями семейства Стерлингов, они обсуждали будущее Розы и Фелиции.

— Фелиция, вы с Розою решительно должны поехать в Реймонд вместе с нами! Это решено. Моя мама просто не станет слушать никакие иные варианты, — убеждала осиротевшую родственницу Рейчел. Ее очаровательное лицо просто пылало любовью к своей кузине, любовью, которая крепла день ото дня. Причиной тому было осознание, что отныне обе девушки принадлежат к одному и тому же движению послушников.

— Ну, разве что я не найду, чем заняться здесь... — отвечала на уговоры Фелиция. Она посмотрела на Рейчел с тоскою, и та мягко возразила:

— Но умеешь ли ты что-нибудь делать, дорогая?

— Ничего! Меня никогда ничему не учили, разве только немножко музыке. Да и то, музыку я не знаю так, чтобы учить ей других или же зарабатывать себе на жизнь пением. Правда, я тут немного научилась готовить, — со слабой улыбкой на устах добавила Фелиция.

— А, тогда ты сможешь готовить для нас! У мамы постоянно какие-то проблемы с ее кухаркой, — сказала Рейчел, прекрасно понимая, что отныне ее кухня полностью зависит от своих друзей. Даже пища и кров были отныне предоставлены сиротам их знакомыми. Да, действительно, девушкам перепали какие-то крохи от бывшего прежде огромным состоянием их отца, но в своем безумии финансового спекулянта он ухитрился практически уничтожить и долю своей супруги, и принадлежавшие дочерям их доли.

— Но смогу ли я? Смогу ли я?! — Фелиция восприняла предложение Рейчел, как если бы оно было сделано со всею серьезностью. — Я готова

выполнять какую угодно приличную работу, чтобы добыть средства на жизнь себе и Розе. Бедняжка Роза! Ей никогда не оправиться от того шока, который она перенесла из-за нашего несчастья.

— Мы обговорим все детали, когда вернемся в Реймонд, — сказала Рейчел, улыбаясь сквозь слезы. Ее умиляла отчаянная решимость Фелиции самой позаботиться о себе.

Вот так, через пару недель Роза с Фелицией оказались в Реймонде, став частью семейства Уинслоу. Для Розы ее новый дом стал довольно горьким переживанием, но ей ничего не оставалось делать, как принять предложение Рейчел и смириться с неизбежным. Она ничего не могла делать, лишь витала в облаках и переживала случившееся. Роза, по существу, превратилась в дополнительную обузу для Фелиции и своей кухни Рейчел.

Зато Фелиция сразу же ощутила себя в атмосфере настоящего послушничества, которое для нее показалось подобным какому-то небесному товариществу, как рыба в воде. По правде говоря, миссис Уинслоу относилась к увлечению ее дочери Рейчел без особой симпатии. Однако в Реймонде с момента принятия первыми добровольцами Максвелла обета произошли столь примечательные события, что результаты этого движения и их мощное влияние на жизнь горожан не могли оставить безучастной даже такую женщину, как миссис Уинслоу. Ну, а в Рейчел Фелиция нашла для себя совершеннейшую подругу! Девушка сразу же с головой окунулась в новую деятельность, кипящую в «Прямоугольнике». Совсем в духе своей новой жизни, она настояла на том, чтобы ее тетушка позволила ей взять на себя часть работы по дому. И в самом скором времени Фелиция настолько удивила всех сокрытыми в ней кулинарными способностями, что Вирджиния предложила своей кухне взять на себя руководство раздачей бесплатных обедов в «Прямоугольнике».

Фелиция и в это новое для нее дело окунулась с головой, не скрывая удовольствия от работы. Еще бы! Впервые за свою жизнь она находила удовлетворение, делая что-то, значимое для других людей. Теперь счастье бедняков «Прямоугольника» зависело и от нее тоже. Решимость совершать поступки лишь после того, как спросишь себя, «Как бы поступил на моем месте Иисус?», перевернула все ее сознание. В духовном отношении она развивалась самым удивительным образом: стремительно и с огромной силой. Даже миссис Уинслоу приходилось признавать, огромную пользу, приносимую ее племянницей, равно как и красоту характера Фелиции. Тетушка с удивлением взирала на свою племянницу, типичную городскую девушку, взлелеянную в безусловной роскоши. Дочь миллионера теперь металась по их кухне, с руками, покрытыми слоем муки, следы от которой зачастую оказывались и на ее хорошеньком носике. Дело в том, что Фелиция поначалу имела привычку в задумчивости потирать себе нос, стараясь припомнить какой-нибудь рецепт. Она с большим интересом смешивала разные блюда, стремясь предугадать, что из этого получится, сама мыла кастрюли, сковороды и чайники, и с готовностью выполняла обычную работу прислуги как на кухне Уинслоу, так и в комнатах зданий, возведенных в новом поселении в «Прямоугольнике». Сначала миссис Уинслоу пыталась противиться такой активности своей племянницы:

— Фелиция, это не твое место, быть на кухне и делать такую простую работу! Я не могу допустить этого.

— Но почему, тетушка? Разве вам не понравились пончики, что я испекла сегодня утром? — с притворной кротостью спрашивала Фелиция, еле сдерживая хитроватую улыбку. Девушке была прекрасно известна слабость ее тетушки ко всякого рода пончикам.

— Пончики были восхитительны, Фелиция. Но я не могу согласиться, что тебе подходит выполнять подобную работу.

— Но отчего же? Чем же еще мне заниматься?

Ее тетя в задумчивости смотрела на девушку. Ей бросилась в глаза особенная красота лица Фелиции и выразительность ее взгляда.

— Ты же не собираешься всю свою жизнь провести за такого рода работой, Фелиция?

— Может, и собираюсь! У меня есть мечта открыть превосходного качества столовую в Чикаго или каком-нибудь другом большом городе, чтобы ходить по трущобам и районам, вроде вашего «Прямоугольника», обучая женщин, как надлежит правильно готовить пищу. Я помню, как доктор Брюс сказал однажды, что он уверен: один из самых больших недостатков при сравнительной бедности заключается в плохом питании. Он зашел так далеко, что всерьез утверждал, что, как он считает, источники некоторых преступлений, который можно отследить, кроются в плохо пропеченных бисквитах и недожаренных бифштексах. Я убеждена, что смогла бы зарабатывать на жизнь и себе, и Розе, и в то же время помогать окружающим.

Фелиция будет вынашивать свою мечту, пока она не станет реальностью. Между тем, девушку успели полюбить в Реймонде. Особенно она пришлась по душе жителям «Прямоугольника», многие из которых уже называли ее не иначе, как «Повар-Ангел». Основанием для роста ее замечательного в духовном отношении характера лежал тот обет, что принесла она некогда в чикагской Церкви на Назарет-Авеню. «Что мог бы сделать Иисус?» Она молилась, хранила свои надежды и мечты, продолжала работать, и всю свою жизнь сверяла по ответам на этот вопрос. Он являлся побудительной силою для всех ее поступков, оставаясь ответом для всех амбиций и устремлений Фелиции Стерлинг.

Глава Двадцать пятая

Прошло уже три месяца с того воскресного утра, когда доктор Брюс взшел на кафедру своей церкви с предложением принять новый обет. Для Церкви на Назарет-Авеню эти три месяца оказались периодом исключительного оживления. Никогда доселе преподобный Кальвин Брюс даже не подозревал, какими глубокими могут быть чувства его прихожан. Теперь ему приходилось смиренно признаваться самому себе, что его обращение нашло совершенной неожиданной для пастора отклик среди мужчин и женщин его церкви. Оказалось, что многие прихожане с Назарет-Авеню, подобно Фелиции Стерлинг, жаждали ощутить в своей жизни нечто такое, чего членство и общение в церквях обычного типа им предложить не могло.

Однако доктор Брюс не был удовлетворен самим собою. Он не мог точно сказать, какое чувство не оставляет его в покое, и что именно побудило его сделать тот памятный шаг, к великому изумлению всех, кто его знал, в итоге приведший его церковь к принятию реймондского обета. Но вот, какая беседа состоялась между ним и епископом в тот исторический момент, когда новоявленное послушничество уже пустило свои корни в Церкви на Назарет-Авеню. Как и обычно, два друга находились в доме доктора Брюса. Они вели разговор между собою, расположившись в кабинете хозяина.

— Ты знаешь, зачем я пришел к тебе нынешним вечером? — спросил товарища епископ после того, как друзья обсудили некоторые из результатов принятия прихожанами с Назарет-Авеню реймондского обета.

Доктор Брюс посмотрел на епископа и покачал головою: дескать, нет.

— Я пришел, чтобы сделать тебе признание. Пока что я не в состоянии сдержать своего обещания следовать по Его стопам так, как, по моему убеждению, я обязан следовать. Я подразумеваю, следовать так, чтоб совесть моя была спокойна, не укоряя меня вопросом, что значит «идти по следам Его».

Доктор Брюс поднялся со стула и стал мерить шагами свой кабинет. Епископ, напротив, остался сидеть в глубоком обитом кресле, сложив руки на животе. Однако, несмотря на его внешнее спокойствие, глаза гостя горели тем самым, столь присущим ему огнем, что всегда отличал епископа в моменты принятия каких-то важных решений.

— Эдвард! — внезапно сказал доктор Брюс, — Честно говоря, я и сам не удовлетворен тем, как держу принесенный мною обет. Впрочем, я хотя бы определился с тем направлением, по которому мне надлежит идти. Для того чтобы следовать этому курсу, мне придется оставить Церковь на Назарет-Авеню.

— Я так и знал, что тебе придется это сделать... — тихо отвечал епископ. — И сегодня вечером я пришел к тебе сказать, что чувствую себя обязанным предпринять точно такой же шаг в отношении своего поста.

Доктор Брюс повернулся и подошел к своему товарищу. Обоим с трудом удавалось сдерживать охватившее их возбуждение.

— А что, в твоём случае это обязательно? — спросил Брюс.

— Да. Позволь мне объяснить свои причины. Весьма вероятно, что они окажутся такими же, что и у тебя. Честно говоря, я уверен, что они такие же! — епископ подождал с минуту, а затем продолжил свою речь. По ходу ее его волнение все возрастало.

— Кальвин, ты же знаешь, долгие годы я нес то служение, что прилежало моему посту, и ты догадываешься, какая большая ответственность на мне лежала все это время. Нет, я не могу сказать, что жизнь моя была свободна от тяжкой ноши или от различных печалей. Однако, для меня несомненно то, что я вел весьма комфортную, да, даже просто-таки роскошную жизнь! По крайней мере, именно таковой должна была видеться моя жизнь беднякам и отчаявшимся людям этого погрязшего в грехе города. Я располагал прекрасным домом, служившим для меня кровом, питался самой дорогой пищей, носил шикарные вещи и имел всевозможные физические наслаждения. Мне довелось путешествовать за границу — по крайней мере, раз двенадцать, и годами я наслаждался прекрасным миром искусства и литературы, музыки и всего остального, причем, все было самое лучшее. Мне никогда не доводилось попадать в ситуации, чтобы я оказался без денег или что-то в этом роде! Но теперь я не в состоянии заглушить голос моей совести: «Какие страдания довелось мне перенести ради Христа?» Вот, апостол Павел рассказывает, какие огромные лишения ему приходится терпеть ради имени его Господа! Аргументы этого Максвелла из Реймонда имеют очень хорошее основание, когда он настаивает, что идти по следам Христовым означает страдать. Но где же то, что я мог бы назвать моим страданием? Незначительные испытания и неприятности, связанные с моей работой священнослужителя не заслуживают даже того, чтобы упоминать их в качестве бед или страданий. Да по сравнению с Павлом или любым другим мучеником-христианином, или же ранними учениками Господа, я живу просто в роскоши! Такую жизнь, какой жил я, следует считать грешной, ибо она легка и полна удовольствий. Но больше я этого сносить не в состоянии! Что-то внутри меня восстает против такого порядка вещей, это чувство поднимается из глубины моей души, заставляя осуждать подобного рода следование по стопам Иисуса. Нет, доселе я не следовал Его путем! При нынешней системе церковных отношений и общественной жизни я не вижу никакого иного выхода, чтоб уйти от этого самообвинения, кроме как посвящения большей части своей личной жизни служению действительным физическим и социальным нуждам тех несчастных людей, что населяют самые худшие районы этого города.

Теперь уже епископ поднялся со своего места и подошел к окну. Улица под окнами дома Брюсов была залита ярким светом, будто днем. Епископ посмотрел на гуляющие по мостовой и тротуарам толпы, затем отвернулся от окна и с весьма прочувствованным выражением, указывавшим, насколько сильно он уже охвачен тем вулканическим огнем, что разгорался в нем с каждой минутой, воскликнул:

— Кальвин, в каком ужасном городе мы живем! Его ничтожество, его греховность, его эгоизм разрывают мое сердце! Только подумать: годами я боролся с этим чувством, подавляя в себе тошнотворный страх перед тем моментом, когда мне придется заставить себя покинуть все приятное роскошество,

что доставляет мне мое положение, чтобы посвятить свою жизнь общению с современным язычеством нашего столетия. Ведь то ужасное состояние, в котором находятся девушки в определенных местах большого бизнеса, то поистине звериное высокомерие, с которым это модное и богатое общество игнорирует очевидные язвы нашего города, и то поражающее проклятие пьянства и ада азартных игр, накладываются на раздирающие душу вопли безработных. А к их стонам и проклятиям примешивается ненависть к церкви бесчисленного количества людей, которые видят в ней лишь собрание плит из дорогого камня, наполненное обитой плюшем мебелью, где служитель выступает в роли роскошествующего бездельника. И вот это потрясающее смятение чувств в огромном водовороте человечества, со всеми его ложными и истинными идеалами, с его чрезмерным осуждением пороков духовенства и церкви, с его озлоблением и стыдом, порожденными самыми разнообразными причинами — все это является таким резким контрастом той легкой и комфортной жизни, которую я живу! И все это с каждой минутой все более переполняет меня ощущением какого-то ужаса вперемешку с самоосуждением. В душе моей последнее время все чаще звучат слова Иисуса: «Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне». Но когда это я лично с ущербом для себя посещал заключенных в темнице? Или безнадежно страдающих? Когда я лично посетил какого-нибудь грешника, так, чтобы это посещение действительно причинило мне страдание? Скорее, я следовал общепринятой бесконфликтной манере поведения, столь свойственной людям моего положения. Ведь я и сам принадлежал к обществу богатых, утонченных, аристократических членов моей собственной церкви — членов наших церковных конгрегаций. Ну, и где же, где же в моей жизни страдание?! Чем пострадал я ради Иисуса? Вот, знаешь, Кальвин, — он резко повернулся к своему другу, — у меня недавно возникло сильное искушение подвергнуть себя бичеванию... Эх, живи я во времена Мартина Лютера, я бы уж точно исполосовал свою собственную спину какой-нибудь хорошей плеткой!

Доктор Брюс побледнел до неузнаваемости. Никогда ему не приходилось слышать подобные речи от епископа, или видеть его в таком взбудораженном состоянии. В комнате внезапно наступила полнейшая тишина. Епископ вновь сел на свое место и низко опустил голову.

Прервать молчание решился доктор Брюс. — Эдвард, — сказал он, — мне нет нужды говорить, что ты в своих словах выразил и мои собственные мысли. Я долгие годы находился точно в таком же положении. Ведь и моя жизнь, можешь считать, проходила в относительной роскоши. Разумеется, я вовсе не хочу сказать, что на моем пути священнослужителя мне не приходилось встречать никаких испытаний или разочарований. Однако я не могу утверждать, что мне довелось пострадать каким-либо образом ради Иисуса. Меня постоянно преследуют строки, написанные апостолом Петром: «...Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его». Да, я жил в роскоши. И мне не известно, что это означает: жить в нужде. У меня всегда находились средства и для проведения досуга, и для путешествий, и для приятной компании. Я постоянно жил в окружении различных предметов комфорта, что предоставляет нам цивилизация. Грех и нищета этого огромного города разбивались, подобно морским волнам, о каменные стены моей церкви и стены того дома, в котором я живу. Да я и не

испытывал необходимости наблюдать эти волны: наши стены слишком толсты, чтобы догадываться о присутствии моря за ними. Но я достиг той точки, где не могу долее сносить такой жизни! Нет, я не осуждаю церковь! Я люблю ее. И я не предаю свою церковь. Я верю в ее миссию, и желания разрушать ее у меня нет. Менее всего мне хочется, чтобы тот шаг, который я намереваюсь совершить, послужил предметом для обвинений в мой адрес, дескать, я бросил христианское сообщество. Однако же я считаю необходимым оставить свое место как пастора Церкви Назарет-Авеню, чтобы я мог удовлетворить свою совесть и следовать так, как я считаю должно следовать Его стопам. В своем поступке я не осуждаю никого из священнослужителей и не подвергаю им критике прочих учеников Христовых. Но я испытываю те же чувства, что и ты. Я должен лично вступить в тесный контакт с грехом, с позором, с падшей стороной этого большого города. И я считаю, что для этого я обязан прервать свои нынешние отношения с Церковью на Назарет-Авеню. Я не вижу никакого иного пути для себя, чтобы пострадать ради Его имени, а чувствую, что я должен страдать.

И вновь мужчины погрузились на некоторое время в молчание. Им предстояло сделать очень необычный шаг. Оба они пришли к одному и тому же заключению посредством одних и тех же мыслей. Но оба они привыкли хорошо продумывать свои поступки. Привычка тщательно взвешивать любое решение подсказывала им, что недооценивать всю серьезность сложившегося положения было бы весьма опасно.

— Ну, и каков же твой план? — мягко спросил епископ друга, глядя на него с улыбкой, которая всегда делала его лицо особенно приветливым. Теперь же его глаза с каждым днем сияли все большей славою.

— План мой, — неторопливо отвечал доктор Брюс, — вкратце, таков. Определить себя в самую сердцевину людской нужды, какую я только смогу отыскать в нашем городе, и жить там. Супруга моя полностью со мной согласна. Мы с ней уже решили подыскать себе жилье в той части города, где мы смогли бы с наибольшей пользой провести нашу собственную жизнь.

— Так позволь мне выбрать место! — епископ будто горел каким-то неземным огнем. Его лицо утонченного человека пылало энтузиазмом. Юношеский задор охватил обоих друзей: их возбуждало то будущее движение, посвятить себя которому они окончательно решились. Епископ продолжал развивать свои идеи, в момент нарисовав доктору Брюсу план такого размаха, с такими гигантскими перспективами, что хозяин, будучи далеко не новичком в духовного рода вопросах, оказался пораженным при видении гораздо большей силы духа, чем его собственная.

Они засиделись за разговором далеко за полночь. Оба были настолько увлечены своими идеями и выглядели настолько радостными, что их можно было бы принять за двух путешественников, обсуждающих предстоящую им поездку в какую-то экзотическую страну, куда еще не ступала нога цивилизованного человека. И в самом деле, епископ впоследствии неоднократно рассказывал, что в ту секунду, когда он принял окончательное решение жить далее жизнью, подразумевающей постоянное самопожертвование, он внезапно ощутил огромный

внутренний порыв. Как будто большая тяжесть свалилась с его плеч! Епископ переживал настоящий восторг. Да и доктор Брюс позже говорил всем знакомым о том же самом.

И вот во что, в конце концов, вылился их план. Лучше всего, решили два товарища, снять какое-нибудь большое здание. Для их цели больше всего подошел просторный дом, бывший склад продукции местной пивоварни. Они решили слегка перестроить его и жить в нем самим. Склад был расположен в самом центре территории, которую смело можно было назвать царством салунов. Вокруг жили рабочие, снимавшие грязные комнатухи в доходных домах. Казалось, порок, безразличие и стыд с нищетою сплелись в этом месте воедино, достигнув самых ужасных своих форм. Нет, идею двух друзей нельзя было назвать новой. Это была та самая идея, которую принес в мир Иисус Христос. Оставив Дом Своего Отца, Он презрел те богатства, что принадлежали Ему по праву, и которые могли бы обеспечить Ему легкий доступ к Его ближайшему окружению. После чего Он, став частью человеческого греха, решил таким образом помочь человечеству избавиться от его грехов. Нет, идея университетских городков-поселений отнюдь не нова. Она так же стара, как Вифлеем или Назарет. И в нашем случае она оказалась самым лучшим способом, способным удовлетворить духовный голод двух мужчин, страждущих пострадать за Христа.

В одно и то же время в сердцах этих мужчин вспыхнуло неукротимое желание, разгоревшееся впоследствии в неугасимую страсть, находиться как можно ближе к физической нищете и духовным нуждам того огромного города, чья жизнь пульсировала рядом с ними. Но как они могли удовлетворить это желание, если не превратиться самим в часть этой нищеты? Стать так близко к убогим, как только может человек, стремящийся оказаться частью убогого! Иначе откуда взяться страданию, если не обеспечить места самопожертвованию хоть какого-нибудь рода? И как сделать это самоотрицание очевидным и для себя, и для других, пока оно не примет конкретные, реальные, личные формы: смотрите, вот мы — люди, на деле пытающиеся разделить глубочайшие страдания и грех большого города!

Итак, товарищи рассуждали, думая лишь за себя и стараясь не осуждать других. Их действия означали лишь верность обету поступать, как поступал бы Иисус — так, как, по их пониманию, Он должен был на их месте поступить. Именно это обещание они и старались сдерживать. И как они могли противостоять чему-то, что являлось следствием их обоюдных стремлений? В них уже не оставалось сил противиться тому, на что они оба решились.

Епископ располагал своими собственными средствами. Каждый из жителей Чикаго знал, что епископу досталось неплохое наследство. Да и доктор Брюс сумел скопить весьма значительную сумму благодаря своим литературным трудам. Его служение в приходе приносило ему вдохновение, оставляя при этом достаточно времени для упражнений в ремесле писателя. Вот эти-то средства, а точнее, значительную их часть, два друга и решили направить на общее дело. В первую очередь они намеревались обустроить здание в новом поселении.

Глава Двадцать шестая

Тем временем, Церковь на Назарет-Авеню переживала нечто, совершенно необычное для ее истории. Простой призыв пастора к членам своей церкви поступать так, как поступал бы Иисус, оказался настоящей сенсацией, которая не сразу закончилась. Результаты этого призыва были во многом похожи на последствия в церкви Генри Максвелла в Реймонде, с той лишь разницей, что Церковь на Назарет-Авеню по своему составу была гораздо более аристократичной, богатой и консервативной. Следующая новость последовала одним воскресным утром в самом начале лета, когда доктор Брюс, стоя за кафедрой, вдруг объявил о своей отставке. Его решение явилось неожиданностью для всего города, хотя он обсуждал этот вопрос со своим церковным советом, и то действие, что он собирался предпринять, не должно было стать для них сюрпризом. Тем не менее, когда широкой публике стало известно, что и местный епископ также заявляет о своем уходе с должности, которую он занимал так долго — и все это ради того, чтобы переселиться в самый центр наихудшей части Чикаго! — недоумение публики достигло своего предела.

— Но почему?! — отвечал епископ одному из своих особенно дорогих друзей, который чуть ли не со слезами на глазах умолял его остаться, — Отчего же то, что мы с доктором Брюсом собираемся сделать, всех так шокирует? Почему это выглядит в глазах прихожан столь необычным? Неужели это настолько неслыханное дело, что доктор богословия и епископ вдруг захотели спасти потерянные души именно таким образом? Если бы мы ушли в отставку для того, чтобы отправиться в Бомбей, Гонконг, или в какое-нибудь место в Африке, все церкви и весь народ провозгласили бы наш поступок подлинным героизмом миссионеров. Почему же всем кажется таким необычным делом, если мы пожелали посвятить наши жизни для спасения язычников и потерянных душ в нашем собственном городе тем образом, как мы собираемся это сделать? Разве это — такая уж из ряда вон выходящая вещь, если два христианских священника не просто готовы, но всеми силами жаждут жить в непосредственной близости к нищете этого мира, чтобы лучше познавать его и понимать? Неужели это такой редкий случай, когда любовь к человечеству находит себе выражение в столь специфической форме выражения — в спасении душ?

Но как бы епископ ни убеждал себя, что в их поступке нет ничего удивительного, весь город продолжал обсуждать сенсационное известие, а церковь выражала свое недоумение. Как, два таких человека, столь блестящих священнослужителя, могут покинуть свои уютные особняки, и, потеряв свое общественное положение, добровольно уйти в отставку, чтобы вступить на путь лишений, самоотречения и реальных страданий? О, христианская Америка! Не осуждение ли это для привычных форм нашего послушничества, когда поступки тех, кто желает понести реальные страдания за Иисуса и направляет свои стопы по Его следам, вызывают изумление, как нечто, совершенно необычное?

Прихожане Церкви на Назарет-Авеню в большинстве своем расставались со своим пастором с сожалением. Однако у тех, кто отказывался присоединиться к

принесшим обет, это сожаление вскоре уступило место чувству облегчения. Доктор Брюс уносил с собою уважение тех, кто вел свои дела таким образом, что следование обету могло привести предпринимателя к банкротству, и кто, будучи тверд в душе, продолжал сохранять взятый ими курс. Эти люди стремились к крушению своего бизнеса с завидной смелостью и постоянством. Прихожане много лет знали доктора Брюса, как мягкого, консервативного, благополучного и неагрессивного человека. Им было не просто понять его в свете самопожертвования такого рода. Но как только они его поняли, они сразу же поверили в абсолютную правоту своего пастора, лишь недавно убеждавшего их в том, что же значит следовать Иисусу. Церковь на Назарет-Авеню никогда не утратит того импульса, что был дан ей доктором Брюсом. И те, кто последовал за ним, приняв обет, сумели вдохнуть в церковь новое дыхание жизни Божества, и продолжают это животворное дело до сих пор.

* * * * *

И вновь пришла осень, а вслед за нею в город вступила суровая зима. Епископ вышел из здания Поселения и обошел пешком свой квартал. Ему вздумалось навестить кое-кого из своих новых друзей, живших в этом районе. Он прошагал уже четыре квартала, когда его внимание привлекла одна лавка, которая выглядела не похужей на другие. Окрестности были ему еще не очень знакомы, и каждый день он открывал для себя несколько необычных точек или наталкивался на неожиданные экземпляры рода человеческого.

Место, что привлекло его внимание, оказалось небольшим домиком рядом с китайской прачечной. На улицу выходило два окна, выглядевших очень чисто, что для начала было примечательно уже само по себе. Внутри этих окон были расположены соблазнительные витрины со сладостями, на которых были навешаны разноцветные ценники. Эта картина не могла не привести епископа в изумление, поскольку к тому времени он уже знал немало подробностей из жизни местного населения, и знал привычки простых людей, некогда совершенно ему незнакомых. Пока он стоял, уставившись на витрину, дверь магазинчика распахнулась, и на улицу выскочила Фелиция Стерлинг.

— Фелиция! — воскликнул епископ. — Когда это ты перебралась в мой «приход», так, что я ничего об этом не знаю? — воскликнул епископ.

— Но как вы меня так скоро отыскали? — улыбнулась Фелиция.

— Как, ты не догадываешься, каким образом я тебя нашел? Да во всем квартале не найти двух других чистых окон!

— Да, думаю, так и есть! — согласилась Фелиция, засмеявшись. Ее смех был истинным бальзамом для души епископа.

— Но как ты отважилась вернуться в Чикаго, не сообщив мне об этом, и как тебе удалось оказаться в моей «епархии» без моего ведома? — спросил епископ. Вид Фелиции так сильно напомнил ему тот красивый, чистый, культурный и утонченный мир, к которому он некогда принадлежал, что можно простить его за то, что он усмотрел в девушке нечто от своего старого рая. Хотя, сказать по правде, он не имел ни малейшего желания возвращаться назад.

— Ну, мой дорогой епископ, — сказала Фелиция, которая продолжала называть его так по старой привычке, — я же знала, как вы были загружены делами. Так что мне не хотелось обременять вас своими проектами. И, кроме того, я хочу предложить вам свои услуги. На самом деле, я как раз собиралась пойти к вам за советом. Я живу здесь вместе с миссис Бэском, торговкой, которая снимает для нас три комнаты, и с одной из учениц музыки Рейчел, которой Вирджиния Пейдж помогла устроиться на курсы игры на скрипке. Наша хозяйка из народа, — продолжала Фелиция, произнеся слова «из народа» с такой непровольной серьезностью, что ее слушатель улыбнулся, — я веду ее хозяйство, и в то же время начинаю экспериментировать по приготовлению чистой еды для большого количества людей. Я в этом деле стала специалистом, и у меня есть план, которым мне хотелось бы с вами поделиться и попросить совета. Вы не будете против, мой милый епископ?

— Разумеется, я не буду против, — ответил он. Внешность Фелиции, ее необыкновенная живость, энтузиазм и вполне очевидная цель почти смутили его.

— Марта может помочь в Поселении, играя на скрипке, а я — готовкой обедов для общего стола. Знаете, я хотела сначала обустроиться, чего-то добиться своим трудом, а уже потом прийти и предложить что-то реальное. Теперь я уже могу зарабатывать себе на жизнь.

— Правда? — спросил епископ с некоторым недоверием. — Каким образом? Выпекая эти штучки?

— «Эти штучки»! — воскликнула Фелиция с негодованием. — Я должна вам заметить, сэр, что «эти штучки» — прекрасно приготовленные чистейшие пищевые продукты во всем городе — самые лучшие!

— Я в этом не сомневаюсь! — поспешно заверил девушку епископ, заморгав обоими глазами, — но, однако, как говорится, «что пудинг удался...», ну, дальше ты знаешь.

— Так зайдите и попробуйте, что хотите! — воскликнула Фелиция, — О, бедный мой епископ! Вы выглядите так, словно целый месяц не вкушали хорошей пищи!

Девушка настояла, чтобы ее гость вошел в небольшую гостиную, где находилась Марта, выглядевшая очень живою, с коротко стриженными кудрявыми волосами. Девушка, в которой можно было безошибочно узнать большую поклонницу музыки, упражнялась в игре на скрипке.

— Продолжай, продолжай, Марта! Познакомься, это тот самый «епископ». Я тебе о нем не раз говорила. Присядьте здесь и позвольте мне угостить вас своими лакомствами. Они вам покажутся настоящим искушением, подобно египетским котлам с вареным мясом, поскольку, на мой взгляд, вы выглядите так, как будто и в самом деле поститесь!

Девушки организовали импровизированный ленч, и вскоре епископ, который, сказать по правде, неделями не находил времени для того, чтобы нормально поесть, наслаждался неожиданно изысканным вкусом блюд. Он не стеснялся выражать свое изумление яствами и удовольствие от мастерства, с

которым они были приготовлены.

— Я полагаю, вы могли бы, по крайней мере, признать, что эта еда ничем не хуже тех блюд, которые вы некогда пробовали на больших банкетах в «Аудиториуме», — сказала Фелиция лукаво.

— Ничем не хуже?! Да еда на банкетах в «Аудиториуме» — это просто рожки по сравнению с этим пиршеством, Фелиция! Но ты обязательно должна прийти к нам в Поселение. Я хочу, чтобы ты посмотрела, чем мы занимаемся. А я, так просто потрясен, что ты живешь здесь и зарабатываешь себе на жизнь таким образом! Я начинаю понимать, в чем заключается твой план. Да, ты можешь оказать нам неоценимую помощь. Ты что же, в самом деле собираешься жить здесь и далее, помогая окружающим тебя людям познавать ценность хорошей еды?

— Конечно, собираюсь, — ответила Фелиция серьезно. — Это мое Евангелие. Разве я не должна следовать ему?

— Да, да! Ты права. Да благословит Господь такой здравый смысл, как у тебя! Когда я покидал цивилизованный мир, — при этих словах епископ улыбнулся, — там было много разговоров о «новых женщинах». Если ты — одна из них, я становлюсь сторонником их движения прямо здесь и сейчас.

— Ох, уж эта лесть! Неужели от нее нет нигде укрытия, даже в трущобах Чикаго? — вновь рассмеялась Фелиция. И сердце мужчины, хотя и несколько подавленное за последние несколько месяцев под тяжестью чужих грехов, возрадовалось, услышав эти слова! Они были сказаны так хорошо. Они были добрыми. Они принадлежали Богу.

Фелиция захотела тотчас посетить Поселение, и пошла вместе с епископом. Девушка оказалась поражена результатами, которых можно было достичь, располагая большими средствами и объединенным общей идеей разумом. Проходя по зданию, они разговаривали без умолку. Фелиция была полна огромного энтузиазма, и епископ восхищался ее бьющей через край жизненной энергией.

Они спустились в подвал, и епископ отворил дверь, из-за которой доносилось характерное вжиканье плотницкого рубанка. В довольно небольшом помещении оказалась хорошо оборудованная плотницкая мастерская. Молодой человек в хлопчатобумажной кепке, блузе и фартуке, водил рубанком по доске, насвистывая что-то себе под нос. Взглянув на вошедших, юноша поспешил снять кепку. Когда он снимал ее, маленький завиток стружки с его мизинца случайно зацепился за волосы.

— Мисс Стерлинг, мистер Стивен Клайд, — представил их друг другу епископ. — Клайд один из наших добровольцев, он помогает нам здесь по два дня в неделю.

Почти сразу же епископа позвали наверх, и, извинившись, он отлучился на минутку, оставив молодых людей наедине.

— Мы, кажется, встречались раньше, — сказала Фелиция, глядя на Клайда без тени смущения.

— Да, там, в прошлом, «в миру», как любит говорить епископ, — ответил юноша, и его пальцы слегка задрожали, когда он опустил руку на доску, которую он зачищал своим рубанком.

— Да, точно, — девушка явно заколебалась, — я очень рада видеть вас.

— Правда?! — румянец удовольствия заливал лицо молодого плотника до самых ушей. — Вам, наверное, пришлось столкнуться со многими трудностями с тех пор... с тех пор... как... — молодой человек запнулся, испугавшись, что может ранить ее чувства, пробудив к жизни весьма болезненные воспоминания. Но девушка уже давно разобралась со своим прошлым.

— Да, но и вам пришлось нелегко! Как же случилось, что вы здесь работаете?

— Это долгая история, мисс Стерлинг. Мой отец обанкротился, и я был вынужден пойти работать. Для меня это оказалось очень полезным. Епископ говорит, что я должен быть за это благодарен! Я и в самом деле благодарен. Я весьма счастлив нынче. Я выучился ремеслу, в надежде, что это мне когда-нибудь пригодится. Сейчас я работаю ночным портье в одном из отелей. В то воскресенье, что вы решились принести обет в Церкви на Назарет-Авеню, я тоже вместе с другими дал его.

— Вы... дали обет? — медленно повторила Фелиция, — Я очень рада!

Как раз в этот момент вернулся епископ, и вскоре они с Фелицией ушли, оставив молодого плотника, который вернулся к своей работе. Кое-кто мог заметить, что, обстругивая доску, он насвистывал гораздо громче, чем прежде.

— Фелиция, — спросил епископ, — ты что, встречалась со Стивеном Клайдом и раньше?

— Да, «там, в миру», дорогой епископ. Он был одним из моих знакомых по Церкви на Назарет-Авеню.

— Вот как! — удивился епископ.

— Мы были очень хорошими друзьями, — добавила Фелиция.

— И ничего более? — осмелился поинтересоваться епископ.

Лицо Фелиции на мгновение вспыхнуло. Затем, оправившись, она посмотрела в глаза своему собеседнику открытым взглядом и ответила, — Правда, — аминь и аминь, ничего более!

«Все же, будет только естественно, если эти два юных сердца, как это обычно случается в мире, полюбят друг друга», — подумал мужчина про себя, и эта мысль навела на него тоску. Она была почти такой же острой, как старая боль по Камилле. Через какое-то время, когда девушка уже ушла домой, боль отпустила, оставив в его глазах слезы, а на душе — предчувствие, которое было почти надеждой, что Фелиция и Стефан когда-нибудь полюбят друг друга. «В конце концов, — вздохнул этот чувствительный и добрый человек, — разве любовь не является частью человечества? Любовь и старше меня, и мудрее».

На следующей неделе с епископом произойдет один случай, которому будет суждено прочно войти в историю Поселения. В тот вечер он возвращался в Поселение довольно поздно, устало шагая с какого-то митинга бастующих портных. Он шел один, сложив руки за спиной, когда из-за старого забора заброшенной фабрики, что тянулся вдоль улицы, выскочили двое мужчин и преградили ему дорогу. Один из них направил ему в лицо пистолет, другой же держал в руках неотесанный кол, очевидно, только что выломанный из забора.

— Подымай лапы в гору, да поживее! — сказал тот, что с пистолетом.

Место было безлюдным, так что епископ и не думал оказывать сопротивление. Он сделал, как ему было сказано, и грабитель с жердью стал проверять его карманы. Епископ был совершенно спокоен. Ни один его нерв не дрогнул. Он стоял перед грабителями с поднятыми руками так, что сторонний наблюдатель мог бы подумать, будто он молится за души этих двух мужчин. Он действительно молился. И на свою молитву он получил ответ в эту самую ночь и самым необыкновенным образом.

Глава Двадцать седьмая

«Правда пойдет пред Ним и поставит на путь стопы свои».

Епископ не имел привычки носить с собою больших денег, и грабитель с жердью, тот который обыскивал его, грязно выругался, глядя на мелочь, что ему удалось найти. Его сообщник с раздражением крикнул:

— Так сорви с него часы! Пошел на дело, так надо выжимать из него все, что можно!

Грабитель с жердью уже протянул руку, чтобы рвануть за цепочку, когда сзади послышались приближающиеся к ним шаги.

— Дуем за забор! Мы еще и вполовину его не обшарили! Эй, здоровяк, не вздумай вякнуть, если не хочешь...

Грабитель с пистолетом сделал красноречивый жест, и разбойники потащили епископа вдоль по улице, затем втолкнули его внутрь ограды через выломанную занозистую дыру. Они то волокли его, то, наоборот, пихали. Трое мужчин замерли в тени за забором, пока шаги не смолкли.

— Ну же, вытащил часы? — спросил вооруженный пистолетом налетчик.

— Нет, цепочка зацепилась за что-то! — сказал второй, и опять выругался.

— Так оборви ее!

— Нет, не рвите ее, — подал голос епископ, и это было впервые, когда он заговорил, — это подарок одного очень дорогого мне друга. Я буду весьма огорчен, если эта цепочка порвется.

Звуки голоса епископа заставили грабителя с пистолетом подскочить, словно он был внезапно подстрелен из своего собственного оружия. Быстрым движением своей свободной руки он повернул голову епископа к неяркому свету, светившему из прохода, и сам придвинулся к нему на шаг ближе. Затем, к недоумению своего подельника, он резко сказал:

— Ладно, оставь эти часы! Мы взяли деньги. Этого достаточно!

— Достаточно?! Пятьдесят центов?! Ты считаешь...

Но прежде, чем ему удалось сказать еще хоть слово, он почувствовал холод от ствола пистолета, отвернутого от головы епископа, и направленного в сторону его собственной.

— Не трогай его часы! И деньги тоже верни. Мы нарвались на епископа... на е-пи-ско-па — ты слышишь?

— Что из того? Да самому президенту Соединенных Штатов не поздоровится, если только он мне попадется...

— Я сказал, положи деньги назад, или через пять секунд я разможжу тебе башку, в которой не больше мозгов, чем той мелочи, что ты пытаешься себе захватить! — не на шутку разозлился второй налетчик.

Сбитый с толку таким неожиданным поворотом событий, грабитель с жердью какое-то время стоял в нерешительности. Он как бы оценивал серьезность намерений своего поделщика. Потом поспешно бросил мелочь в прорезной карман пиджака епископа.

— Вы можете опустить свои руки, сэр, — сказал грабитель с грубоватым почтением, медленно опуская пистолет и краем глаза наблюдая за своим напарником. Епископ не торопливо опустил руки, внимательно глядя на двух мужчин. В тусклом свете было трудно рассмотреть их черты. Он был, очевидно, свободен, и мог теперь уходить, но продолжал стоять, не делая никаких движений.

— Вы свободны, уходите! Вам больше нет необходимости оставаться здесь из-за здесь нас.

Проговоривший это мужчина отвернулся и сел на камень. Его напарник стоял, злобно ковыряя своей жердью землю.

— Именно из-за вас мне и хотелось бы остаться! — ответил епископ, присаживаясь на доску, отвалившуюся от сломанного забора.

— Вам, должно быть, понравилась наша компания. Порой людям так трудно от нас оторваться, — произнес тот, что продолжал стоять, и разразился грубым смехом.

— Заткнись! — бросил второй. — Хотя мы и находимся на прямой дороге в ад, да, это так, нам все же необходима лучшая компания, чем мы сами и дьявол.

— Если бы вы только позволили мне вам помочь, — сказал епископ мягким, почти любящим голосом. Сидящий на камне молча глядел на него из темноты. После минутной тишины он неторопливо заговорил, как человек, наконец, решившийся свернуть на тот путь, который он вначале отвергал:

— Вы меня не помните? Никогда раньше не видели?

— Нет, — ответил епископ, — здесь маловато света, и я, по правде сказать, хорошенько вас не рассмотрел.

Тут его собеседник поднялся с камня и, сняв свой картуз, подошел к епископу на расстояние вытянутой руки:

— А теперь вы меня узнаете? — вновь спросил он. Епископ при желании мог его коснуться.

Волосы налетчика были черны, как смоль, за исключением одного пятна рядом с макушкой, величиною с ладонь. Пятно было совсем-совсем белым.

В тот момент, когда епископ взглянул на него, он вздрогнул. Воспоминания пятнадцатилетней давности понемногу зашевелились в его сознании. Мужчина помог миссионеру:

— Вы не помните, как однажды, в восемьдесят первом или восемьдесят

втором, на пороге вашего дома появился незнакомец, и рассказал вам о том, как его жена и ребенок сгорели насмерть при пожаре доходного дома в Нью-Йорке?

— Да, теперь я начинаю припоминать.

Другой мужчина, похоже, заинтересовался их разговором. Он перестал копать своей жердиной в земле, оперся на нее и стал внимательно прислушиваться.

— Помните, как вы приютили меня на ночь у себя в доме, и провозились со мной весь следующий день, пытаясь подыскать мне работу? И как, когда вам удалось найти мне место старшего рабочего на складе, я пообещал вам бросить пить, потому, что вы попросили меня об этом?

— Да, я теперь вспомнил. Надеюсь, вы сдержали свое обещание!

Мужчина грубо засмеялся. Затем он стукнул кулаком о забор с такой неожиданной силой, что разбил руку в кровь.

— Где там! Я напился в первую же неделю! С тех пор я пью, не переставая. Но я никогда не забывал вас и вашу молитву. Помните, как на следующее утро, после того, как я пришел в ваш дом, вы все после завтрака собрались на молитву? Вы тогда попросили меня войти и сесть с остальными. Ох, и проняло ж меня! Ведь и моя матушка тоже молилась! Я как сейчас вижу ее, преклонившую колени у моей постели, когда я был еще мальчишкой. Помню, как однажды ночью, когда она вот так стояла на коленях у моей постели и молилась за меня, вошел отец и стал пинать ее ногами. О, мне никогда не забыть вашей молитвы в то утро! Вы молились за меня так же, как когда-то молилась моя мать, и, кажется, вас не смутило то обстоятельство, что, когда я оказался на пороге вашего дома, я был жутко оборван, сильно пьян, да и выглядел как бандюга! Ох, какую жизнь я вел! Салун служил мне приютом, он превратился в мой дом, он сделал мое земное существование сущим адом. Но ваша молитва жила во мне все эти лихие годы. Мое обещание не пить, как хрустальная мечта, разлетелось на тысячу мелких осколков в течение одной недели, и я потерял работу, что вы нашли для меня, и через два дня оказался в полицейском участке, но я никогда не забывал ни вас, ни вашей молитвы! Я не могу понять, какое благо она принесла мне, но забыть ее я не в силах! Нет, я не причиню вам никакого вреда, и не позволю никому этого сделать. Так что, вы свободны, и можете идти. Вот так-то!

Епископ даже не шелохнулся. Где-то вдали церковные часы пробили час. Его собеседник надел картуз на голову и снова опустился на камень. Миссионер глубоко задумался.

— Как долго вы без работы? — спросил он, и тот, что продолжал стоять, ответил за двоих.

— Э, да уж больше шести месяцев, с тех пор, как кто-нибудь из нас делал что-то, об чем можно было бы говорить. Если, конечно, не считать работой вот такие налеты. Я вообще-то скажу, трести прохожих — довольно изнурительный вид работы, особенно, когда выпадает такая ночка, как эта, и мы остаемся с пустыми руками.

— Предположим, я смог бы подыскать хорошую работу вам обоим. Готовы ли вы бросить это занятие и начать все с начала?

— Да какой в этом толк? — угрюмо отозвался мужчина, сидевший на камне. — Я уже сотни раз пытался начать новую жизнь. И каждый раз я опускался все ниже и ниже. Моя душа давно продана дьяволу, и он подобрался ко мне слишком близко. Мое дело кончено.

— Нет! — воскликнул епископ. Никогда прежде, даже стоя перед самой восторженной аудиторией, не испытывал он такого сильного желания, как сейчас, спасти человеческие души. На протяжении всей этой знаменательной сцены, он не переставал молиться: «О, Господи Иисусе, отдай мне души этих двоих ради Тебя! Я так жажду их. Подари их мне!»

— Нет! — повторил епископ. — Чего хочет Бог от вас двоих? Не столь важно то, чего хочу я. Но в этом случае, Он желает того же, чего и я. И вы оба являетесь для Него бесценным сокровищем! — И вдруг произошло чудо, его память ответила на призыв, не подвластный при таких обстоятельствах ни одному из живущих на земле людей. Он вспомнил имя этого человека, несмотря на ту пропасть наполненных деятельностью лет, что лежала между его приходом к нему в дом и настоящим моментом!

— Бернс! — сказал он с невыразимой страстью и желанием покорить эти две души, — если вы и ваш друг пойдете сегодня ко мне домой, я обещаю найти вам обоим достойную работу. Я верю в вас, и вам доверяю. Вы оба еще сравнительно молоды. Зачем же Богу лишаться вас? Это большое дело — завоевать любовь Великого Отца. То, что я смог полюбить вас, всего лишь самая малость. Но если вы хотите вновь почувствовать, что в этом мире есть любовь, вы должны мне верить, когда я говорю, что я люблю вас, братья мои, во имя Того, Кто был распят за наши грехи. О, у меня сжимается сердце при виде того, как вы теряете человеческий облик! Эй, да будьте же людьми! Сделайте еще одну попытку, Бог да будет вам в помощь! Никто кроме Бога, вас и меня не должен знать о том, что случилось этой ночью. Он простит вас в то же мгновение, как вы попросите Его об этом. Вот увидите, это так! Идемте! Мы будем бороться с этим сообществом — вы двое, и я. Дело стоит того, чтобы побороться, ведь наградой служит вечная жизнь. Ведь те, ради спасения которых пришел Христос, были грешниками! Я сделаю для вас все, что могу. О, Боже, подари мне души этих двух мужчин! — его речь внезапно обратилась в молитву к Богу, которая казалась продолжением его мольбы к двум падшим созданиям. Еле сдерживаемое волнение епископа не имело другого выхода. Все то время, пока он говорил, Бернс сидел, опустив голову на руки. Он начал всхлипывать задолго до того, как епископ стал творить молитву. Где были сейчас молитвы его матери? Они добавляли сил молитве епископа. А второй налетчик, более грубый и менее чувствительный, не знавший прежде епископа, стоял, прислонившись к забору. По началу он выглядел бесстрастным. Но по мере того, как епископ продолжал молиться, он все более и более проникался его речью. Какая сила Святого Духа коснулась этой беспутной, грубой и жестокой жизни, запечатлено лишь в вечной книге, которую может открыть лишь ангел-летописец. Но та же сверхъестественная сила, что затронула Павла по дороге в Дамаск, и что осенила церковь Генри Максвелла в то утро, когда

он предложил первым послушникам последовать стопами Иисуса, и что неудержимо излилась на прихожан Церкви на Назарет-Авеню — та же самая сила теперь являла себя в грязном углу этого громадного города, прикасаясь к душам этих грешных, опустившихся людей, потерявших, по всей видимости, все остатки совести и даже последнее представление о Боге. Кажется, молитве удалось пробиться сквозь накопившуюся за долгие годы корку, которая закрывала их сердца от общения с Богом. И сами люди были совершенно потрясены случившимся.

Епископ прервался, и сначала он сам не понимал, что же произошло. Не осознавали этого и те двое. Бернс продолжал сидеть, склонив голову между колен. Его спутник, облокотившись на забор, смотрел на епископа. На его лице пробивались совершенно новые для него эмоции, то были чувства благоговения, раскаяния, изумления, и даже слабый проблеск радости. Епископ поднялся.

— Идемте, братья мои. Бог милостив! Вы можете остаться в нашем Поселении на ночь, и я обещаю, что найду вам работу.

Двое мужчин последовали за ним в молчании. Когда они добрались до Поселения, было уже два часа ночи. Епископ впустил их внутрь и отвел в пустующую комнату. Перед входом он на минуту задержался. Его статная, внушительная фигура возвышалась в дверях, а на бледное лицо изливался божественный свет.

— Благослови вас Бог, братья мои! — сказал епископ, и, оставив им свое благословение, вышел из комнаты.

Наутро он едва не содрогнулся, увидев лица своих вчерашних гостей. Но то, что случилось прошлой ночью, не могло уйти бесследно. Верный своему обещанию, епископ нашел мужчинам работу. Из-за увеличения объема работ уборщик Поселения нуждался в помощнике. Так что Бернс был зачислен на это место. Епископ также подыскал работу и для его товарища: в качестве возчика на фабричном складе, неподалеку от Поселения. И Святой Дух, стремившийся спасти души этих двух безнадежных грешников, начал свою чудесную работу по их возрождению.

Глава Двадцать восьмая

Солнце перевалило за полдень: это был первый день работы Бернса в качестве помощника уборщика. Он подметал ступеньки главного входа в здание Поселения, и на минутку прервался, чтобы оглядеться вокруг. Первое, что бросилось ему в глаза, была вывеска пивной, расположенной прямо через дорогу. Он почти мог дотянуться до нарисованной кружки своей метлою, не сходя с места. На другой стороне улицы, прямо напротив Поселения, находились два больших салуна, а немного поодаль виднелись еще три.

Вдруг двери ближайшей пивной распахнулись, и оттуда вышел мужчина. В тот же миг внутрь зашли двое других. Сильный запах пива ударил стоявшему на ступеньках Бернсу в нос. Он крепко сжал черенок своей метлы, и снова начал мести. Одной ногою он стоял на крыльце, а другой на прилегающей к нему ступеньке. Бернс спустился еще на одну ступеньку вниз, не прекращая работы. У него на лбу выступили капельки пота, несмотря на морозный день и студеной ветер. Дверь салуна открылась опять, и из него вышло трое или четверо мужчин. Вот вошел ребенок с посудой, и через минуту вышел, неся кварту пива. Мальчик прошел по тротуару, как раз мимо Бернса, и запах пива вновь донесся до него. Он сделал еще один шаг вниз, продолжая отчаянно мести. Его пальцы побагровели, с такой силой сжимал он черенок своей метлы.

Внезапно Бернс поднялся на ступеньку вверх, и стал мести там, где только что подмел. Потом огромным усилием воли он заставил себя вернуться на крыльцо, и, отойдя в самый дальний от салуна угол, стал подметать его. «О, Боже! — кричал в душе Бернс, — хоть бы только епископ вернулся!» Епископ с доктором Брюсом куда-то отлучился, а Бернс здесь больше никого не знал. Две или три минуты Бернс продолжал мести угол. На его лице отражалась мучительная внутренняя борьба. Наконец, шаг за шагом, он вновь домел до ступенек, и начал спускаться вниз. Бросив взгляд на тротуар, он заметил, что одна ступенька осталась не подметенной. Это, кажется, давало ему основательный повод для того, чтобы спуститься и закончить работу.

Бернс был теперь на тротуаре, подметая последнюю ступеньку. Лицом он был обращен к Поселению, а спина его оказалась частично повернута к салуну через дорогу. Он уже десяток раз вымел эту проклятую ступеньку! Пот струился по его лицу, и капал прямо под ноги. Мало помалу он начал осознавать, что его так и тянет в ближайший к салуну конец ступеньки. Теперь он мог вдыхать запах пива и рома, так как винные пары поднимались вокруг него. Этот запах был подобен запаху дьявольской серы из самой преисподней ада, и все же он как гигантская рука притягивал его ближе и ближе к своему источнику.

Бернс постепенно добрался до середины тротуара, все еще махая метлой. Он вымел весь участок перед Поселением, и даже добрался до сточной канавы, очистив и ее. Бернс снял картуз и вытер рукавом пот со лба. Его губы были бледны, а зубы стучали. Он дрожал, как трясущийся старик, и шатался из стороны в сторону, словно уже был пьян. Его душа трепетала внутри него.

Он перешагнул через невысокий каменный бордюр, ограничивающий проезжую часть, и теперь стоял прямо перед салуном, глядя на вывеску и не в силах оторвать глаз от выставленной в витрине огромной пирамиды из бутылок виски и пива. Бернс облизал языком пересохшие губы, и сделал шаг вперед, воровато оглядываясь по сторонам. Дверь внезапно отворилась опять, и кто-то вышел на улицу. И снова горячие пронизывающие пары спирта смешались с холодным воздухом. Бернс сделал еще один шаг по направлению к двери, которая захлопнулась за посетителем. Когда его пальцы уже касались дверной ручки, из-за угла появилась высокая фигура. Это был епископ.

Он схватил Бернса за руку и оттащил его обратно на тротуар. Взбешенный мужчина, неистово жаждущий выпить, с грубым проклятием безжалостно ударил своего друга. Очень сомнительно, что в тот момент Бернс отдавал себе отчет в том, кто тащил его прочь от его гибели. Удар пришелся прямо по лицу епископа, оставив глубокую ссадину на его щеке. Но миссионер не проронил ни слова. Лишь на лице его отразилась величавая скорбь. Он подхватил Бернса, словно тот был ребенком, и фактически внес его по ступенькам в дом. Там епископ оставил Бернса в холле, а сам воротился к двери, закрыл ее и облокотился на нее спиной.

Бернс бросился на колени. Захлебываясь от рыданий, он стал молиться. Епископ стоял рядом, пытаясь перевести дух словно после большого напряжения. Впрочем, Бернс был довольно хрупкого телосложения, и не мог представлять серьезной ноши для человека, обладающего такой силой. Нет, епископ задыхался не от перенесенных усилий — он задыхался от жалости!

— Молись, Бернс, молись так, как ты никогда не молился прежде! Ничто другое не спасет тебя!

— О, Боже! Помолитесь со мною! Спасите меня! О, спасите меня от моего собственного ада! — воскликнул Бернс. И епископ преклонил колени рядом с ним, и стал молиться так, как только он один и умел молиться.

После того, как они поднялись с колен, Бернс удалился в свою комнату. Он вел себя в тот вечер, как смиренное дитя. Епископ после всего пережитого почувствовал себя будто старше. На память о случившемся на щеке его красовалась отметина, подобно тем вечным стигматам, что остались на теле Господа Иисуса. Воистину, епископ получил хороший урок: так вот, что значит следовать стопам Его на деле!

Но салун! Он продолжал глазеть на улицу, подобно многим, ему подобным заведениям, что выстроились по обеим ее сторонам. О, они вытянулись вдоль нее, словно множество ловушек, специально расставленных для Бернса! Как долго способен человек противостоять запаху этого проклятого зелья? Епископ вышел на крыльцо. Сам воздух всего их города, похоже, был насквозь пропитан запахом пива. «Доколе, Господи? Доколе?!» — молился миссионер. Вскоре на улицу вышел и доктор Брюс, и два друга повели разговор о Бернсе и его искушении.

— Ты не разузнал, кто хозяин недвижимости на соседнем с нами участке? — спросил епископ.

— Нет, у меня не было на это времени. Я займусь этим сейчас, если ты считаешь, дело того стоит. Но, что мы, Эдвард, можем сделать против салунов в таком большом городе? Они обосновались здесь так же прочно, как церкви или политики! Какая сила может их разрушить?

— Бог сделает это в Свое время: точно так же, как Он уничтожил когда-то рабство, — промолвил епископ серьезно. — А пока что, я считаю, мы имеем право знать, кто контролирует тот салун, что расположен так близко к Поселению.

— Я узнаю это, — ответил доктор Брюс.

Два дня спустя он зашел в контору фирмы одного из членов Церкви на Назарет-Авеню и попросил его уделить ему несколько минут. Бывший пастор был сердечно встречен своим прежним прихожанином, который пригласил его в кабинет, и сказал, что он к его услугам столько времени, сколько понадобится.

— Я пришел поговорить с вами относительно той собственности, что находится рядом с так называемым Поселением, где, как вы знаете, мы с епископом сейчас обитаем. Перейду прямо к делу, ибо жизнь слишком коротка и слишком серьезна для нас обоих, чтобы ходить вокруг да около в таком вопросе. Скажите, Клейтон, вы считаете правильным сдавать принадлежащее вам помещение в аренду под салун?

Вопрос доктора Брюса оказался таким прямым и таким бескомпромиссным, каким он и намеревался его сделать. Он произвел на его бывшего прихожанина мгновенный эффект.

Горячая кровь бросилась в лицо мужчине, сидящему под картиной, на которой была изображена деловая жизнь большого города. Затем он поблелел и опустил свою голову на руки. Когда он вновь поднял глаза, доктор Брюс был поражен, увидев слезу, катившуюся по щеке бизнесмена.

— Доктор, вы знаете, что я дал обет в то утро вместе с остальными?

— Да, я помню.

— Но вы не представляете, как я мучался тем, что не мог сохранить его именно в этом случае! Этот салун — такое дьявольское искушение для меня! На сегодняшний день я получаю от него больше прибыли, чем от всех остальных вложений. И, тем не менее, за минуту до вашего прихода, я был мучим угрызениями совести, оттого что позволил небольшой земной выгоде ввести себя в искушение и отречься от Самого Христа, Которому я дал обещание следовать. Я прекрасно сознаю, что Он никогда бы не сдал в аренду помещение для такой цели. Доктор Брюс, вам более не нужно говорить ни слова!

Клейтон протянул свою руку, и доктор Брюс схватил ее и крепко пожал. Чуть погодя он ушел. Пройдет еще немало времени, прежде чем ему станет известной вся правда о той борьбе, которую пришлось вести Клейтону. Это была лишь одна из частиц той истории, что принадлежала Церкви на Назарет-Авеню с того знаменательного утра, когда Святой Дух освятил обет подражания Христу. Даже епископ и доктор Брюс, действующие отныне в присутствии абсолютно неземных импульсов, еще не знали, что могучий Дух уже начать витать надо всем

их грешным городом. Он с огромным предвкушением ожидал, когда же новые послушники сумеют откликнуться на призыв к самоотречению и страданию. Дух касался их сердец, давно безрадостных и охладевших, Он тревожил дельцов и стяжателей, погрязших в неумной жажде наживы, и порождал в церквях такое движение, какого еще не бывало за всю историю города. Епископ и доктор Брюс уже оказались свидетелями некоторых поистине чудесных вещей за их недолгое пребывание в Поселении. Вскоре им предстояло стать свидетелями еще более грандиозным и удивительным проявлениям силы божества, каких они и не предполагали увидеть в этом веке, принадлежавшем миру сему.

Не прошло и месяца, как салун напротив дома Поселения был закрыт. Срок аренды его держателя подошел к концу, и Клейтон не только закрыл это помещение для торговцев спиртным, но и предложил епископу и доктору Брюсу использовать освободившееся место для нужд Поселения, деятельность которого так разрослась, что в первоначально арендованном здании уже не хватало места для всех входящих в их планы производств.

Одним из самых важных дел в их миссии стало производство чистых продуктов под руководством Фелиции. Еще не кончился месяц с того момента, как Клейтон предоставил Поселению помещение бывшего салуна, как в том же самом зале, что совсем недавно был погибелью для людских душ, уже хозяйничала Фелиция, которая не только руководила кулинарным цехом, но и вела курс домоводства для девушек, желающих устроиться на работу. Она теперь жила в Поселении, разделяя свой кров с миссис Брюс и другими молодыми женщинами, нашедшими там приют. Марта же, та девушка, что обучалась игре на скрипке, осталась в том доме, где епископ впервые их отыскал с Фелицией, и в определенные вечера приходила в Поселение, чтобы давать уроки музыки.

— Фелиция, расскажи нам, каков твой план, как он продвигается, — попросил епископ в один из тех редких вечеров, когда он выкроил себе минуту отдыха от напряженной работы. Он сидел с доктором Брюсом, а Фелиция как раз пришла из другого здания.

— Ну, я долго думала о проблеме женской занятости, — начала Фелиция с таким важным видом, что миссис Брюс не могла сдержать улыбки, глядя на полную энтузиазма и живой красоты молодую девушку. Она превратилась в совершенно новое создание благодаря данному ею обету вести жизнь, имитирующую жизнь Христа. — И я пришла к определенному заключению в отношении того, что вы, мужчины, еще не способны постичь, но миссис Брюс меня должна понять.

— Мы признаем свою инфантильность, Фелиция. Продолжай! — покорно согласился епископ.

— Тогда, вот что я предлагаю сделать. Помещение бывшего салуна достаточно просторно для того, чтобы обустроить там ряд комнат: таких, как бывают в обычном доме. Мой план заключается в том, чтобы меблировать их подобным образом, а затем обучать в них готовке и ведению хозяйства девушек, которые хотели бы в будущем стать экономками. Курс будет длиться шесть месяцев, за это время я научу их приготовлению пищи, аккуратности и проворству,

а также привью им стремление делать свою работу хорошо.

— Погоди-ка, Фелиция, — вмешался епископ, — мы живем не во времена чудес!

— Тогда мы превратим свое время в век чудес! — отвечала Фелиция. — Я понимаю, что мой план выглядит невыполнимым, но я хочу попробовать. Я знаю не один десяток девушек, которые уже изъявили желание пройти подобный курс, и если нам удастся вдохнуть в этих девушек что-то вроде кастового духа, чувства гордости за свое дело, я уверена, это будет большой ценностью для них. Я знаю, что чистая еда во многих семьях способна свершить настоящую революцию.

— Фелиция, если ты достигнешь и половину из того, что ты обещаешь, это будет благословением для всей нашей общины, — поддержала ее миссис Брюс. — Я не вижу, как ты сможешь добиться всего этого, но я скажу, да благословит Бог твои дерзания!

— Мы присоединяемся к этим словам! — воскликнули доктор Брюс и епископ. И Фелиция взялась за воплощение этого плана со всем энтузиазмом своего послушничества, которое день ото дня становилось все более практичным и полезным.

Следует заметить, что план Фелиции успешно воплотился в жизнь помимо негативных ожиданий. Развив в себе необыкновенные способности к убеждению, она в кратчайшие сроки сумела научить своих воспитанниц всем видам домашней работы. В свое время выпускницы кулинарной школы Фелиции получают высокую оценку среди домохозяек всего города. Впрочем, мы несколько опережаем ход событий. История Поселения еще не написана. Но когда это случится, деятельность Фелиции займет на ее страницах видное место.

Глубокая зима застала Чикаго, как и любой большой город мира, представляющим глазам христианства разительный контраст между богатством и бедностью, между культурой, утонченностью, развлечениями и комфортом с одной стороны и порочностью, нищетой и ожесточенной борьбой за кусок хлеба с другой. Эта зима была суровой, но вместе с тем и веселой. Никогда еще не знал город такого количества непрерывных вечеринок, приемов, балов, обедов, банкетов, именин и праздников. Никогда еще театр и опера не были заполнены такими толпами фешенебельной публики. Никогда еще не выставлялось в Чикаго напоказ столько брильянтов и золота, роскошных нарядов и экипажей. И в то же время, никогда еще глубокая нужда и страдания не были так жестоки, так сильны и так смертоносны. Никогда еще так не свирепствовали пронизывающие ветры с Великих озер, задувая сквозь тонкие стенки доходных домов по соседству с Поселением. Никогда еще нехватка еды, одежды и топлива не была так насущна в городе и не принимала таких ужасных и неотступных форм. Вечер за вечером епископ и доктор Брюс со своими помощниками выходили на улицы, спасая мужчин, женщин и детей от мук голода и холода. Огромное количество продуктов, одежды и большие суммы денег жертвовались церквями, благотворительными организациями, гражданскими властями и филантропическими обществами. Но личного участия от христианских послушников в этом деле было добиться тяжело. Где же то ученичество Христово, что приносило обещание следовать заповеди

своего Повелителя «идти и страдать»? Где же те послушники, что должны жертвовать собою со всеми своими талантами, дабы получить награду в грядущем веке? У епископа всякий раз падало сердце при осознании этого факта. Люди с легкостью отдавали деньги, но не могли и подумать о том, чтобы отдать себя. И те средства, что они жертвовали, не представляли никакой действительной жертвы, ибо они сами давали, а не теряли их. Они давали то, что было легче всего дать, что было не обременительно для них, что ранило их меньше всего. Где же тогда найти место самопожертвованию? Значило ли это следовать Иисусу? Значило ли это идти с Ним весь путь? Епископ сам в прошлом являлся членом своей собственной аристократической и очень богатой церкви, и приходил в смятение от мысли, что мужчины и женщины, принадлежавшие к самым блестящим слоям христианского сообщества, не способны вытерпеть никаких реальных неудобств, если те возникают из-за помощи страдающей части человечества. Неужели благотворительность означает избавление от выношенной одежды? Неужели она превратилась в десятидолларовую банкноту, врученную профессиональному сборщику средств или секретарю благотворительной миссии при какой-то церкви? Не должен ли мужчина пойти, и отдать себя всего, со всеми своими талантами? Не должна ли женщина отвергнуть себя, отказать себе в званом вечере, или в посещении нового мюзикла в театре, пойдя вместо этого к отбросам человеческого общества, дабы прикоснуться вживую к грешным язвам больных людей, обитающим в трущобах огромного мегаполиса? Разве благотворительность должна и далее привычно и легко вершиться некими организациями? Неужели нельзя перенаправить человеческое сострадание таким образом, чтобы выражение любви к людям перестало доставляться к ним рукою посредника?

Все эти вопросы задавал себе епископ, погружаясь все глубже в грешную и изъязвленную атмосферу города той тяжелой зимою. Он нес свой крест с радостью! Но внутри его все горело. Его сердце обливало кровью от сознания того, что непосредственная любовь к столь большим массам людей выражается таким небольшим количеством добровольцев. И однако же Святой Дух продолжал Свое молчаливое, но мощное и непреодолимое парение над городом. Он реял над церквями, и даже аристократическое, богатое и привыкшее к уюту общество, привыкшее закрывать глаза на проблемы общества, отшатываясь от них как от заразного заболевания, ощущало Его веяние.

Но вот, однажды утром, факт безусловного присутствия Духа в жизни города будет засвидетельствован обитателями Поселения. Возможно никакому другому происшествию, случившемуся той зимою, не суждено было более явственно продемонстрировать, какие результаты может дать движение, зародившееся в Церкви на Назарет-Авеню, вкупе с тем решением, что приняли епископ с доктором Брюсом, следуя обету делать все так, как на их месте сделал бы Иисус.

Глава Двадцать девятая

Час завтрака в поселении оказывался тем единственным моментом за весь день, когда вся семья могла хоть немного перевести дух и пообщаться. Это поистине был и час отдыха, и минутка, чтобы расслабиться. За завтраком друзья находили время и веселой шутке, и остроумному ответу. Смех не умолкал за столом, не только юмору, но и сообразительности людей находилось достаточно применения. Епископ оказался блестящим рассказчиком, у которого в запасе всегда было достаточно историй, а доктор Брюс порой так и сыпал анекдотами. Вся группа послушников отличалась здоровым чувством юмора, несмотря на то, что им приходилось пребывать в атмосфере постоянной скорби и печали. Честно говоря, епископ не раз упоминал, что талант смешить людей дается от Бога точно так же, как и любой другой. А если говорить о нем самом, то чувство юмора служило ему единственной защитной прокладкой, помогавшей удерживать огромное давление внешних тягот, под которым он постоянно находился.

В то памятное утро он зачитывал друзьям, с удовольствием его слушавшим, выдержки из свежего номера газеты. Внезапно епископ остановился, лицо его моментально помрачнело. Увидев, как он посерьезнел, остальные затаили дыхание. Над столом повисла тишина.

— «Застрелен насмерть при попытке стащить кусок угля с железной дороги!» Семья этого человека, очевидно, замерзала от холода, и сам он был без работы уже шестой месяц. Так... Шестеро детей и жена, все ютились в какой-то лачуге из трех комнатушек, в Вест-Сайде. Одного из детей полиция обнаружила завернутым в тряпки в стенном шкафу!

Епископ стал медленно читать и остальные заголовки, похожие на этот. Затем он вернулся к первому случаю и прочел детальный отчет о том, как был застрелен несчастный, пытавшийся украсть уголь. После чего газетный репортер решил навестить тот домишко, где жила его семья. Прочитав репортаж, епископ замолчал, и все погрузились в тягостное молчание. Привычный юмор за завтраком был позабыт в одночасье: трагедия реальной жизни заставила людей отставить смех и шутки. Огромный город бурлил рекою вокруг их «Поселения». Ужасающее течение человеческой жизни неслось могучим потоком рядом с Домом поселенцев. Те, кто имел работу, торопились поспеть по своим делам, кружась, в толчее народа, как щепки в водовороте. Однако тысячи людей жизнь выносила на самую стремнину бурлящего потока, где они теряли последнюю надежду на спасение. Эти люди погибали, находясь в одной из самых изобильных стран мира — погибали лишь из-за того, что на их мольбы заработать кусок хлеба физическим трудом им последовал отказ.

Посыпались различные комментарии со стороны поселенцев. Один из новичков, молодой человек, желавший стать священнослужителем, подумал вслух: «Но отчего же этому человеку было не обратиться за помощью в одну из благотворительных организаций? Или, в городской муниципалитет? Ведь не может же быть такого, чтобы даже в самом худшем случае наш город, в котором полно верующих-христиан, сознательно допустил бы, чтоб кто-то пропадал в

холодное время без топлива!»

— Да нет, не думаю, что наш город так уж плох, — согласился доктор Брюс. — Но мы не знаем всей истории этого человека. Может быть, он до этого так много раз обращался за помощью, что, в конце концов, в момент отчаяния, решился помочь себе сам. Насколько мне известно, этой зимой подобное уже не раз случалось.

— В этом деле не может не ужасать иной факт, — вмешался епископ. — Самое страшное, это то, что мужчина оставался без работы в течение шести месяцев!

— Но почему люди в таких обстоятельствах не покидают город, не идут в деревню? — удивился студент богословия.

На этот вопрос лучше всего ответил еще один из участников беседы, кто специально изучал имевшиеся в наличии в провинции возможности для трудоустройства. Согласно его информации, таких рабочих мест в деревне, которые предлагали бы людям не сезонную, а устойчивую работу, было крайне мало. Кроме того, практически везде требовались одинокие, не обремененные семьями мужчины. А предположим, жена и дети нанимающегося на работу мужчины заболели. Как ему переезжать, или хотя бы оставить их, чтобы самому уйти в провинцию на заработки? Каким образом ему оплатить те расходы что требуются для переезда — пусть у его семьи даже самый минимум необходимых вещей? Очевидно, можно отыскать тысячу различных причин, почему тот человек не был в состоянии никуда уехать.

— Между тем, после него осталась вдова с детьми, — напомнил мистер Брюс. — Вот ведь ужас! Где они живут, вы говорите?

— Как, да это же в трех кварталах ходьбы отсюда! Это место обычно люди зовут «районом Пенроуза». Считается, что этому Пенроузу принадлежит не меньше половины домов в его квартале. Его строения — в числе самых ветхих в этой части города. Кстати, сам Пенроуз является членом церкви.

— Да, он числится членом Церкви на Назарет-Авеню, — тихо сказал доктор Брюс.

Епископ поднялся из-за стола. Казалось, его мощная фигура является самым воплощением гнева Божия. Он уже собирался сказать нечто такое, что очень редко срывалось с его губ, но в этот момент прозвенел колокольчик. Один из «поселенцев» встал и пошел к дверям, чтобы впустить посетителя.

— Скажите доктору Брюсу и епископу, что мне необходимо их видеть! Пенроуз меня зовут: Кларенс Пенроуз. Доктор Брюс меня знает.

Люди, сидевшие за обеденным столом, хорошо слышали каждое слово. Епископ многозначительно переглянулся с доктором Брюсом, и оба быстро вышли из-за стола, чтобы встретить неожиданного гостя в холле.

— Входите, входите, Пенроуз! — пригласил доктор Брюс. Они провели гостя в приемную и плотно притворили за собою дверь, чтобы никто не помешал серьезному разговору.

По виду Кларенс Пенроуз был одним из самых элегантных людей в Чикаго. Он происходил из аристократической семьи, располагавшей огромным богатством и занимавшей видное положение в обществе. И сам Кларенс располагал немалым состоянием, имея в своем распоряжении недвижимость в самых разных частях города. Уже долгие годы он состоял членом церкви доктора Брюса. Пенроуз смотрел на двух бывших священнослужителей с выражением явного беспокойства, которое свидетельствовало о некоем необычном для этого человека душевном кризисе. Он был бледен, и губы его во время разговора дрожали. Неужели кому-либо раньше доводилось видеть Кларенса Пенроуза в столь странном состоянии?

— Этот случай, когда застрелили человека! Вы уже знаете? Уже прочитали в газетах? Его семья проживала в одном из моих домов. Какое ужасное происшествие! Однако, изначальная цель моего визита — вовсе не это, — мистер Пенроуз запнулся и обеспокоено посмотрел на лица двух миссионеров. Епископ по-прежнему выглядел хмурым. Он никак не мог избавиться от мысли, что предстоящий ему элегантно одетый человек, судя по всему, ведущий праздную жизнь, был в состоянии сильно облегчить условия существования людей, прозябавших в его доходных домах. Как знать, уменьши он ужасы их жизни, возможно, сумел бы и предотвратить эту трагедию. Ведь ему стоило поступиться лишь малой толикой своей роскоши и личного комфорта, чтобы стало возможным улучшить условия людей, живших в «районе Пенроуза»!

Пенроуз повернулся к доктору Брюсу. — Доктор! — воскликнул он с нотками почти что детского испуга в голосе, — Я пришел сказать вам, что мне довелось пережить нечто такое, что нельзя объяснить иначе, чем вмешательством потусторонних сил! Как вы помните, я был одним из тех, кто принес обет поступать так, как поступил бы на нашем месте Иисус. В то время я, несчастный дурачок, думал, что поступал всю жизнь по-христиански. Я свободно жертвовал от полноты своего богатства на церковь и на благотворительные нужды. Но никогда я не делал ничего, что принесло бы мне реальные страдания. Но после того как я дал этот обет, моя жизнь превратилась в настоящий кошмар. Это просто какой-то ад противоречий! Моя младшая девочка, Диана — вы помните ее — приняла обет вместе со мною. После этого она стала задавать мне вопросы, кучу вопросов: все о бедных людях, и где они живут. Ну, куда деваться? Пришлось мне отвечать. Но вчера вечером одним из своих вопросов она прямо-таки разбредила мне старую рану: «Не владеешь ли ты одним из тех домов, где проживают эти бедняки? Такой ли это красивый и теплый дом, как наш?» Вы же знаете, как ребенок обожает задавать подобные вопросы! Я ложился спать, мучимый тем, что могу назвать не иначе как Божьими стрелами, пробуждавшими мою совесть! Нет, заснуть я не мог. Мне так и мерещилось, что настает день Страшного Суда. Вот, меня приводят пред Судиею. И требуют дать отчет, какие дела я сотворил, будучи во плоти: «Сколько грешных душ я посетил в тюрьмах? Что я сделал, будучи слугою Господа? Как насчет тех доходных домов, где люди замерзают зимою и изнывают от жары летом? Задумывался ли я о них хоть сколько-нибудь, помимо того, чтобы вовремя собрать арендную плату? Где же мои реальные страдания? Поступал бы Иисус так, как я поступал? Делал бы Он то же самое? Неужели же я нарушил свой обет? Каким образом я использовал те деньги, те культурные богатства, то влияние в обществе, что находилось в моем распоряжении? Использовал ли я все это для

того, чтобы благословить человечество, облегчить людские страдания, принести радость угнетенным и надежду отчаявшимся? О, я получил так много! Но что же из этого я отдал?»

Вот, все это было мне как бы в видении, и видел я все так отчетливо, как сейчас вижу вас двоих и себя рядом с вами. Увидеть конец этого видения мне не удалось. В моем сознании была какая-то неясная картина страдающего Христа, указующего на меня осуждающим перстом, и все остальное скрылось из глаз, покрытое каким-то туманом и тьмою. Я не спал полные двадцать четыре часа. Первое, что я увидел этим утром, был газетный репортаж о том, как человека застрелили на угольных складах. С чувством ужаса прочел я отчет, и от этого ужаса я не в состоянии избавиться! О, я — виноватая тварь перед Богом!

Внезапно Пенроуз замолчал. Двое мужчин с величавым видом смотрели на него. Какою силою Духа Святого была затронута эта душа! Доселе это был во всем довольный собою, элегантный, культурный человек, принадлежавший к тем слоям общества, что привыкли проживать свою жизнь безмятежно, нисколько не задумываясь об устрашающих язвах огромного города. Он пребывал невеждою касательно того, что же на деле означает страдать ради Иисуса. По комнате промчалось дуновение того ветра, что прежде вымел церковь Генри Максвелла, как и Церковь на Назарет-Авеню. Епископ положил свою ладонь на плечо мистера Пенроуза и сказал, — Брат мой, Бог оказался весьма близок к тебе. Давайте возблагодарим Его!

— Да, да!.. — начал всхлипывать Пенроуз. Он сел на стул и закрыл лицо руками. Епископ сотворил молитву. После чего Пенроуз тихо сказал, — Пойдете ли вы со мною в тот дом?

Вместо ответа двое мужчин поспешили надеть свои пальто. Вскоре все трое двинулись в направлении дома, где жила семья убитого человека.

Это оказалось началом новой жизни для Кларенса Пенроуза, явившейся для него весьма необычно. Да, с той самой минуты, когда он переступил порог развалюхи, недостойной называться домом, и впервые за все свои годы увидел людское горе и отчаяние, о которых он прежде лишь читал, но с которыми никогда наяву не сталкивался, для него начался отсчет этой новой жизни. Чтобы рассказать о том, что стал делать Пенроуз со своими доходными домами, будучи верным принесенному им обету поступать так, как поступил бы на его месте Иисус, потребуется отдельная книга. А что бы сделал Иисус с подобного рода недвижимостью, будь у Него доходные дома в Чикаго или любом другом большом городе мира? Любой человек, способный правдиво ответить на этот вопрос, сумел бы без труда поведать о том, что стал делать Кларенс Пенроуз!

Зима еще не достигла своей критической точки, и в городе не наступили самые суровые холода, но в жизни его жителей, послуживших героями для нашего рассказа, произошло немало перемен. Мы имеем в виду тех послушников, что продолжали хранить верность своему обету следовать Его стопам.

Случилось одно из тех совпадений, что выглядят порою практически сверхъестественными. Однажды днем Фелиция вышла из Поселения с корзинкою

своей выпечки, которую она намеревалась оставить в качестве образца хлебопеку из района Пенроуза. В этот самый момент Стивен Клайд распахнул дверь плотницкой мастерской в подвале здания. Молодой человек оказался на улице как раз вовремя, чтоб столкнуться с нею на тротуаре.

— Пожалуйста, позвольте мне нести вашу корзинку! — предложил он.

— Отчего ж вы говорите «пожалуйста»? — укорила его Фелиция, передавая спутнику свою ношу.

— Да, я хотел сказать кое-что другое! — ответил Стивен, смотря на нее со стеснением, и, однако же, с некоторой смелостью, что напугала их обоих. Дело в том, что он влюблялся в Фелицию с каждым днем все больше, с того самого момента, как увидел ее в первый раз. Это случилось в тот день, когда она переступила порог мастерской вместе с епископом. Так получилось, что девушка и молодой человек теперь имели возможность общаться по целым неделям.

— Что «другое»? — переспросила Фелиция, с невинным видом принимая предложение оказаться в ловушке.

— Да что же... — сказал Стивен, обращая к ней свое открытое благородное лицо. Он смотрел на девушку таким взглядом, будто ему довелось узреть нечто, бывшее для него прекраснее всего на свете. — Я просто хотел сказать, «позвольте мне нести вашу корзинку, милая Фелиция!»

Никогда за всю свою жизнь Фелиция не выглядела такой очаровательной. Несколько шагов она прошла молча, даже не поворачивая своего лица к своему спутнику. Для ее собственного сердца не было секретом, что она отдала его Стивену еще задолго до этого разговора. В конце концов, она повернулась к нему и, с порозовевшим лицом и особой нежностью во взгляде, сказала, — Ну, так скажите же это, наконец!

— Так, значит, можно?! — вскричал Стивен. Он ухватил корзинку так небрежно, и так стал ею размахивать, что Фелиция рассмеялась:

— Можно-то, можно! Эй, эй, не уроните мою выпечку!

— Да что вы, я ни за что не брошу ничего подобного, что дороже для меня всего на свете, дорогая моя Фелиция! — воскликнул Стивен, словно летя по воздуху. Так он пролетел с нею несколько кварталов, но то, что было сказано между ними, дело довольно интимное, и сообщать о том читателю мы не вправе. Оговоримся только, раз уж это имеет непосредственное отношение к нашей истории, что в тот день корзинка с выпечкою так и не достигла места своего назначения. Добавим, что епископ, возвращаясь в тот день из района Пенроуза, проходил мимо довольно уединенного места, неподалеку от Поселения, где ему случилось подслушать разговор между двумя подозрительно знакомыми ему голосами:

— Но скажи мне, Фелиция, когда ты поняла, что любишь меня?

— Я влюбилась в маленький завиточек сосновой стружки, зацепившийся у тебя над ухом, в тот самый день, что впервые увидела тебя в мастерской! — отвечал ему другой голос с таким чистым смехом, что любой человек, услышавший

его, непременно почувствовал бы себя полным радости.

— Куда это вы собрались с этой корзинкой? — попытался притвориться серьезным епископ.

— Мы несем ее... Куда мы ее несем, Фелиция?

— О, дорогой епископ, мы несем ее домой, чтоб начать...

— ...Чтоб начать с нее наше хозяйство! — решительно окончил за девушку Стивен.

— Да что вы? — улыбнулся епископ. — Надеюсь, вы пригласите меня принять в этом участие. Уж я то знаю, как Фелиция умеет готовить!

— Епископ, милый наш епископ! — воскликнула Фелиция, даже и не пытавшаяся скрыть переполнявшего ее счастья, — уж конечно, вы будете у нас самым почетным из гостей! Вы довольны?

— Да, я счастлив, — отвечал он, интерпретируя слова Фелиции так, как ей того хотелось. Затем он помолчал немного и сказал мягко, — Да благословит вас обоих Господь! — После чего епископ продолжил свой путь, со слезою в уголке глаза и с молитвою в сердце, предоставив двух влюбленных предаваться своему блаженству.

О, да! Разве не может та божественная сила любви, что принадлежит этой земле, обитать в учениках Мужа Скорбей, взявшего на Себя грехи мира? Конечно же, может — воистину, это так! И эти мужчина и женщина пойдут далее по жизни рука об руку, пойдут по великой пустыне человеческой печали большого города. Им надлежит укреплять друг друга, и любовь их будет возрастать, лишь увеличиваясь от соприкосновения с язвами этого грешного мира. Они будут идти по стопам Его след в след благодаря своей взаимной любви. Им надлежит нести свои благословения в жизнь тысяч несчастных созданий с удвоенной силою, поскольку у имеющих свой собственный дом есть чем поделиться с бездомными! «Потому, — говорит наш Господь Иисус Христос, — оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей». И Фелиция со Стивеном, следуя за своим Владыкою, будут любить Его более глубоко, и служить Ему более ревностно, благодаря своему земному чувству привязанности друг к другу, благословенному и освященному Небесами.

Спустя некоторое время поле того, как эта история любви стала частью истории Поселения, в Чикаго из Реймонда прибыл преподобный Генри Максвелл. Его сопровождали Рейчел Уинслоу с Вирджинией Пейдж, а также Роллин, Александер Пауэрс и президент Марш. Причиной их приезда послужило особое собрание, организуемое в зале здания Поселения епископом и доктором Брюсом, которым удалось убедить мистера Максвелла и его товарищей-послушников из Реймонда принять в нем участие.

Для этого события, планируемого на вечер, было решено специально пригласить в холл Поселения безработных, множество несчастных созданий, утративших веру в Бога и человека, а также разного рода анархистов и безбожников: как «свободомыслящих», так и не привыкших мыслить вообще.

Присутствие всего, что только было худшего в Чикаго, всех наиболее безнадёжных, наиболее опасных, деградировавших и лишенных всех прав членов общества, служило вызовом Генри Максвеллу и прочим послушникам. Собрание началось. По-прежнему Дух Святой парил над огромным городом, полным самолюбивых, купающихся в удовольствиях людей, утопающих в грехе и не ведающих, что их ожидает. Нет, они не ведали, что уже находятся в руке Божией! Каждый мужчина и каждая женщина, пришедшие на собрание, могли видеть над дверями Поселения девиз, начертанный на большом транспаранте рукою того молодого человека, что изучал богословие:

«КАК БЫ ПОСТУПИЛ ИИСУС?»

А Генри Максвелл, лишь только переступил порог этого здания, вновь пережил чувство того глубокого потрясения, что коснулось его в момент, когда впервые эта мысль промелькнула в его сознании. Да, это было как в тот день, когда на утренней службе в его «Первой Церкви» со скамьи вдруг поднялся мужчина несчастного вида, и неверной походкой направился к кафедре священника.

Но будет ли удовлетворено желание пастора увидеть повсюду группы послушников? Сумеет ли движение, зародившееся тогда в Реймонде, распространиться по всей стране? Максвелл приехал в Чикаго со своими друзьями частично оттого, что ему верилось найти ответ на эти вопросы непосредственно в самом сердце столь огромного города. Через несколько минут ему придется выйти к толпе народа. С того момента, когда он в первый раз, дрожа от страха, заговорил с группой простых рабочих в железнодорожных мастерских Реймонда, прошло много времени. Он вырос в духовном отношении, стал гораздо сильнее и спокойнее. Но и теперь, как и тогда, Максвелл глубоко вздохнул, мысленно вознося молитву о даровании ему помощи. Затем он двинулся вперед, готовый вместе с прочими послушниками пережить один из самых значимых моментов в своей земной жизни. Он чувствовал некоторым образом, что предстоящее собрание неминуемо послужит ответом на тот вопрос, что постоянно жил в его душе: «Как бы поступил Иисус?»

Как бы поступил Иисус? В тот вечер, когда преподобный Максвелл смотрел на лица мужчин и женщин, годами пребывавших чужаками и врагами церкви, сердце его разрывалось от крика: «О, мой Владыко, научи же это церковь — Твою церковь, лучше следовать Твоим стопам!» Получит ли ответ эта молитва Генри Максвелла? Сумеет ли ответить церковь того громадного города на призыв последовать Ему? Пойдет ли она по следам Его — путем боли и страдания? Но по-прежнему, над всем городом неустанно витает Дух. Так не разочаруй же Его, о, город! Ибо никогда еще не был Он настолько готов принести в сей город революцию, как сейчас!

Глава Тридцатая

«Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного недостает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною».

Лишь только начав свою речь к переполнившим холл Поселения людям, Генри Максвелл понял: в этот вечер его взору предстоит самая большая аудитория слушателей за всю его жизнь. Сомнений в этом не было. К тому же, было очевидно, что в их маленьком Реймонде никогда не собиралось столь разношерстного народа. Даже «Прямоугольник», с самыми худшими из его представителей, не мог похвастаться таким количеством падших мужчин и женщин, настолько утративших человеческий образ. Было ясно, что эти люди совсем не испытывали не только влияния церкви, но и вообще религии. Похоже, они еще не общались с христианами!

О чем же ему говорить с этими людьми? В этом плане пастор уже давно определился. Он начал свою речь самым простым языком, рассказывая им о некоторых результатах верности принесенному его группой обету: то, как это было у них в Реймонде. Любой из мужчин и женщин, собравшихся в холле Поселения, слышали кое-что об Иисусе Христе. Все они имели какое-то представление о Его характере, и, как бы ни было сильно их озлобление к христианской церковности и духовенству, или ко всей общественной системе, они обладали зачаточными понятиями о добре и зле. То немногое, что оставалось в них от человеческого образа, было унаследовано от личности Сына Человеческого, Крестьянина из Галилеи.

Таким образом, их заинтересовало то, о чем вел свою речь Максвелл: «Как бы поступил Иисус?» После того, как пастор закончил свой рассказ о реймондском движении, он стал применять этот вопрос к социальным проблемам вообще. Его аудитория по-прежнему не теряла внимания к теме. Более того! Становилось очевидно, что люди и в самом деле заинтересовались. По мере продолжения выступления мистера Максвелла, лица сидящих в зале выглядели все более напряженно: совсем не так, как лица присутствующих на обычных церковных богослужениях. Кто может сравниться вниманием с этими простыми людьми с улицы, настоящим рабочим классом, когда они на самом деле чем-то взбудоражены! «Как бы поступил Иисус?» Предположим, эти слова превратятся в девиз не только для церквей, но и для предпринимателей, для политиков, для владельцев газет, для рабочих, для представителей высокого света? Долго ли будет принести в мир настоящую революцию, если люди начнут жить по такому стандарту? Ведь это страдание взамен себялюбия! А никому не удавалось преодолеть свое себялюбие лучше, чем Иисусу! Если люди начнут следовать Ему независимо от результатов, в мире немедленно наступит совсем другая жизнь!

Максвелл и не представлял себе, как много может значить для него умение

удержать на себе внимание такого зала, переполненного сплошь изъязвленными и грешными донельзя людьми. Сидящие поодаль епископ с доктором Брюсом, с волнением оглядывали зал, видя множество лиц, представлявших все пороки общества. Этот народ ненавидел верующих всех мастей, ненавидел сложившийся общественный порядок, ненавидел безнадежную узость и эгоизм правящих классов. Два друга, затеявшие эксперимент с Поселением, радовались при виде того, что результатом их детища было очевидное смягчение многих суровых лиц: озлобление в сердцах людей явно шло на убыль. Еще бы! Ведь причиной для этой злобы было безразличие и пренебрежение к ним обеспеченных слоев населения.

И, тем не менее, несмотря на внешнее уважение, выказываемое слушателями к выступавшему, никто из «поселенцев», даже сам епископ, понятия не имел о подлинных чувствах, что были скрыты в душе пришедших на это собрание. Среди тех, кто каким-то образом узнал о митинге в просторном холле Поселения, и ответил на приглашение, было два или три десятка безработных, которым случилось проходить мимо здания миссии этим днем. Одни прочитали объявление и решили пойти из любопытства, другие заглянули в дом просто в поисках укрытия от холодного восточного ветра. Вечер выдался морозным, и все салуны были переполнены. Во всем районе, насчитывавшем около тридцати тысяч жителей, лишь двери салунов были распахнуты для посетителей. Но помимо них держал свои двери открытыми для людей и чистый дом Поселения — христианский дом! А куда еще податься человеку, оказавшемуся без дома, без работы, да еще и без друзей, как не в зовущий его теплый холл? Разве что в салун?

В Поселении уже превратилось в традицию после каждой из подобных встреч такого рода проводить свободную дискуссию. Поэтому, когда мистер Максвелл закончил свое выступление и занял место на стуле, епископ, кому выпало вести собрание в тот вечер, поспешил подняться и объявить, что любой желающий волен задавать вопросы. Если присутствующие хотят, они могут просто поделиться своими чувствами или изложить свои собственные взгляды, при условии, что будут соблюдать те несложные правила, что предусматривает выступление в любом парламенте. По сложившемуся в Поселении порядку было принято придерживаться «правила трех минут»: каждому участнику диспута отводилось на выступление ровно столько времени. Епископ спросил, согласны ли собравшиеся на то, чтобы это правило распространялось на всех присутствующих без исключения.

Ответом на его предложение стали крики людей, уже не раз становившихся участниками подобных дискуссий: «Согласны, согласны!»

Не успел епископ возвратиться на свое место, как в середине зала поднялся человек, сразу же начавший говорить.

— Вот, хочу сказать, то, что сегодня рассказывал нам мистер Максвелл, мне хорошо известно. Я был знаком с Джеком Меннингом, тем парнем, о котором говорил мистер Максвелл. Ну, с тем, что помер у него в доме. Я два года проработал с ним бок о бок в Филадельфии, наборщиком был в типографии, стоял за соседней наборной кассой. Этот Джек был славным парнем! Как-то раз он одолжил мне пятерку, когда я совсем был на мели. Эх, жаль, я ему те деньги так и

не смог вернуть! Ну, потом у нас сменился управляющий, и его вышвырнули на улицу. Пришлось Джеку перебираться в Нью-Йорк, и с тех я его больше не видел. Когда в нашу типографию привезли первые линотипные машины, я оказался в числе главных кандидатов на увольнение. Меня уволили, как Джека, как и многих работяг. С тех пор я большей частью времени без работы. Вот, люди говорят, что изобретения, это дело хорошее. Нет, не всегда так, скажу я вам! Впрочем, наверное, я не слишком объективен. Да и как оставаться человеку объективным, когда он теряет постоянную работу из-за того, что на его место заступают машины? И вот насчет этого христианства, что мистер Максвелл говорил. Это все верно. Но я, честно говоря, не ожидаю увидеть таких самопожертвований со стороны тех, кто ходит в церковь! Если хотите знать мое мнение, то те, кто ходит в церковь, настолько же эгоистичны и жадны до денег и стремятся добиться успеха в этом мире, как и все прочие люди. Ну, за исключением нашего епископа, да доктора Брюса, да еще нескольких, им подобных. Впрочем, мне никогда не приходилось наблюдать какую-нибудь разницу между людьми мирскими, как их называют, и теми, кто являются членами каких-нибудь церквей, когда дело доходит до бизнеса и до того, как делать деньги. Один класс настолько же плох, как и другой.

Говорившего прервали выкрики: «Точно!» «Ты прав!» «Это так, нет сомнений!» Только он сел, как двое мужчин, уже вскочивших на ноги за пару секунд до того, как он закончил, начали одновременно говорить.

Однако епископ сразу призвал их к порядку и указал того, кому надлежало подождать, а кому выступить первым. Оставшийся стоять сразу же заявил:

— Я здесь у вас в первый раз, и, вполне возможно, в последний! В общем, мою жизнь вполне можно считать конченой! Я утюжил мостовые этого города в поисках работы, пока не заболел. С меня довольно всех этих увещеваний. Хватит! Но мне хотелось бы задать один вопрос этому миссионеру, если можно. Можно?

— Это уж как мистер Максвелл решит, — объявил епископ.

— Да сколько угодно! — живо отозвался мистер Максвелл. — Разумеется, я не могу обещать, что сумею дать такой ответ, что удовлетворит этого джентльмена.

— А вопрос у меня, вот какой, — мужчина наклонился и выбросил далеко вперед руку, столь драматичным жестом, что не оставалось никаких сомнений в его крайне возбужденном состоянии. Жест этот выглядел абсолютно естественным. — Мне хотелось бы знать, что мог бы сделать Иисус на моем месте! В течение двух последних месяцев я не проработал ни единого часа. А у меня жена и трое ребятишек, и я люблю их так же сильно, как если бы я был миллионером. Живем мы благодаря тем крохам, что мне удалось скопить за время работы на Всемирной ярмарке. По профессии я плотник, и как только я ни пытался отыскать себе работу! Вот, вы сказали, что нам следует избрать себе девизом: «Как бы поступил Иисус?» Но что бы Он смог поделаться, если бы оказался без работы, как я? Я не могу превратиться в кого-то другого и задавать такие вопросы. Я хочу работать! Я готов дорого заплатить за то, чтобы вновь почувствовать усталость после десятичасового рабочего дня, ту усталость, которую я раньше чувствовал! И почему я должен винить себя за то, что не могу придумать работу себе сам? А мне

нужно как-то жить, и моей жене, и детям, тоже нужно как-то жить. Но как?! Вот, как бы на моем месте поступил Иисус? Вы же сказали, этот вопрос мы должны себе задавать!

Мистер Максвелл продолжал сидеть перед целым океаном лиц людей, устремивших свои взоры на него. С минуту ему казалось, что ответа на заданный ему вопрос не существует. «О, Боже! — молился он в душе, — ведь это же вопрос, который все социальные проблемы подымает до уровня абсолютного пика, где все человеческие пороки сплетаются воедино. Вся греховность человека и его нынешнее состояние в свете этого вопроса предстает противоречащим воле Божией, желающей благополучия каждому! Существует ли условие, более ужасное, чем человек в расцвете сил и здоровья, способный и желающий работать, не имеющий иных легальных средств к существованию, кроме своей работы, который этой работой лишен?! И этот человек вынужден склоняться к одному из трех: либо к нищенствованию и жизни за счет благотворительности, унижительному принятию пищи из рук своих друзей или чужаков; либо к самоубийству; или же к голоду. Как бы поступил Иисус?» Да, этот человек имел право задать людям такой вопрос. Собственно, это был единственный вопрос, который он был в состоянии задать, окажись он в числе послушников, следующих по стопам Иисуса. Но какого рода ответа можно требовать от человека на этот вопрос, коль скоро он оказался в подобной ситуации?

Все это, и не только, приходилось обдумывать теперь Генри Максвеллу. Да и все остальные думали о том же. Епископ сидел со столь строгим и печальным видом, что нетрудно было догадаться, как сильно вопрос безработного плотника затронул его. Рядом низко склонил свою голову доктор Брюс. С того момента, как он дал обет послушания, оставив свою церковь ради миссионерской работы в Поселении, проблемы человечества еще никогда не выглядели для него столь трагичными. Как бы поступил Иисус? Какой ужасный вопрос! Но мужчина продолжал стоять перед ними, ожидая ответа: высокий, сухопарый, с рукою, все так же вытянутой в их сторону. Вид его был почти что устрашающим, и, казалось, заданный им вопрос с каждой минутой обретал все большую значимость. Наконец, мистер Максвелл нашелся, что сказать.

— Есть ли в этом зале человек, принявший наш обет христианин, находившийся в подобной ситуации и пытавшийся поступать так, как поступил бы на его месте Иисус? Если есть, то такой человек сумеет ответить на этот вопрос лучше меня!

По холлу пролетело оживление. И вот, человек, сидевший ближе к передним рядам, медленно поднялся со своего места. С виду довольно пожилой, мужчина положил руку на спинку скамьи, стоявшей перед ним. Рука его заметно дрожала. Он сказал:

— Полагаю, не будет преувеличением сказать, что я много раз оказывался в подобном положении. Однако я при любых обстоятельствах стремился оставаться христианином! Не знаю, задавался ли я постоянно вопросом, как бы поступил Иисус на моем месте, когда лишался работы, но могу сказать с уверенностью, что всегда старался оставаться Его учеником, несмотря ни на что. Да, — продолжал

пожилой человек с печальной усмешкою на лице, в которой для епископа и мистера Максвелла было гораздо больше патетики, чем в ухмылке отчаяния бывшего гораздо моложе его первого безработного, — Да, приходилось мне и нищенствовать, и немало зависел я от всяких благотворительных заведений! Много приходилось мне делать, когда я бывал без работы, но я никогда не крал и никого не обманывал ради того, чтобы добыть себе пропитание или топливо для очага. Не уверен, что Иисус тал бы делать то, что мне приходилось делать ради куска хлеба, но я твердо знаю, что я никогда не совершал сознательно ничего худого, когда был безработным. Порой я думаю, может быть, Иисус предпочел бы добровольно голодать, чем просить милостыню. Не знаю, впрочем.

Голос пожилого рабочего пресекался, и он робко оглядел зал. Но люди лишь потупляли взор в ответ, пока тишину не нарушил чей-то резкий голос. Крупный черноволосый мужчина, заросший клочковатой бородой, сидел всего лишь через три стула от епископа. Лишь только он начал говорить, практически все люди в зале напряжением потянулись вперед, чтоб лучше рассмотреть оратора. Тот безработный, что задал вопрос, что бы на его месте смог сделать Иисус, тихонько опустил на свое место и прошептал на ухо сидевшему рядом с ним человеку: «Кто это?»

— Это ж Карлсен, лидер социалистов. Ну, сейчас начнется!

— Э-э-э, все это бред и чепуха, так я понимаю! — начал Карлсен. Его большая колючая борода вся тряслась из-за охватившего ее владельца внутреннего гнева. — Вся наша система доказала свой провал! То, что мы привыкли звать цивилизацией, прогнило до самой сердцевины. Нет никакого смысла воротить глаза от своего стыда или пытаться прикрывать его! Мы живем в эпоху сплошных трестов, всяких соглашений и заговоров капиталистов между собою. Жадность буржуев доходит до того, что грозит смертью тысячам невинных людей: мужчин, женщин и детей. Я благодарю Бога — если Бог, конечно, существует, в чем я лично очень сильно сомневаюсь! — за то, что я так и не решился жениться и обзавестись семьей. Семья! Вы мне будете еще говорить! Есть ли в данный момент что более значимое, чем этот парень и трое детей на его руках, которым нечего есть? А он — лишь один из многих тысяч, ему подобных! И, однако же, в этом городе, как и в любом крупном городе в этой стране, существуют тысячи верующих христиан, располагающих всякой роскошью и комфортом, которые по воскресеньям ходят в церковь и распевают там свои гимны про то, что все оставят ради Иисуса, возьмут свой крест и последуют за ним! Дескать, весь путь за Ним пройдут, и будут спасены! Не берусь утверждать, что среди них вовсе нет порядочных мужчин и женщин, но пусть-ка этот священник, что говорил с нами сегодня, рискнет отправиться в десяток аристократических церквей, которые я ему готов прямо сейчас назвать, и предложит их членам принять обет, подобно тому, о котором он рассказывал! Поглядим, как быстро его там обсмеют, или посчитают за сумасшедшего, а то и просто обзовут фанатиком. Ну уж, нет! Это — не панацея! Таким путем никогда ничего не добьешься. Нам надобно начинать все сначала, брать власть в свои руки. Вся система в целом нуждается в реконструкции. Никакая реформа, исходящая от церковников, ни к чему хорошему, на мой взгляд, привести не может. Потому что они не с народом! Они — с аристократами, с

людьми капитала! У трестов и монополий полно своих представителей среди церковных властей и среди верующих. И священники, как класс — их прислужники! То, что нам нужно, это такая система, в которой основанием всему будет социализм, что покоится на правах простых людей...

Карлсен по всей видимости совсем позабыл о трехминутном правиле, и, почувствовав себя как рыба в воде, уже готовился всю использовать свои ораторские способности. Ему казалось, что он находится в своем обычном окружении, перед обычной для него толпой. Размахнувшись выступать по меньшей мере час, он опешил, когда находившийся сзади него человек бесцеремонно потянул его и усадил на стул, поднявшись вместо него. Поначалу Карлсен рассердился и уже хотел взбаламутить весь зал, но епископ поспешил напомнить ему о заранее оговоренном ограничении, и социалисту пришлось нехотя подчиниться. Что-то невнятно бормоча в свою обширную бороду, возмутитель спокойствия понемногу успокаивался на своем месте, в то время как последующий спикер начал свою речь с пространного отступления. Этот человек был убежден, что спасением от всех бед их общества может послужить введение единого налога. Следом за ним слово взял другой мужчина, злобно ругавший христианские церкви и священнослужителей. Он заявил, что главными препятствиями на пути подлинных реформ общества являются суды и все церковные институты.

Вслед за этим оратором на ноги вскочил мужчина, по лицу которого можно было сразу сказать, что ему пришлось немало поработать на открытом воздухе. Он разразился потоком проклятий по адресу корпораций, причем особо от него досталось почему-то железным дорогам. Лишь только его время истекло, захотел высказаться здоровый мускулистый парень, назвавший себя рабочим-металлистом. Выпрямившись во весь свой немалый рост, он напрямую заявил, что мучающие общество язвы способны исцелить лишь профессиональные союзы. Трейд-юнионизм, сказал он, способен ввести их в тысячелетие труда более чем что-либо другое. Последующий оратор взялся объяснить положение дел, приведя немало причин, почему в стране столько безработных. Он проклинал новые изобретения, обозвав прогресс орудием дьявола. За последнее сравнение аудитория наградила его громкими аплодисментами.

Наконец епископ заявил, что пришло время завершать их встречу, и попросил Рейчел спеть что-нибудь.

За тот чудесный год в Реймонде, что начался воскресным утром, когда Рейчел Уинслоу принесла обет поступать во всем так, как поступал бы на ее месте Иисус, она сильно выросла в духовном плане. Теперь это была убежденная христианка, исполненная смирения и обладающая отменным здоровьем. Огромный свой музыкальный талант она всецело посвятила делу служения своего Владыки. Никогда ранее она не молилась так рьяно об успехе своего выступления перед людьми, как в эту ночь на собрании в холле Поселения. Нет, не своего выступления: отныне она считала, что и голос ее принадлежит ее Учителю, и его надлежит использовать лишь для Него Одного.

Лишь только девушка начала петь, не осталось никаких сомнений, что молитва ее удостоена ответа! Рейчел выбрала для исполнения следующий гимн:

«Чу! Иисуса глас зовущий: следуй Мне, последуй Мне!»

И вновь Генри Максвеллу, сидящему в том зале, пришла на память первая ночь в шатре «Прямоугольника», когда пение Рейчел Уинслоу заставило толпу утихнуть. И здесь ее голос привел к такому же эффекту. Какой же замечательною силою может обладать музыкальный дар человека, коль скоро он посвящается для служения его Властелину! Огромные способности, которыми Рейчел была наделена от природы, могли бы сделать ее одной из величайших оперных певиц своего времени. Несомненно, собравшейся аудитории никогда не доводилось слышать подобной мелодичности. Да и где этим людям было слышать такое? Люди, попавшие в зал Поселения прямо с улицы, сидели, зачарованные волшебной силы голосом. Такой голос, как говорил епископ, простым людям было невозможно услышать «в миру», как он выразился: обладатель такого таланта потребовал бы в обмен за привилегию его послушать два, а то и три доллара. Песня лилась по залу, наполняя слушателей чувством такой радости и свободы, как будто она сама по себе являлась предвкушением спасения. Карлсен, высоко подняв свое заросшее черной бородой лицо, впитывал в себя музыку с той трепетной любовью, что всегда отличала представителей его народности. По щеке социалиста скатилась слеза, блестевшая теперь в густой бороде. Лицо его заметно помягчело, и выглядело почти что благородным. Тот безработный, что хотел знать, как мог бы поступить Иисус, окажись Он на его месте, сидел с полуоткрытым ртом, ухватившись за грубелой рукою за спинку стоявшей перед ним скамьи. Видно было, что на минуту он забыл о своей тяжелой жизни. Песня, пока она длилась, заменяла для него пищу, кров и тепло для его жены и детей, ему казалось, что он вновь соединился со своей семьей. Мужчина, который с такой злобою говорил о церквях и священниках, сидел с гордо поднятой головой. На первый взгляд, казалось, он отторгает лившиеся ему в уши чудесные звуки, и упрямо пытается сопротивляться всему, что хоть отдаленно может быть связано с церковью и с какой бы то ни было формой богослужения. Но и его постепенно подавила та сила, что переполняла сердца всех людей, сидевших в зале. Да! вот на лице и этого человека появилось задумчивое выражение.

Сам епископ сказал в ту ночь, когда Рейчел пела в его Поселении, что если бы мир грешных, потерянных, заблудших и лишенных всех прав людей оказался в состоянии услышать Евангелие, доносимое до него оперными примадоннами, профессиональными тенорами, альтами и басами, то, он уверен, это ускорило бы пришествие Царствия Небесного гораздо лучше, чем любая другая сила. «Почему, ну почему, — кричал он в душе своей, пока слушал пение, — это величайшее богатство мира, музыка, так часто недостижимо для бедняков?! Все потому, что обладатель прекрасного голоса или талантливых пальцев, способный создавать поистине божественные звуки, зачастую относится к своему дару лишь как к средству добывать деньги. Неужели не должно быть мучеников среди тех, живущих на земле, кто обладает каким-либо талантом? Почему среди представителей прекрасного мира музыки не должно быть жертвенных людей, как среди прочих профессий?»

А Генри Максвелл вновь, как и прежде, вспоминал другую аудиторию: ту, что была в «Прямоугольник». Его желание распространять новое послушничество

как можно шире все усиливалось. То, что ему довелось увидеть и услышать в Поселении, лишь сильнее разжигало внутри него убеждение в возможности разрешения всех проблем, стоявших перед этим городом, если только все живущие в нем христиане решатся следовать Иисусу так, как Он им заповедовал. Но что же делать с этой огромною массой людей, погрязших в невежестве и грехе — массой тех самых людей, ради спасения которых и пришел Спаситель? Что делать с ними, со всеми их ошибками и заблуждениями — с людьми, утратившими всякую надежду, да ко всему тому же и испытывающими крайнюю озлобленность в отношении церкви? Вот, что беспокоило его больше всего. Неужели церковь оказалась настолько далека от своего Властелина, что люди более не в состоянии отыскать Его в церкви? Неужели и правда церковь утратила свою власть над людьми того сорта, которые в первые века христианства вступали в нее огромными толпами? Насколько истинными являются те мысли, что излагал лидер социалистов, говоря о бесполезности реформы в церкви или какого-либо ее возрождения, по причине себялюбия, замкнутости и аристократизма ее членов?

Он все более и более поражался тому факту, что относительно небольшое число людей в зале, притихшее на минуту под очарованием голоса Рейчел, представляло тысячи себе подобных, для которых церковь или священнослужитель значили гораздо меньше в плане счастья и утешения, чем салун или пивная. Разве так должно быть? Если все члены церкви начнут поступать так, как поступал бы на их месте Иисус, неужели и тогда целые армии безработных останутся слоняться по улицам, в поисках какого-нибудь занятия, а сотни подобных людей будут продолжать ругать церковь? И тысячи таких людей будут по-прежнему видеть лучшего своего утешителя в салуне? Насколько виновны христиане за эту проблему человечества, которая так наглядно представлена сегодня вечером в холле Поселения? И правда ли, что церкви этого большого города, как правило, отказываются следовать стопам Иисуса так буквально, чтобы страдать — в прямом смысле страдать! — ради Него?

Генри Максвелл продолжал думать над этими вопросами и после того, как Рейчел закончила свое пение, и встреча подошла к концу. По завершению собрания многие еще оставались пообщаться между собою, и общение их было очень теплым и неформальным. Небольшая группа живущих в Поселении собралась на свое богослужение, что давно вошло между ними в привычку — а Максвелл все обдумывал свои вопросы. До часу ночи епископ с доктором Брюсом продолжали беседу в его присутствии — а реймондский пастор все думал и думал. Перед тем, как отойти ко сну, Генри опустил на колени, желая излить свою душу в молитве. Он молился о крещении церкви Америки Духом Святым, о таком крещении, о котором доселе и не слыхивали. И поутру, лишь только он открыл глаза, Максвелл стал молиться о том же самом. Целый день его не покидали мысли о вчерашнем. Так и ходил он по району Поселения, наблюдая за жизнью людей, которая была столь далека от «жизни с избытком», а сам все думал. Неужели же члены церквей, христиане — и не только в церквях Чикаго, но и по всей стране — откажутся идти по следам Его, если, ради этого им придется в буквальном смысле взять свой крест и последовать Ему? Да, это и есть тот вопрос, на который будет нужно вновь и вновь давать ответ.

Глава Тридцать первая

В начале, когда Максвелл только приехал в Чикаго, он рассчитывал скорее возвратиться в Реймонд, чтобы в ближайшее воскресенье вновь проповедовать со своей кафедры. Однако в пятницу утром к нему обратился пастор одной из крупнейших церквей Чикаго с просьбой выступить с проповедью на обоих предстоящих богослужениях: и утреннем, и вечернем.

Вначале Генри колебался, но, в конце концов, принял приглашение, посчитав его за ведущую длань Духа Божия. Заодно он сможет испытать те вопросы, что мучают его! Да, он сумеет проверить, верно, или нет то обвинение, что было выдвинуто против христианской церкви на собрании в Поселении. Как далеко сумеет зайти церковь в своем самоотрицании ради Иисуса? Как близко к Его следам сумеет она пойти? Желает ли церковь страдать так, как страдал ее Владыка?

Практически всю ночь с субботы на воскресенье реймондский пастор провел в молитве. Никогда еще в его душе не происходило столь отчаянной борьбы, даже если учитывать самые сложные испытания, которые ему довелось переносить у себя в Реймонде. По сути дела, он переживал нечто совершенно новое. Определение того, правильного ли рода послушником является он сам, переживало очередной кризис, поскольку Максвеллу теперь предстояло открыть для себя еще большую истину от Господа.

Воскресное утро застало огромную церковь забитой народом до отказа. Генри Максвелл, восходивший за кафедру после всенощного бдения, чувствовал на себе сильное давление со стороны людей, не скрывавших своего любопытства. Местные верующие, подобно другим церквям Чикаго, уже слышали о реймондском движении, а недавний поступок доктора Брюса лишь подогревал всеобщий интерес к новому обету. Нет, это не было простое любопытство: чувствовалось, что люди переживают нечто глубокое, нечто серьезное. И сам мистер Максвелл прекрасно это чувствовал. В сознании того, что присутствие Духа переполняет его живительной силой, он был готов донести до слушателей свое послание.

Он никогда не был из числа тех, кого принято называть великими проповедниками. Он не обладал ни силою, ни качествами, что определяют выдающихся ораторов. Но с тех самых пор, как он принес обет делать то, что сделал бы на его месте Иисус, он обрел определенного рода способность убеждать, присущую всем лицам, имеющим подлинную способность к красноречию. В то утро собравшиеся в церкви испытали на себе и силу его смирения, и силу полноты его искренности, свойственную человеку, познавшему некие глубинные истины.

После короткого рассказа о том, каких итогов удалось добиться в его церкви после того, как добровольцы приняли обет, Генри Максвелл перешел к тому вопросу, что терзал его после встречи в Поселении. Темой для своей проповеди пастор избрал историю о молодом человеке, пришедшем спросить Иисуса, что ему делать, чтобы стяжать себе вечную жизнь. Иисус решил испытать его: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и

приходи, следуй за Мною». Однако же юноша не пожелал страдать до такой степени. Если следование Иисусу означает подобного рода страдание, он не желает этого делать. Да, он хотел бы следовать за Иисусом, но только если для этого не требуется так много отдавать!

— Верно ли, — продолжал свою речь Генри Максвелл, и его лицо утонченного и способного к мысли человека расцветало стремлением достучаться до сердец его слушателей, которые не слишком привыкли, чтобы их что-либо по-настоящему затрагивало, — Верно ли, что церковь в наши дни; та церковь, что носит собственное имя Христово! решится отказаться последовать Ему, если такое следование будет означать страдание, материальные потери, временные убытки? Такое утверждение мне довелось услышать во время большого собрания в Поселении на этой неделе. Высказал его один из лидеров рабочих: он сказал, что бесполезно рассчитывать на церковь, если хочешь как-то реформировать или разбудить наше общество. Но на чем было основано подобное заявление? Просто на предположении, что церковь по большей части состоит из мужчин и женщин, которые стремятся думать о собственном уюте и роскоши, чем о страданиях, нуждах и пороках человечества. Насколько это правда? Готовы ли христиане Америки к тому, чтобы их ученичество, их послушание Господу было испытано на прочность? Что можно сказать о тех людях, кто располагает большими богатствами? Готовы ли они взять свои богатства, и распорядиться ими так, как распорядился бы Иисус? И что можно сказать о мужчинах и женщинах, наделенных большими талантами? Готовы ли они пожертвовать свои таланты человечеству, как Иисус на их месте, несомненно, пожертвовал бы?

Разве не правда то, что в наше время настала пора явить всему миру совершенно новый вид христианского послушничества? Вы, что живете в этом огромном грешном городе, должны знать об этом гораздо лучше меня. Возможно ли для вас идти своею жизнью беззаботно, не задумываясь об ужасных условиях существования тех мужчин, женщин и детей, что умирают, душою и телом, нуждаясь в христианской помощи? Неужели же вас лично не заботит то, что салуны убивают тысячи своих завсегдатаев вернее, чем война свои жертвы? Разве не требует от вас в той или иной форме самопожертвования проблема тех тысяч людей, что, будучи вполне способными к работе, и обладая желанием трудиться, топчутся по улицам этого города, как и многих других городов, умоляя предоставить им хоть какую-нибудь работу? И эти люди постепенно опускаются до преступлений, а зачастую кончают жизнь самоубийством, отчаявшись решить проблему трудоустройства. Можете ли вы сказать, что вам до этого нет никакого дела? Дескать, пусть каждый человек сам за себя решает? Задумайтесь: если бы каждый христианин в Америке начал поступать во всем так, как поступал бы на его месте Иисус, все наше общество, да и бизнес — да, и деловой мир тоже! — как и вся политическая система, на которой построена вся наша коммерческая деятельность, равно как и система управления, изменились бы настолько, что страдания людей оказались бы сведены до минимума. Разве не так?

Каким бы мог оказаться результат, если бы все члены церкви этого города попытались действовать так, как действовал бы на их месте Иисус? Нет, предугадать в деталях последствия такого шага невозможно. Зато легко

догадаться, что проблемы человечества немедленно стали бы получать вполне адекватные ответы — в этом нет никаких сомнений!

Что представляет собою проверка на христианское послушание? Разве она не такая же в точности, какую была во времена Христа? Разве наше сегодняшнее окружение каким-то образом изменило или модифицировало эту проверку? Будь Иисус с нами сегодня, разве Он не призвал бы некоторых из членов вот этой самой церкви сделать то, что Он повелел некогда юноше — не велел бы Он им отдать свои богатства и следовать Ему в прямом смысле? Я уверен, что Он бы так и поступил, если бы посчитал, что какой-то из членов церкви больше думает о своей собственности, чем о Спасителе. Эта проверка сегодня была бы такой же, как и тогда! Я убежден, что Иисус потребовал бы — Он и требует! — следовать по Его стопам как можно ближе. От Его последователей сегодня требуется столько же страдания и столько же самопожертвования, как когда Он жил во плоти на этой земле и говорил: «Если человек не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником». То есть, пока он не пожелает делать все это ради Меня, не может быть Моим учеником.

Итак, какие последствия могут наступить в этом городе, если каждый из членов его церкви начнет поступать так, как поступал бы на его месте Иисус? Нелегко говорить о деталях таких последствий. Но все мы понимаем, что многое из того, что ныне практикуется прихожанами, будет просто невозможно!

Что мог бы сделать Иисус в отношении богатства? Как бы Он его употребил? Каким бы принципом Он стал руководствоваться в отношении Своих денег? Возможно ли, чтобы Он стал жить в великой роскоши, и тратить в десять раз больше на Свое одеяние и на Свои забавы, чем Он жертвовал бы на то, чтоб облегчить нужды страдающего человечества? Что управляло бы Иисусом в плане Его заработков? Стал бы Он принимать арендную плату с салунов и с прочей недвижимости с сомнительной репутацией? Более того, разве мог бы Он получать ренту с доходных домов, что возведены до того плохо, что их обитатели лишены самого понятия «дом»? Они не располагают даже возможностью уединиться, да и жилье их нельзя назвать по-настоящему чистым!

Что мог бы сделать Иисус по отношению к огромной армии безработных и отчаявшихся, что уютжат мостовые городских улиц и проклинают церковь, или же остаются к ней безразличными? Они совсем потеряны в их ожесточенной борьбе за кусок хлеба, вкус которого оказывается еще горше из-за того, что он приобретен в безнадежном конфликте со своей совестью. Неужели бы Иисуса никак не беспокоило их состояние? Неужели бы Он шел Своим путем, шел мимо, наслаждаясь относительным комфортом и безопасностью? Ужель бы Он сказал, что эти люди — не Его дело? Разве Он не посчитал бы Себя ответственным устранить причины, приведшие к подобному положению дел?

Как поступил бы Иисус, оказавшись в самом центре цивилизации, которая стремится вперед в погоне за деньгами с отчаянной быстротой? Скорость ее такова, что даже девушки, нанимаемые на работу в крупных компаниях, не получают достаточно жалованья, чтобы держать в сохранности душу и тело. Сотни этих девушек падают жертвами страшных искушений, срываясь в

ужасающую глубину кипящей пропасти. Требованиям большого бизнеса приносятся в жертву тысячи молодых парней: в их отношении предприниматели пренебрегают всеми обязанностями христианина, отказывая своим рабочим в образовании и укреплении их морали, и нисколько о них не заботятся. Разве Иисус, окажись Он здесь сегодня, как частица нашего века, нашей коммерции и нашей промышленности, ничего бы не почувствовал, ничего бы не сделал, ничего бы не сказал перед лицом тех фактов, о которых прекрасно знает любой предприниматель?

«Как бы поступил Иисус?» Разве это не то, как должен поступать его ученик и послушник? Разве ему не велено идти по Его следам? Насколько сильно христианство века сего терпит ради Него страдания? Отрицает ли оно себя в отношении облегчения своей жизни, комфорта, роскоши и элегантности внешнего вида? Чего этому веку не хватает более, чем личного самопожертвования? Неужели церковь выполняет свой долг в вопросе следования Иисусу, когда жертвует незначительные суммы на основание миссий или облегчение совсем уж крайних условий нужды человеческой? Разве можно посчитать настоящей жертвою, когда человек, стоящий десять миллионов долларов, отдает десяток тысяч на какое-нибудь благотворительное дело? Скорее, следует сказать, что он вообще ничего не дает, чем дает что-то, что может стоить ему хоть каких-то личных страданий! И разве не правда, что послушники-христиане в наше время в большинстве американских церквей ведут изнеженную, легкую, самолюбивую жизнь, очень далекую от любого рода страдания, что можно было бы назвать жертвою? Так как бы поступил Иисус?

Настоящее христианское послушничество или ученичество должно в первую очередь подчеркивать именно личную его сторону! «Даяние без самого дающего тщетно». То христианство, что пытается страдать не напрямую, а опосредованно, через кого-то, не является христианством Христа! Каждый отдельный христианин-предприниматель или гражданин обязан идти по следам Его, тропой принесения себя лично Ему в жертву. Сегодня эта тропа ничем не отличается от той, какой она была во времена Иисуса. Это та же самая тропа! Призыв сего умирающего века, как и призыв того века, что грядет за ним — это призыв к новому обету, к новому следованию за Иисусом, более похожему на раннее, простое, апостольское христианство, когда Его ученики оставляли все и в прямом смысле шли за своим Властелином. И ничто иное, помимо послушания такого рода, не в состоянии принять вызов разрушительного себялюбия нынешнего времени: лишь в этом послушании есть надежда на победу. Сегодня повсюду страшно распространилось христианство номинальное. А требуется христианство настоящее! Мы испытываем нужду в возрождении христианства Христа! Мы сами, неосознанно, позволили нашему ученичеству из-за нашей лени и эгоизма, из-за приверженности к формальному христианству, перерасти в такое ученичество, которое Сам Иисус не стал бы признавать. Многим из нас на крики: «Господи, Господи!», Он ответит: «Не знаю вас!» Готовы ли мы поднять свой крест? Возможно ли для этой церкви петь, не кривя душою:

«Крест, Иисусе, свой беру я; все оставив, вслед иду...»

Если мы в состоянии петь этот гимн с чистым сердцем, тогда мы можем

говорить, что мы — настоящие послушники и ученики. Однако, что, если для нас определение «быть христианином» означает лишь наслаждение теми привилегиями, что дает богослужение? Означает щедрость без того, чтоб самим страдать, хорошее времяпрепровождение в окружении приятных друзей и приносящих комфорт вещей, уважение в обществе наравне с избеганием наибольшего стресса мира сего с его грехом и нуждою, поскольку он несет с собой слишком много боли? Если наше определение христианства таково, будьте уверены, в этом случае мы далеки от следования Его стопами! Ибо Его путь — это стелания, слезы и боль за погибшее человечество. Это путь Того, Кто ронял капли кровавого пота, Кто возопил на вознесенном к небесам кресте: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты оставил Меня?!»

Готовы ли мы принять новое послушничество и жить согласно ему? Готовы ли мы к тому, чтобы по-новому определить для себя понятие «христианин»? Что означает быть христианином? Это значит — подражать Иисусу! Это значит, поступать так, как Он мог бы поступить бы на нашем месте. Это значит, идти по следам Его.

Когда Генри Максвелл закончил свою проповедь, он сделал паузу и окинул зал таким взглядом, который люди никогда не смогут позабыть. В первый момент они не оценили этот взгляд, не поняли его. В тот день в той слывшейся очень модною церкви скопилось много народу: всем довольных мужчин и женщин, годами привыкших вести легкую жизнь номинального христианства. Давящая тишина опустилась на все собрание. И в этой тишине до сознания людей стало постепенно доходить нечто необычное, и прежде для них непривычное: они начали осознавать присутствие Силы Божества. Каждый из присутствующих ожидал от проповедника призыва к добровольцам, желающим поступать так, как мог бы поступать Иисус. Однако, на сей раз, Дух велел Максвеллу лишь донести свое послание до людей, и подождать, к каким это приведет последствиям.

Он закрыл богослужение, прочитав трогательную молитву, слова которой сохранили присутствие Божества в непосредственной близости от каждого из слушателей, и люди стали медленно подниматься, чтобы покинуть церковь. Вслед за тем последовала сцена, которая никогда бы не случилась, если бы о таком результате ратовал лишь обыкновенный человек.

Мужчины и женщины, в огромном количестве, столпились вокруг амвона, стремясь лично увидеться с мистером Максвеллом и заявить ему о своем желании вступить в число послушников обета поступать так, как поступал бы Иисус. Это было чисто добровольное, спонтанное движение, оказавшее на его чувства такой эффект, что он не был в состоянии даже измерить! Но разве не об этом самом событии он возносил свои молитвы? Да, то был ответ, превосходящий все его ожидания!

Вслед за этим столпотворением последовало молитвенное собрание, впечатления от которого полностью повторяли то, что произошло некогда в Реймонде. А вечером, к вящей радости мистера Максвелла, члены местного «Общества стремления», почти до единого, вышли вперед, подобно многим прихожанам этой церкви, принесшим свой обет еще утром. Люди со всей

серьезностью, торжественно и с трогательным видом давали клятву поступать так, как поступал бы Иисус. Глубокая волна крещения духом накрыла все собрание ближе к его концу. Результаты этого крещения просто невозможно описать: настолько люди оказались переполнены нежностью, радостью и состраданием!

Этот день остался памятной датой в истории той церкви, но еще более памятным событием он оказался для самого Генри Максвелла. Он ушел с вечернего собрания очень поздно. Возвратившись в свою комнату в здании Поселения, где он провел все дни в этот приезд в Чикаго, реймондский пастор провел еще час в беседе с епископом и доктором Брюсом. Вместе они еще раз переживали все радостные события этого воскресенья. После чего Максвелл, сидя в кресле, задумался о своей жизни: на память ему приходило все, что было связано с его опытом христианина.

Он опустился на колени. Такая молитва перед сном давно уже вошла у него в привычку, но на этот раз священнослужителю предстояло восхитительное видение: ему дано было увидеть то, во что мог бы превратиться мир, соединись новое послушничество с совестью и сознанием христианства. Генри Максвелл осознавал, что не спит, и с не меньшей очевидностью ему представлялось, что он отчетливо видит некоторые из деталей или как часть будущего, или же, как свои собственные чаяния, постепенно превращающиеся в реальность. Вот, что Генри довелось увидеть во время своего бодрствования:

Вначале он увидел самого себя. Вот, он возвращается назад в Реймонд, в «Первую Церковь». Он живет там простою, даже более самоотверженной жизнью, чем ему хотелось бы ранее. Причина его лишений — более полное осознание путей, как помочь другим, действительно нуждающимся в его помощи. Также он увидел, хотя и смутно, как наступает время, когда его положение пастора церкви начинает приносить ему все больше страданий, поскольку среди прихожан нарастает оппозиция его толкованию Иисуса и Его поведения. Но эту часть видения Максвелл видит лишь в общих чертах, слыша, между тем, голос: «Довольно с тебя благодати Моей!»

Затем он увидел Рейчел Уинслоу и Вирджинию Пейдж, продолжающих свое миссионерское служение в «Прямоугольнике». Их руки с любовью достигают страждущих далеко за пределами Реймонда. Максвелл видел, что Рейчел вышла замуж за Роллина Пейджа, и оба они полностью посвящают себя служению Повелителю. Благодаря своей любви друг к другу они с еще большим усилием следуют Его стопам. А голос Рейчел продолжает звучать: в самых глухих трубах и самых мрачных местах безнадежного греха. Повсюду он призывает потерянные души возвратиться назад, к Богу и небесам.

Он видел президента колледжа Марша, использующего свои глубочайшие знания и свое огромное влияние для того, чтобы очищать город и облагораживать патриотизм его жителей. Он по-прежнему воодушевляет молодых мужчин и женщин, которые любят его и уважают за то, что он живет жизнью христианина. Президент Марш неуклонно учит их тому, что образование означает великую ответственность перед теми, кто слаб и невежественен.

Он видел Александра Пауэрс, которому вновь и вновь приходится сносить

страдания по причине неустройства личной жизни. Его постоянно гложет печаль из-за отстраненности жены и друзей, но он продолжает идти своею дорогою, не утратив ни чести, ни достоинства. Из всех своих сил он продолжает служить тому Властелину, Которому он решил повиноваться, несмотря на утрату положения в обществе и своего состояния.

Он видел Милтона Райта, коммерсанта, которого подстерегает полоса неудач. Обстоятельства деловой жизни складываются так, что все его состояние идет прахом. Какие-то финансовые воротилы заинтересованы в крупной афере, и в результате дело Райта рушится: не по его личной вине, но просто в результате тех превратностей судьбы, что проистекают напрямую из его честного христианского отношения к бизнесу. Оправившись от удара, разоренный предприниматель начинает жизнь заново. Он выбирает работу в той сфере, где сможет послужить примером следования стопами Ииуса в бизнесе для сотен молодых людей.

Он видел Эдварда Нормана, главного редактора «Ньюз», который благодаря пожертвованным Вирджинией деньгам сумел создать реальную силу из журналистики. Со временем газетное дело будет признаваться одним из основных факторов, формирующих принципы государства и по-настоящему творящих его политику. Норману удастся сотворить ежедневный пример влиятельной христианской прессы, и вслед за ним целая серия подобного рода изданий будет выпускаться другими послушниками, также принявшими обет.

Он видел Джаспера Чейза, что продолжает отрицать своего Властелина. Джаспер постепенно превратился в холодного циника, ведущего лишь поверхностную жизнь, и продолжающего писать свои романы. Его книги пользуются большим спросом в обществе, но каждый новый роман лишь добавляет тайной укоризны его автору и служит очередным напоминанием его отказа служить Владыке. Чем больше укоров, тем горше воспоминания, боль от которых не в состоянии удалить даже сладость успеха.

Он видел Розу Стерлинг, которой несколько лет придется зависеть от своей тетушки и Фелиции. В конце концов, Роза выйдет замуж за мужчину, значительно превосходящего ее по возрасту. Ее желание стать женою богатого человека, чтоб наслаждаться физическими удовольствиями, составляющими для нее весь смысл жизни, вынудит девушку принять на себя ношу супружества, в котором с ее стороны нет места подлинному чувству. И в этой части своего видения Максвеллу довелось видеть немало смутного — какие-то темные и страшные тени, но в деталях ничего нельзя было разобрать.

Он видел Фелицию и Стивена Клайда, счастливо живущих в браке. Какая прекрасная жизнь! Они вместе, жизнь их полна энтузиазма, они не перестают радоваться в своих страданиях, изливая всю силу своего великого, мощного и вместе с тем восхитительного служения в самые мрачные, темные и ужасные места своего огромного города. Они возрождают заблудшие души посредством личного примера своей семьи. Вся их деятельность проходит с использованием естественной тоски человека иметь свою семью, свой собственный дом.

Он видел доктора Брюса и епископа, продолжающих свою работу в Поселении. Глазам Максвелла открылся огромный блистающий лозунг,

расположенный над входом в их здание их миссии: «Как бы поступил Иисус?» Посредством этого девиза каждый, кто переступает порог Поселения, неизбежно начинает следовать путем своего Владыки.

Он видел Бернса и его товарища, а также большую группу им подобных людей. Возрожденные к новой жизни, они, в свою очередь, стремились повлиять на других, таких же, как они. Божественная благодать помогала им сломить сопротивление человеческих страстей, и каждый день прожитой по-новому жизни только подтверждал реальность рождения свыше даже наиболее заблудших или потерянных для общества людей.

Но вдруг дотоле четкое видение помутнело. Максвеллу теперь казалось, что когда он опустился для молитвы на колени, последовавшее видение отразило скорее его страстное желание видения будущего, чем реальную картину этого будущего. Да, церковь Иисуса в этом городе, и по всей стране! Последует ли она Иисусу? Неужели то движение, что началось в Реймонде, истощит себя в нескольких церквях, подобных Церкви на Назарет-Авеню и той, где он проповедовал сегодня? А затем умрет, как всего лишь одна из местных инициатив, слегка возмущившая поверхность, но не способная проникнуть ни в толщу океанских вод, ни взволновать всю ширь океана? Пастор ощущал себя в агонии после увиденного. Ему казалось, пред его глазами раскрылось само сердце церкви Америки, готовой принять Духа и подняться, чтобы принести в жертву свое благополучие и комфорт ради имени Иисуса. Максвеллу почудилось, что он видит девиз, «Как бы поступил Иисус?», начертанным на дверях каждой церкви, выжженным в сердце каждого из прихожан.

Видение продолжало таять. Вот оно вспыхнуло, ярче, чем прежде, и Максвелл увидел «Общества стремления» по всему миру. Люди двигались длинными процессиями, собираясь на какой-то громадный съезд, неся знамена, надпись на которых гласила: «Как бы поступил Иисус?» Генри казалось, что на лицах этих молодых мужчин и женщин он видит предвкушение радости от будущих страданий, потерь, самоотвержения и мученичества. Когда же и эта часть видения постепенно замутилась, он увидел фигуру Сына Божия, делающего знак ему и прочим персонажам из жизни пастора. Где-то вдали пел хор ангелов. Вдруг послышался шум множества голосов и громкие крики, как будто возвещающие великую победу. Фигура Иисуса становилась все более четкою. Вот Он, стоит наверху лестницы со множеством ступеней. «Да, да! О, мой Повелитель, разве не наступает рассвет тысячелетней власти христианства?! Так излей же Свой свет и истину на христианство века сего! Помоги нам следовать Тебе, чтоб пройти за Тобою весь путь!»

Наконец, он поднялся с колен, испытывая благоговение и трепет человека, прикоснувшегося к тайнам небесным. Отныне он ощущал силу человечества, как и его греховность, как никогда прежде. И с надеждою, что идет рука об руку с верой и любовью, Генри Максвелл, послушник и ученик Иисусов, лег в постель. Ему снились сны о возрождении христианства, и он видел церковь Иисуса без единого пятнышка, без единого порока. Она следовала Ему по всему пути, послушно идя по следам Его.

КОНЕЦ